

Учредители:
Институт географии РАН
Смоленский государственный университет
Балтийский федеральный университет
им. И. Канта

Издатель:
Смоленский государственный университет
Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
Пер. № ПИ № ФС77-75135 от 07.03.2019
Журнал входит в Перечень рецензируемых
научных изданий ВАК, в которых должны
быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций

Главный редактор:
д.г.н., проф. Катровский А.П. (Смоленск)

Заместители главного редактора:
д.г.н., проф. Колосов В.А. (Москва)
д.г.н., проф. Федоров Г.М. (Калининград)
к.г.н., доц. Шувалов В.Е. (Москва)

Редакционный совет:
акад. РАН, д.г.н., проф. [Бакланов П.Я.] (Владивосток);
д.г.н., проф. Белозеров В.С. (Ставрополь); акад. РАН,
д.г.н., проф. Добролюбов С.А. (Москва); д.э.н., проф.
Жихаревич Б.С. (Санкт-Петербург); д.г.н., проф. Зу-
баревич Н.В. (Москва); акад. РАН, д.г.н., проф. Ка-
симов Н.С. (Москва); член-корр. РАН, д.э.н., проф.
Кузнецов А.В. (Москва); д.г.н., проф. Мажар Л.Ю.
(Смоленск); д.э.н., проф. Малов В.Ю. (Новосибирск);
д.г.н., проф. Чистобаев А.И. (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. Швецов А.Н. (Москва)

Редакционная коллегия:
к.г.н. Агирречу А.А. (Москва); д.г.н., проф. Алексан-
дрова А.Ю. (Москва); д.г.н., проф. Алексеев А.И.
(Москва); д.г.н., проф. Бабурин В.Л. (Москва); д.г.н.,
проф. Битюкова В.Р. (Москва); д.э.н., проф. Вардом-
ский Л.Б. (Москва); д.э.н., проф. Власова Н.Ю. (Ека-
теринбург); к.г.н. Глезер О.Б. (Москва); д.г.н., проф.
Зырянов А.И. (Пермь); д.э.н., проф. Климанов В.В.
(Москва); д.э.н., проф. Кузнецова О.В. (Москва); к.г.н.,
доц. Кузнецова Т.Ю. (Калининград); д.г.н., проф. Ма-
наков А.Г. (Псков); к.г.н., доц. Наумов А.С. (Москва);
д.г.н. Нефедова Т.Г. (Москва); д.г.н., проф. Пилясов
А.Н. (Москва); д.г.н., проф. Потоцкая Т.И. (Смоленск);
к.пед.н., доц. Розанова Н.Н. (Смоленск); д.г.н., доц.
Савоскул М.С. (Москва); к.г.н., доц. С.Г. Сафронов
(Москва); д.г.н. Стрелецкий В.Н. (Москва); д.г.н. Тар-
хов С.А. (Москва); д.г.н. Тревиш А.И. (Москва); д.г.н.,
проф. Ткаченко А.А. (Тверь); д.г.н., доц. Часовский
В.И. (Калининград); д.г.н., проф. Шупер В.А. (Москва)

Ученый секретарь редколлегии:
к.г.н. Яськова Т.И. (Смоленск)

Адрес редакции и издателя:
214000, Смоленская область, Смоленск,
ул. Пржевальского, д. 4
Смоленский государственный университет
E-mail: region_issled@mail.ru
Цена свободная

Дата выхода 27.12.2023
Формат 70x108^{1/16}. Гарнитура «Times»
Тираж 125 экз.

Отпечатано:
Типография «Белый ветер»
г. Москва, ул. Щипок, д. 28
Тел.: (495) 651-84-56
E-mail: wwprint@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал
Основан в феврале 2001 года
Выходит 1 раза в квартал

№ 4 (82), 2023

СОДЕРЖАНИЕ

№ 4, 2023¹**РЕГИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ***Газарьян Г.С., Гречко Е.А.*

Формирование современных цепочек добавленной стоимости в производстве одежды: географические аспекты 4

Дружинин А.Г.

Талассоцентрированность приморских территорий России: селитебное и хозяйственное измерение 18

Максименко Д.Д.

Актуальные факторы размещения высокотехнологичных производств в России 29

Синцеров Л.М.

Вопросы транснационализации мирового хозяйства и сдвиги в географии прямых иностранных инвестиций в 1970–2020 гг. 41

МЕТОДИКА РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ*Боос В.О., Шубина В.И., Куценко Е.С.*

Регионы России в фокусе индекса качества креативных политик 53

Даньшин А.И., Радикович А.В.

Комплексная оценка развития сельского хозяйства российско-белорусского приграничья 66

Демидова К.В.

Оценка влияния крупных инвестиционных проектов на развитие экономики муниципальных образований в регионах Восточной Сибири 80

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА*Кондратьева С.В.*

Туристские предпочтения российских граждан: дестинации и тенденции 95

Указатель статей, опубликованных в журнале**«Региональные исследования» в 2023 г.** ..... 105¹ Выпускающий редактор номера – Шувалов В.Е.

CONTENTS№ 4, 2023¹**REGIONAL ANALYSIS***Gazaryan G.S., Grechko E.A.*Formation of modern global value chains
in the clothing industry: geographical aspects ..... 4*Druzhinin A.G.*Thalassocentricity of the coastal territories of Russia:
residential and economic measurement ..... 18*Maximenko D.D.*

Present location factors of high-tech industries in Russia 29

*Sintserov L.M.*Issues of the transnationalism of Global Economy
and geographical shifts in foreign direct investment, 1970–2020 ..... 41**METHODS OF REGIONAL RESEARCH***Boos V.O., Shubina V.I., Kutsenko E.S.*

Russian regions in focus of creative policies quality index 53

*Danshin A.I., Radikevich A.V.*Comprehensive assessment of agricultural development
in the Russia-Belarus border region ..... 66*Demidova K.V.*Assessment of large-scale investment projects impact
on economic development of municipal economies
in Eastern Siberia ..... 80**REGIONAL PROBLEMS OF TOURISM DEVELOPMENT***Kondrateva S.V.*

Travel preferences of Russian citizens: destinations and trends 95

2023 REGIONAL RESEARCH ARTICLES INDEX ..... 105¹ Issue editor – *Shuvalov V.E.*

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

УДК 910.3

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ЦЕПОЧЕК ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ В ПРОИЗВОДСТВЕ ОДЕЖДЫ: ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

© 2023 г. Г.С. Газарьян*, Е.А. Гречко**

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
географический факультет, Москва, Россия*

*e-mail: g.s.gazaryan@rambler.ru

**e-mail: grechko-gmh@yandex.ru

Исследование посвящено участию стран в глобальных цепочках добавленной стоимости (ЦДС) в производстве одежды. Отдельное внимание уделено вкладу различных стадий ЦДС в создание добавленной стоимости одежды, распределению тех или иных операций и агентов формирования стоимости в мире и особенностям участия разных стран и регионов на каждой из стадий. В производстве одежды дешевого сегмента выделяются страны Юго-Восточной Азии, Турция, Индия, Китай, а непроизводственная стадия (дизайн, брендинг) приурочена к странам базирования компаний-владельцев брендов, например, Франции, Германии, Италии, Испании, США. Рассмотрены новые факторы изменения цепочек добавленной стоимости: цифровизация и устойчивое развитие, расширяющие число участников ЦДС за счет стран, ранее не обладавших достаточными преимуществами, чтобы занимать существенную долю на рынке. Под влиянием концепции устойчивого развития возрастает доля ранка одежды из переработанного или экологически чистого сырья: в ЦДС вовлекаются страны, ранее не обладавшие конкурентными преимуществами в этой отрасли, например, Шри-Ланка, Кения, Израиль (создание переработанного синтетического сырья); Уругвай, Аргентина и ЮАР (эко-шерсть), Китай и Индия (экохлопок). Развитие Интернет-торговли приводит к сдвигу генерации стоимости от стран, размещающих розничные магазины, к странам, где расположены, крупнейшие складские помещения компаний и интернет-магазинов, а также офисы транспортных компаний.

Ключевые слова: производство одежды, глобальные цепочки добавленной стоимости, географическая структура производства, формирование стоимости одежды, торговля одеждой.

DOI: 10.5922/1994-5280-2023-4-1

Введение и постановка проблемы. Производство одежды вносит существенный вклад в мировую экономику. В 2022 г. доля торговли одеждой достигала по различным оценкам от 4,1% до 9,4%, при том, что объемы глобальной торговли стабильно растут (в период с 2021 по 2022 г. показатель вырос с 28,5 до 32 трлн долл. США) [23]. Также постепенно растет и объем торговли товарами, произведенными в соответствии с основными принципами концепции устойчивого развития. Отрасль играет важную роль для

стран с разным уровнем экономического развития: как для наиболее слабых государств, неспособных к сложным производствам, для государств с обилием дешевой рабочей силы (например, доля производства одежды в промышленном секторе ВВП Бангладеш достигает 57%, Шри-Ланки – 39%, Китая – 10%), так и для развитых стран (доля для Италии – 8%) [29].

В ходе своего исторического развития производство одежды¹ преодолело путь от мелких, зачастую ограниченных рамками

---

¹ В работе рассматривается только одежда, созданная на текстильной основе, поскольку одежда из таких материалов, как кожа и мех, имеет иные механизмы создания конечной продукции и менее распространена на рынке, ввиду тенденции постепенного отказа от применения этих материалов в производстве одежды, в связи с изменением предпочтений потребителей.

домохозяйства, локальных производителей, объем выпуска которых мог удовлетворить лишь личный спрос, до крупнейших ТНК мира, вовлекающих в производственный процесс и торговые операции практически весь мир. Однако, даже такие гиганты, способные влиять на мировое хозяйство, сильно подвержены влиянию множества факторов, провоцирующих как технологические, так и географические изменения в отрасли. Постоянно растущий спрос на одежду, вызванный активно растущей численностью населения планеты, вынуждает производителей увеличивать объемы и искать новые способы производства, стараясь минимизировать дополнительный ущерб окружающей среде, что определяет изменения в глобальной структуре цепочек добавленной стоимости. Формирование цепочек добавленной стоимости в производстве одежды на текстильной основе и их пространственная конфигурация оказываются под влиянием принципов концепции устойчивого развития, что и обусловило актуальность данного исследования, целью которого является выявление географической структуры цепочек добавленной стоимости в производстве одежды.

Обзор ранее выполненных исследований. Концепция цепочек добавленной стоимости (ЦДС) уходит корнями в 1970-е гг.: именно при исследовании «товарных цепочек» в швейной промышленности происходили первые попытки проследить трансформацию сырья и материалов (хлопка, шерсти, синтетических волокон) в конечный продукт (одежду). Постепенно концепция глобальных товарных цепочек трансформировалась в концепцию ЦДС, более детально рассматривающую непроизводственные стадии создания стоимости, значение которых стабильно возрастает (издержки брендинга, маркетинга и НИОКР во многом будут определять стоимость конечной продукции), что определяется усилением роли третичного сектора в мировом хозяйстве. ЦДС могут рассматриваться как на микро-, так и на макроуровне. П. Гиббон, например, анализирует опыт отдельных кластеров и отраслей. «Интернационалисты» Г. Джереффи и Р. Каплински рассматривают ЦДС на макроуровне. Именно Г. Джереффи принимал участие в исследовании глобальных цепочек добавленной стоимости в производстве одежды

под эгидой ЮНИДО: упор в работе делается на вовлечение развивающихся стран в ЦДС с акцентом на торговую составляющую [12].

Исследование ЦДС также получило достаточно широкое распространение и среди российских ученых. Так, термин «международное разделение производственного процесса», наиболее близкий к концепции ЦДС, предложил российский экономист Ю.В. Шишков [8]. ЦДС в различных отраслях рассматриваются в работах В.Б. Кондратьева [4], Т.И. Потоцкой, подробно рассматривающей с этих позиций алмазно-бриллиантовый комплекс [7]; В. Варнавский разрабатывает методические вопросы анализа международной торговли в категориях добавленной стоимости [2]. Среди географических исследований отдельного внимания заслуживает типология стран по их роли и участию в мировой швейной промышленности, предложенная И.Н. Панкратовым и А.В. Федорченко [6], и ареалы швейной промышленности, выделенные В.В. Акимовой и М.А. Купцовой [1] на основе анализа производственных сетей в Азии.

Основываясь на научных трудах Д.Б. Кларка, М. Портера и Г. Джереффи, можно охарактеризовать глобальные цепочки добавленной стоимости (ЦДС) как совокупность операций различных секторов экономики, через которые проходит товар, и в процессе которых формируется и аккумулируется его конечная стоимость, при вовлечении в деятельность различных государств (как через производство товара, так и через реализацию продукта на рынке). Согласно одной из самых распространенных моделей ЦДС – «Smiling curve» [14], в состав конечной стоимости товара входят несколько элементов с различным вкладом в формирование стоимости. Чем больше вклад элемента, тем выше он расположен на графике по оси «стоимость» (рис. 1). Элементы сгруппированы по трем основным стадиям: предпроизводственная, производственная и постпроизводственная.

Предпроизводственная стадия включает в себя НИОКР, дизайн и закупки. В процессе производства одежды затраты на НИОКР и дизайн достаточно тесно связаны, и многие компании объединяют подразделения за них отвечающие, поэтому агентом формирования добавленной стоимости выступает один и тот же элемент организационной структуры.

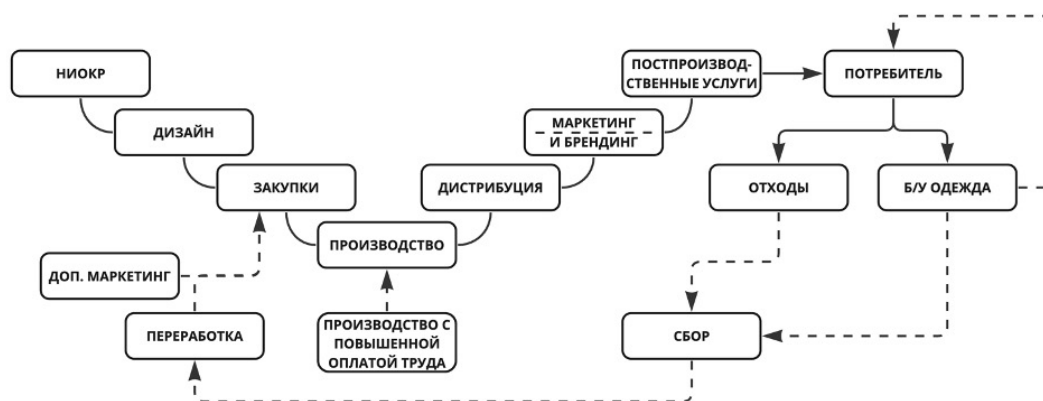

Рис. 1. Структура ЦДС в производстве одежды с учетом операций устойчивого подхода.
Составлено авторами.

В некоторых моделях два этих элемента заменяются стадией проектирования [3]. В постпроизводственную стадию включаются затраты на маркетинг и брендинг, дистрибуцию и прочие постпроизводственные услуги. Маркетинг и брендинг зачастую разделяется на две составные части, что вызвано распределением операций по различным агентам формирования стоимости [13].

ЦДС в разных отраслях имеют свои особенности – разную протяженность, разный вклад элементов ЦДС в конечную стоимость, разную пространственную конфигурацию. Географические особенности современных ЦДС в производстве одежды стали предметом настоящего исследования.

В данной работе рассмотрение элементов ЦДС будет проходить по стадиям, в соответствии с последовательностью включения элементов в итоговую стоимость продукции, начиная с предпроизводственной, далее – производственной, и постпроизводственной.

Материалы и методика исследования. В основу статьи легли статистические данные по международной торговле (направления и объемы импорта и экспорта продукции) лаборатории Массачусетского технологического института (ОЕС), статистические сводки специализированных журналов (*FIBRE2FASHION*); исследования российского (*InSales, MegaResearch*) и международного рынков новой и бывшей в употреблении одежды; материалы некоммерческой организации *Textile Exchange* о внедрении устойчивого подхода в различ-

ных сферах производства и использовании экологически-чистых материалов при создании одежды.

Экономико-географический анализ позволил выявить географическую структуру цепочек добавленной стоимости в производстве одежды и охарактеризовать каждую стадию, в том числе с учетом принципов устойчивого развития.

Результаты исследования.

Географическая структура ЦДС в производстве одежды.

На предпроизводственной стадии элементами с наиболее высоким стоимостным участием в цепочке по созданию одежды являются НИОКР и дизайн, приуроченные к странам с высококвалифицированными кадрами, в которых расположены либо головные подразделения, либо лаборатории ведущих компаний. Особое место занимают Италия, Великобритания, Франция, Испания, Германия, Нидерланды и США – здесь расположены центры генерации дизайна: модные столицы и модные города. Для модных городов и столиц существует собственная типология, основанная на специализации города и его роли в индустрии: производство (массовая, промышленная мода), дизайн (дизайн как искусство, концентрация дизайнерских агентств), символ (дизайн как культурный элемент, отражение вклада в развитие моды). Города в разной степени тяготеют к одному или нескольким типам (рис. 2). Опираясь на исследование Д. Гилберта и П. Каседеи, к модным столицам можно отнести

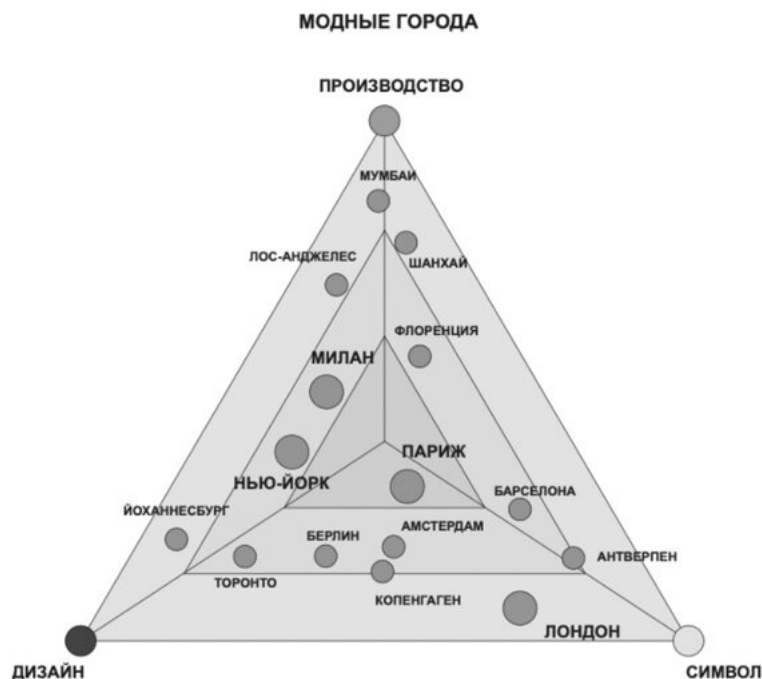

Рис. 2. Типология модных городов.

Составлено авторами по: [10].

Лондон, Милан, Париж и Нью-Йорк. Это места концентрации штаб-квартир брендов и холдингов, проведения главных мероприятий в модной индустрии. Эти города оказывают намного большее воздействие на индустрию в сравнении с модными городами.

В производстве одежды НИОКР и дизайн представляют собой единый элемент, поскольку применение инновационных материалов и конструкторских решений в создании товаров отрасли напрямую влияет на дизайн изделия и зависит от решений дизайнеров². Операции, связанные с НИОКР, осуществляются лабораториями компаний, сторонними агентствами, оказывающими комплексные услуги, заводами и фабриками, выпускающими продукцию. Схожий набор агентов отвечает за дизайн, который может создаваться известным дизайнером (более дорогие сегменты), или дизайнерскими отделами брендов, сторонними агентствами, которые создают крупные партии с готовым дизайном, на который наносится соответствующий

логотип (Original design manufacturer или ODM-контракт). Характерным примером лаборатории служит подразделение компании *Nike – Nikelab*, чья инновационная продукция выпускается под отдельным брендом *NikeLab*. В среднем стоимость продукции *NikeLab* превышает стоимость продукции *Nike* на 15–20%, что объясняется эксклюзивным подходом к созданию дизайна и показывает высокое значение затрат на НИОКР в формировании конечной цены товара.

Географическая структура закупок определяется типом сырья, из которого изготавливаются ткани. Основное сырье швейной промышленности – ткани, производимые из волокон, полученных в результате деятельности химической промышленности, либо сельского хозяйства. Дифференциация тканей является отражением дифференциации волокон, среди которых выделяют натуральные, искусственные, синтетические и смесовые ткани³. Производство натурального сырья в большей степени тяготеет

² Именно здесь определяется, например, какое сырье будет задействовано при производстве.

³ Первыми стали применяться натуральные волокна животного (шерсть, шелк) и растительного происхождения (хлопок, лен). Далее были созданы и внедрены в производство искусственные волокна (вискоза, ацетат, триацетат). Затем, в первой половине XX в. были созданы синтетические волокна (полиэстер, полиамид), в кратчайшие сроки заняв большую долю рынка: в период с 1975 по 2020 г. годовой объем производства полиэстера вырос с 3,37 до 57 млн т. А его доля в объеме используемых волокон только в период с 2010 по 2019 г. выросла с 58 до 65% [27].

к сырьевым базам: Китай (26% мирового производства), Индия (24%), США (17%), Бразилия (12%), Пакистан (6%) и Узбекистан (3%) – лидеры по производству хлопка [24], Австралия, Китай, Новая Зеландия, США и Аргентина – по производству шерсти. Производство синтетического сырья во многом определяется производством полиэстера и тяготеет к таким центрам как Китай, Индия, США, Индонезия, Республика Корея, страны ЕС [21]. Трудоемкость процесса производства тканей определяет расположение основных производственных мощностей на территории стран с дешевой и, зачастую, избыточной рабочей силой⁴. Среди лидеров по производству: Китай (52,2%), Индия (6,9%), США (5,3%), Пакистан (3,6%), Бразилия (2,4%), Индонезия (2,4%) и Турция (1,9%). Лидерство по торговле тканями также удерживает Китай, на который приходится более 37% стоимостного объема международного экспорта [22].

Закупки вносят самый низкий стоимостной вклад в цену конечного продукта, в связи с дешевизной сырья. Исключение – брендовые ткани и ткани, произведенные с применением устойчивого подхода (они зачастую брендируются и зависят от маркетинговой кампании, позволяющей им конкурировать с более дешевым «обычным» сырьем). Но даже при использовании тканей с повышенной стоимостью доля закупок не будет значительно увеличиваться, так как параллельно росту цены на сырье будет увеличиваться и конечная стоимость продукции в целом. Стоимость тканей формируется в собственной цепочке добавленной стоимости⁵, делая структуру ЦДС в производстве одежды многоуровневой, что необходимо учитывать при анализе, поскольку некоторые нововведения и инновации, определяющие стоимость продукции, заметны только на более низких иерархических уровнях, например, применение устойчивого подхода в производстве сырья.

Производство готовой одежды в основном связано с двумя направлениями, продиктованными сегментацией рынка: производство одежды более дешевого (массового)

сегмента тяготеет к таким странам, как Китай, Индия, Мексика, Румыния, Болгария, Турция, Египет, страны Юго-Восточной Азии, то время как одежда более дорогого (премиум) сегмента производится в странах с особым статусом в модной индустрии и более высокооплачиваемой и высококвалифицированной рабочей силой, среди которых Италия, Франция, Великобритания, Германия, Испания, Португалия, США, Япония.

Ведущую роль в производстве одежды благодаря большим объемам производства и высокой занятости сохраняет азиатский регион. Здесь расположены многие важнейшие ареалы текстильно-швейной промышленности: ареалы комплексного мелко-масштабного производства (дельта Янцзы, дельта Чжуцзян, Бангкокский, Североиндийский и Южноиндийский ареалы) и ареалы крупномасштабного швейного производства на базе иностранного капитала (Бангладешский, Камбоджийский, Янгонский, Центральнованский ареалы) [1]. Однако внутри региона происходят существенные структурные сдвиги [9]: трудоемкие производства постепенно выносятся из Китая во Вьетнам и затем в другие страны АСЕАН. Опережающий по уровню экономического и технологического развития Китай переориентируется на более прибыльные и сложные стадии создания стоимости [15], подключая менее развитые азиатские страны к глобальным цепочкам в качестве поставщиков компонентов [5], сырья и продукции для дальнейшей модификации, или реэкспорта⁶.

Маркетинг и брендинг в ЦДС по созданию одежды зачастую разделяются на самостоятельные элементы. Маркетинг обеспечивает продвижение товара (взаимодействие со СМИ, проведение промоакций), бренды же служат агентами, регулирующими операции, поскольку являются инициаторами их формирования, выражая или создавая интересы потребителя. Бренды связаны с созданием визуального стиля товара, слогана, репутации, подбором цветов, названия и логотипа. Брендинг, как один из инструментов маркетинговой деятельности, выступает в качестве своеобразного гаранта качества продукции

⁴ На размещение производства тканей влияют и такие факторы, как, развитая химическая промышленность, передовые технологии, доступ к капиталу, «статус» страны в отрасли, историческая специализация и др.

⁵ Для ЦДС производства ткани характерно снижение значимости затрат на маркетинг и брендинг, но сохранение значимости затрат на дизайн и НИОКР.

⁶ Влияние на перенос оказал также рост оплаты труда в стране, после вступления в ВТО и сокращение численности рабочей силы. В пользу перемещения фабрик и производств в страны Юго-Восточной Азии говорит и желание компанией обезопасить бизнес-процессы от торговых войн между США и КНР.

и индикатора ее статуса. Стоимость, создаваемая в процессе брендинга, определяется сегментом, на который ориентирована продукция: чем ближе к премиальному сегменту, тем выше.

Премиум-сегмент характеризуется концентрацией брендов под управлением мультибрендовых холдингов, таких как *Kering S.A.* (Франция), *LVMH* (Франция), *Capri Holdings* (США), и размещением в пределах развитых стран (особенно в тех, где высока роль моды и искусства в культурной жизни), высокой покупательной способностью населения и исторической специализацией на производстве товаров высокой моды. В этом сегменте выделяются Франция, Италия, США, Великобритания, Япония. Для брендов массового сегмента подобная концентрация не характерна, однако можно выделить США и Испанию, где расположены крупнейшие мультибрендовые компании одежды широкого потребления, например, американская *VF Company* и испанская *Inditex*. Страны, в которых зарегистрированы ведущие компании, оставаясь лидерами в производстве одежды, дополняются рынками, на которых наблюдается наибольший спрос.

В современном мире произошел слом привычных механизмов формирования стоимости товара – все большую значимость приобретают не потребительские свойства товара и затраты на его производство, а успех маркетинговой кампании. Ценообразование во многом зависит от предпочтений потребителей, покупательной способности и размера спроса. Например, выпуск лимитированной коллекции при наличии крупной клиентской базы может быть использован как маркетинговый ход для искусственного повышения спроса на товар, ведь в дальнейшем его можно перепродать с целью получения прибыли⁷ [26]. Перепродажа новой (или бывшей в употреблении) одежды, в ходе которой потребитель сам выступает в роли

продавца, затрудняет проведение точной оценки реальных стоимостных объемов торговли одеждой. В 2022 г. рынок подержанной одежды оценивался в 71,2 млрд долл. США, что составляет около 9% от объема рынка швейной продукции. Такая продукция становится трендовой и аналитики считают, что к 2032 г. рынок увеличится более, чем в 4 раза, достигнув 282,7 млрд долл. [28].

Несмотря на различия в масштабах рынков и покупательной способности населения, спрос на одежду повсеместен, что делает все страны мира так или иначе вовлеченными в процесс реализации готовой продукции. Продажи и постпродажное обслуживание являются самыми крупными агентами формирования добавленной стоимости в индустрии одежды. Именно они создают конечную стоимость и могут регулировать ее, стимулируя за счет маркетинговых ходов приобретение конкретных товаров⁸.

Дистрибуция представляет собой процесс доведения продукции от производства до конечного потребителя за счет налаживания логистических цепочек и вовлечения магазинов, как посредников, заканчивающих цепи поставок. Структура торговых агентов в индустрии одежды носит диверсифицированный характер: официальные магазины торговых марок (например, *Zara*, *Uniqlo*, бутики модных домов) дополняются официальными моно- и мультибрендовыми магазинами дистрибьютерами⁹. В качестве крупнейших магазинов дистрибьютеров, не принадлежащих торговым маркам, можно выделить онлайн-магазины, чьи главные офисы сосредоточены в Великобритании (*ASOS*), Италии (компания *NET-A-PORTER*, *FARFETCH*), США, что коррелирует с расположением мировых столиц моды, поскольку для покупателя это служит дополнительным гарантом качества и статуса, но необходимо отметить и сети других государств, среди которых Финляндия (*Stockmann*), Швейцария

⁷ Например, компания Nike в сотрудничестве с дизайнерским брендом Yeezy выпустила в 2012 г. небольшую партию новой модели обуви «Air Yeezy 2 SP «Red October»». Ее первоначальная стоимость была лишь немного выше, чем у аналогов – 245 долл. США за пару. Со временем товар стал эксклюзивным и приобрел культовый статус, что привело к активным перепродажам на крупнейших торговых площадках.

⁸ За счет существования большого числа агентов, выступающих в качестве продавцов, цены на конечную продукцию могут различаться колоссально и не иметь обоснованной привычными механизмами формирования добавленной стоимости конечной цены товара (яркий случай – перепродажа одежды частными лицами, продажа бывшей в употреблении одежды, перепродажа на торговых площадках). Также дополнительные трудности для сбора и обработки информации представляет отсутствие задокументированного декларирования продаж у многих торговых агентов (вещевые рынки, торговые площадки, частные продавцы).

⁹ Например, монобрендовые магазины Nike и The North Face, представленные на территории России, не являются непосредственно официальными магазинами торговых марок, но служат официальными дистрибьютерами, принадлежащими группе компаний Inventive Retail Group, так же, как и мультибрендовый официальный магазин-дистрибьютер STREET-BEAT.

(*Intersport International Corporation*) и Испания (группа компаний *Tradeinn*), которые в свою очередь занимаются не только онлайн-торговлей (рис. 3).

В рамках модели ЦДС дистрибуцию можно рассматривать как средство кооперации между странами. При каждом переходе между сырьем, промежуточным товаром и конечной продукцией в процессе создания товара и его конечной стоимости задействуется обширная сеть международных перевозок и каналов поставок во всех странах мира, затраты на которую частично нивелируется крупными партиями продукции. Существуют примеры комплексного подхода к созданию готовых производственно-торговых и дистрибутивных цепочек. Для Гонконга такой подход приобретает особое значение, так как благодаря имиджу территории и опоре на английскую правовую базу, он выступает в роли «торговых» ворот для компаний, налаживающих деятельность в Китае. Гонконгские компании *Li&Fung*¹⁰, *GAC*, *GSI* не только занимаются выстраиванием цепочек с использованием китайских производственных мощностей и логистических объектов «под ключ», но и осуществляют дальнейшую управленческую деятельность, позволяющую контролировать весь процесс

создания товара и генерации его стоимости. Преимуществами таких компаний служат налаженные контакты со многими предприятиями и логистическими компаниями в пределах страны размещения, знание тонкостей ведения деятельности на том или ином рынке, возможность принимать оперативные решения и корректировать их при необходимости.

Примеры ЦДС в производстве одежды.

В качестве примера цепочки добавленной стоимости в массовом сегменте можно привести производство джинсов компанией *Levi Strauss & Co* (рис. 4), которая не входит ни в один концерн, что позволяет более точно отследить ее роль как участника процесса формирования добавленной стоимости. Первичным сырьем служит органический хлопок, производимый в соответствии с концепциями *Better Cotton Initiative*: более половины сырья поставляется из Индии, и около одной шестой части из Китая. Далее собранный хлопок перерабатывают в ткани более чем 50 предприятий по созданию денима (грубой хлопчатобумажной ткани саржевого плетения). Предприятия располагаются в Бахрейне, Бангладеш, Египте, Индии, Италии, Китае, Лесото, Мексике, Пакистане, Тайване, Турции и Японии.

Рис. 3. Структура агентов сети дистрибуции.

Составлено авторами.

¹⁰ Как правило, деятельность подобных компаний диверсифицирована, однако *Li&Fung* фокусируется на деятельности по производству и поставкам детских игрушек и одежды. В перечень задач, выполняемых компанией, также входят: поиск поставщиков, анализ рынка и подбор наиболее подходящих товарных позиций, налаживание постоянного трансграничного грузового товарного потока, складирование и хранение продукции, создание упаковки, контроль качества, отслеживание грузов, получение и обработка заказов, маркировка и помощь в таможенном оформлении.

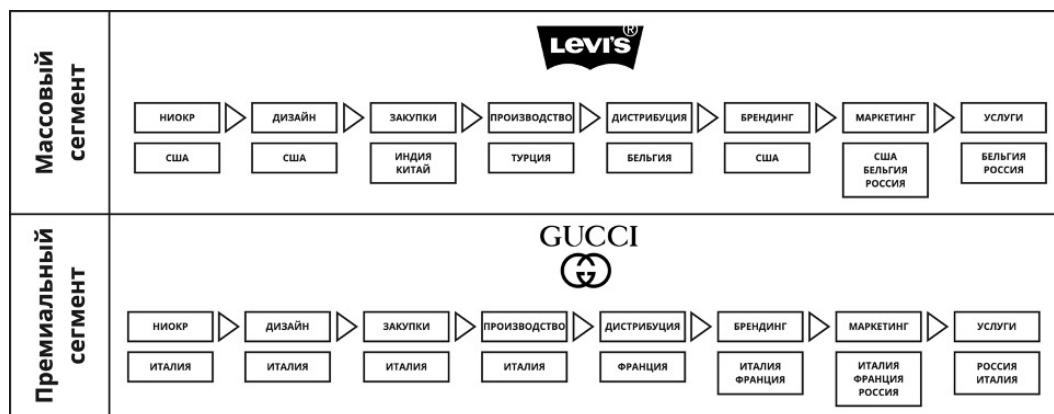

Рис. 4. Географическая структура глобальной цепочки добавленной стоимости в производстве одежды различных сегментов (на примере брендов *Levi's* и *Gucci*).

Составлено на основе данных этикеток [25] аутентичного изделия бренда и информационных ресурсов компании [13; 19].

Далее полученное сырье направляется на швейные фабрики, где создается готовый товар. Число предприятий, участвующих в аутсорсинге по производству джинсов «*Levi's*», превышает 520, при этом они расположены на территории разных стран, что определяет различия в стоимости производства. Например, 16 предприятий, расположенных на территории Турции принадлежат в основном нескольким крупным производителям¹¹. Производственные мощности располагаются преимущественно в городах северо-западной части страны и имеют выход к судоходным путям, что позволяет более эффективно осуществлять транспортировку грузов морским путем.

Далее аккумуляция стоимости происходит за счет логистических затрат, промежуточной дистрибуции и маркетинга. За контроль над этими операциями на европейском рынке отвечает брюссельское подразделение компании – *Levi Strauss Europe (LSE)*. Здесь же происходит разделение элементов маркетинга и брендинга: региональное подразделение отвечает за региональный маркетинг и контроль процессов в регионе, в то время как затраты на создание дизайна, НИОКР, брендинг и глобальный маркетинг приурочены к головному подразделению в США. За реализацию продукции и локальный маркетинг отвечает дистрибьютер, расположенный на территории страны, куда поставляется продукция, например, в Москве это *ООО*

«*Леви Штраусс Москва*», обеспечивающий также и постпродажное обслуживание. Таким образом, глобальная цепочка добавленной стоимости *Levi Strauss & Co.* даже без учета логистического аутсорсинга расширяется за счет сторонних компаний, выполняющих производственные функции или контролирующих качество получения первичного сырья, и становится разветвленной.

Для премиального сегмента можно рассмотреть пример ЦДС «*Gucci*» (рис. 4). Для компаний премиального сегмента характерно размещение производственных мощностей в странах с дорогой рабочей силой с целью строгого контроля производства и сохранения статусности продукции при проведении маркетинговых кампаний. Итальянский бренд «*Gucci*» принадлежит базирующейся во Франции транснациональной компании *Kering S.A.*, которая владеет сразу множеством брендов, выступающих в роли дочерних компаний.

Основные производственные мощности «*Gucci*» (около 95%) расположены в Италии, при этом часть фабрик принадлежит непосредственно самой компании, а не аутсорсинговым предприятиям. Одним из ключевых городов, представляющих сырьевую базу, является «текстильная столица Италии» – город Прато, где также расположена главная лаборатория испытаний и инноваций компании *Kering S.A.–TIL*, выполняющая испытания одежды и дополнительные

¹¹ Среди ведущих турецких производителей, сотрудничающих с *Levi Strauss & Co* – *Taypa Tekstil Giyim Sanayi ve Ticaret A.S.*, *Talu Tekstil San.Tic A.S.*, *Ozak Tekstil Konfeksiyon Sanayi Ve Ticaret A.S.*, *Intersource Tekstil*.

химические исследования. Несмотря на расположение головного офиса компании во Франции, НИОКР осуществляется в Италии, что вкупе с производством, закупками сырья, дизайном, брендингом и частично маркетингом, свидетельствует о более высокой концентрации глобальных операций по сравнению с *Levi's*. *Kering S.A.* не только занимается бренд-менеджментом, но и контролирует логистику, привлекая сторонних логистических операторов. Роль сторонних компаний также велика и при реализации продукции. Помимо бутиков, принадлежащих самому бренду и расположенных по всему миру, существуют также мультибрендовые розничные магазины-официальные дилеры, такие как *ОАО «ТД ЦУМ»* (на территории России), и международные онлайн-магазины (*FARFETCH*), механизм генерации конечной стоимости в которых отличается от привычных розничных магазинов¹².

Трансформация ГЦДС под воздействием новых факторов. Индустрия одежды также находится под воздействием факторов, определяющих развитие мирового хозяйства в целом и отдельных его отраслей. Важнейшими среди них становятся цифровизация и устойчивое развитие. Интересно, что во многом эти тренды определяются пожеланиями потребителей.

Цифровизация торговли затронула и индустрию одежды. Переход к более удобной для покупателя интернет-торговле привел к смещению полюса аккумуляции стоимости от физических розничных магазинов к интернет-площадкам, крупнейшим логистическим центрам и складским помещениям. Интернет-торговля позволяет расширить потребительский интерес к продукции за счет покупателей, которые ранее, в силу высокой цены товара или пространственной удаленности от места сбыта, не имели доступа к приобретению продукции. Подобную трансформацию подчеркивают данные о росте объемов интернет-торговли: только в России, по данным АКИТ (Ассоциация компаний интернет торговли) доля категории «одежда и обувь»

в общей структуре интернет-продаж составляет 14,4%, достигнув за первые месяцы 2022 г. 3,5 трлн руб., в то время как в 2013 г. объем составлял 470 млрд руб. (рост в 7,5 раз за неполные 9 лет) [16; 18].

Тяготение потребителей к онлайн-покупкам побуждает компании, в том числе и транснациональные, сокращать число представительств и магазинов в пользу создания единых логистических центров, осуществляющих хранение больших объемов продукции, из которых осуществляется доставка заказов. Подобная трансформация приводит к изменениям в географической структуре формирования конечной стоимости продукции за счет частичного исключения некоторых стран из участия в дистрибутивных сетях. Многие интернет-магазины осуществляют торговлю из-за рубежа путем размещения складских помещений в пределах одного или нескольких государств и дальнейшей реализации продукции без эксплуатации реальных магазинов или представительств на территории других стран за счет использования услуг международных курьерских и почтовых служб, зачастую оплачиваемых непосредственно потребителем. Это оказывает влияние на формирование цен, поскольку позволяет заменить издержки по аренде торгового помещения относительно более низкими издержками, связанными с арендой складских помещений. С другой стороны, для потребителя стоимость конечной покупки иногда оказывается выше за счет затрат на сопутствующие услуги, составляющие значительную долю в структуре конечной стоимости ввиду относительно низкой стоимости самого товара по сравнению с доставкой¹³.

Самыми наглядными изменениями последних лет, связанными с внедрением «устойчивого» производства стали сбор и переработка бывшей в употреблении одежды, сбор остатков производства швейной промышленности, отдельный сбор мусора, применение методов химической и биологической переработки (использование организмов, разрушающих пластик), сбор и пере-

¹² Агенты дистрибутивной сети, относящиеся к онлайн-торговле, не арендуют помещений и не нанимают персонал для розничных продаж – упор делается на складские помещения. Изменяется и принцип налогообложения: налоговые выплаты от онлайн-торговли поступают в бюджет государства базирования юридического лица и логистического центра, минуя бюджет государства, на территории которого будет реализована продукция, в случае «оффлайн» торговли – наоборот.

¹³ Особенно ярко подобная ситуация проявляется для одежды более низких ценовых сегментов, заказываемой в небольших количествах из-за рубежа.

работка океанического пластика¹⁴, внедрение программ по экологически-чистому сбору и обработке продукции сельского хозяйства, используемой в текстильной и швейной промышленности (см. рис. 1). Несмотря на относительную невыгодность подобного сбора продукции для получения сырья, ввиду не столь больших масштабов поступления и сохранения чрезвычайно низких стоимостных долей привычного сырья в конечной стоимости, многие компании занимаются подобной деятельностью для сохранения статуса «компаний, занимающейся устойчивым производством» либо «реализацией продукции устойчивого производства». Согласно исследованию проекта *EcoWatch*, суммарный стоимостной объем ежегодно утилизируемой продукции достигает 500 млрд долл. США.

В России сбор бывшей в употреблении одежды до марта 2022 г. был организован сетью магазинов «H&M», которая является крупнейшей в Европе розничной сетью по торговле одеждой, имеющей филиалы более чем в 70 странах. Чтобы мотивировать сбор одежды на переработку, была организована маркетинговая кампания, в рамках которой был изменен алгоритм формирования конечной цены товаров. Покупатель выступал в роли поставщика сырья, и для него действовали специальные условия покупки товаров в «H&M» (предоставлялась скидка, равная 10% от стоимости приобретаемых за один раз товаров за каждый факт передачи одежды на переработку). Подобные программы не всегда выгодны производителю¹⁵, так как это сырье часто оказывается невостребованным. Тем не менее, появился новый канал взаимоотношений. Конечный потребитель становится временным поставщиком и продавцом не только для магазинов, перепродающих бывшую в употреблении одежду, и торговых площадок¹⁶, но и для всего производственного процесса в целом, а розничные магазины выступают в роли промежуточных агентов дистрибутивной сети, действующих

на этот раз в обратном направлении – в качестве покупателей.

Устойчивое производство¹⁷ волокон в мире достигло таких объемов, которые нельзя недооценивать: по данным отчета о рынке устойчивых волокон и материалов за 2020 г. «Preferred Fiber & Materials», в период с 2009 по 2019 г. доля переработанного полиэстера в общемировом выпуске увеличилась на 5 процентных пунктов, достигнув отметки в 14%, а доля полиамида достигла 5% [26]. На современном этапе деятельностью, связанной с получением переработанных синтетических волокон, занимаются 67 компаний (53 связаны с получением полиэстера, а 14 – с получением полиамида) из 19 государств. Это позволяет странам, ранее не имевшим дополнительных преимуществ при ведении конкурентной борьбы, занимать все большие доли рынка: Шри-Ланка, Тайвань, Израиль и Кения смогли стать важными производителями полиэстера за счет переработки отходов (в том числе океанического пластика) (рис. 5).

Устойчивый подход также развивается и в производстве натуральных волокон, благодаря чему ЮАР, например, за счет создания органической шерсти захватила дополнительные 2% рынка производства шерсти в мире¹⁸. Доля органического хлопка в общем выпуске хлопка в период с 2012 по 2019 г. возросла с 5 до 25% (в натуральном исчислении). И такие гиганты, как Китай и Индия – крупнейшие производители хлопка в мире (объем производства каждого превышает 6 млн т в год) – еще укрепили свои позиции, достигнув суммарного объема производства только органического хлопка около 5% от мирового производства хлопка в целом [26].

Развитие устойчивого производства волокон позволяет производителям заключать эксклюзивные контракты на поставку сырья с крупнейшими брендами под контролем сторонних организаций, специализирующихся на содействии устойчивому развитию.

¹⁴ В том числе получение полиамида из использованных и непригодных рыболовных сетей. Инновационные методы позволяют получать дополнительные преимущества странам, имеющим выход к морю, крупную сбытовую сеть, либо собственные производства, что позволяет дополнительно увеличить значимость их участия в формировании стоимости конечной продукции.

¹⁵ Известны факты, когда компаниям приходится уничтожать как старую, так и новую одежду, поскольку ее хранение обходится слишком дорого.

¹⁶ Торговые площадки приобретают все большую популярность в современном мире за счет существования спекуляций и перепродажи элементов одежды, выпущенных ограниченным тиражом. К таким площадкам относятся российский «themarket», американский «StockX».

¹⁷ Устойчивое производство – производство в соответствии с принципами устойчивого развития.

¹⁸ Сертифицированная экологически-чистая шерсть не самый популярный материал: ее доля не превышает 3% от всей производимой в мире шерсти.

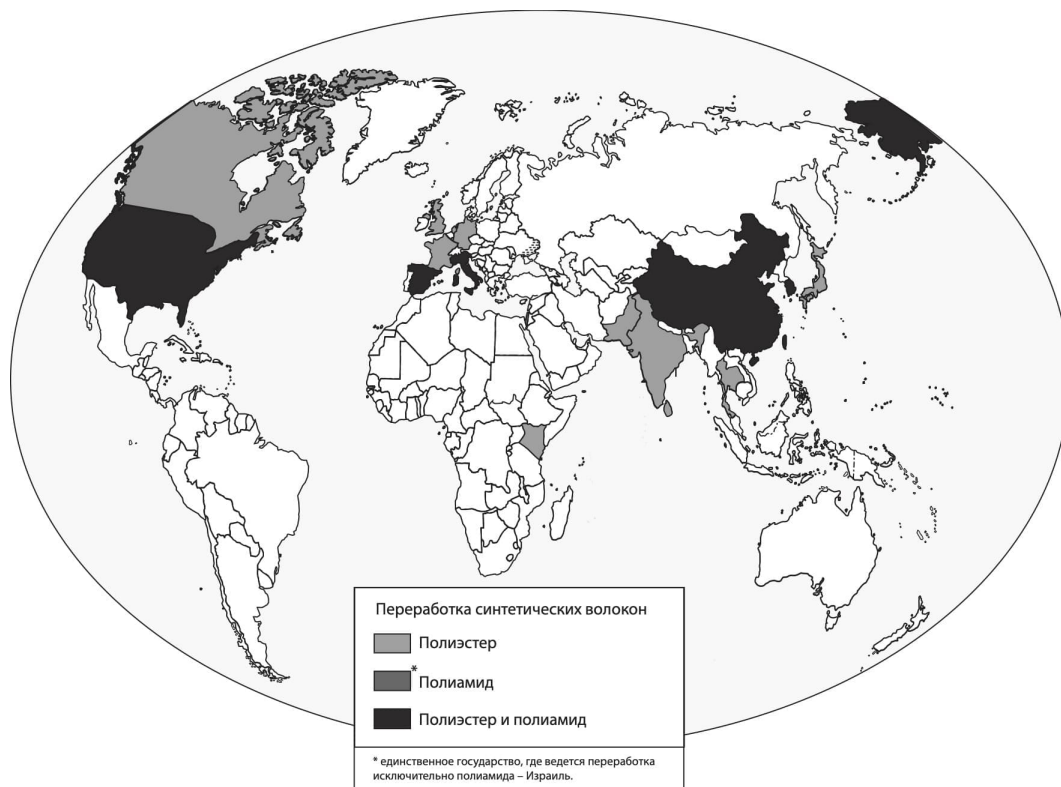

Рис. 5. Географическая структура производства переработанных синтетических волокон.
Составлено авторами по: [26].

Среди таких брендов, например, «Levi's», для которого поставки первичного сырья осуществляются согласно условиям программы устойчивого производства хлопка *Better Cotton Initiative*¹⁹. *Better Cotton Initiative* не только стимулирует изменения в производственном процессе сырья с поправками на цели устойчивого развития, но и обеспечивает их жизнеспособность в рамках высокой конкуренции. На данный момент деятельность организации охватывает 21 страну, однако, общая доля производимого хлопка в рамках действия их программ достигает 14% от мировых значений. Отличительной особенностью является выстраивание собственных цепочек дистрибуции на различных этапах: среди 1 197 членов около 1 040 являлись поставщиками и производителями, чья успешная деятельность и стабильный спрос гарантируется привлечением 85 торговых марок и сетей розничной торговли, среди которых «H&M», «Levi Strauss», «GAP», «New Balance» и «Burberry».

¹⁹ С большой долей вероятности это означает, что поставки ведутся из двух государств, наиболее активно участвующих в устойчивом производстве хлопка – Индии и Китая.

Концепция устойчивого развития оказывает значительное влияние на развитие ЦДС в производстве одежды. Все большее значение приобретают условия создания одежды: одним из ключевых параметров при выборе поставщиков становится выполнение этических и экологических норм, связанных с положениями концепции устойчивого развития. Цели, поставленные ООН, являются для производителей скорее негативным обременением, порождающим повышение затрат, однако наличие запроса со стороны потребителей вынуждает многие предприятия все же следовать им, что несомненно влечет за собой удорожание продукции. При этом роль потребителя как регулятора глобальных цепочек формирования добавленной стоимости возрастает.

Выводы. Процесс формирования цепочек добавленной стоимости в производстве одежды при детальном рассмотрении оказывается многоуровневым, поскольку включает

в себя самостоятельные ЦДС по производству волокон и тканей. На современном этапе новые механизмы формирования стоимости одежды возникают на постпроизводственной стадии, среди них перепродажа изделий высокой моды, выпущенных ограниченным тиражом, и перепродажа бывшей в употреблении одежды, причем возможности оценки их вклада в добавленную стоимость оказываются ограниченными.

В производстве одежды дешевого сегмента выделяются страны Юго-Восточной Азии, Турция, Индия, Китай и другие страны со сравнительно дешевой рабочей силой, но в то же время производство налажено и в Италии, Франции и США, где и создается одежда более дорогих сегментов.

Непроизводственная стадия (дизайн, брендинг) приурочена к странам базирования компаний-владельцев брендов; реже – к крупнейшим производственным базам, где создается массовый дизайн под дальнейшее размещение логотипа бренда. Здесь велика роль Франции, Германии, Италии, Испании, США; в меньшей степени в этих операциях задействованы Китай и Индия, где расположены модные города, обеспечивающие создание массового готового дизайна «под ключ». Место Гонконга в мировом производстве одежды определяется предоставляемой им уникальной возможностью для выстраивания готовых производственно-логистических цепочек с Китаем.

Постепенное внедрение инноваций ведет к трансформации существующих каналов торговли и размещения производственных баз, что отражается в увеличении числа стран, участвующих в ЦДС. Переход к интернет-торговле приводит к сокращению численности розничных магазинов и изменению механизмов генерации стоимости, которая сдвигается от стран, размещающих розничные магазины, к странам, где расположены крупнейшие складские помещения компаний и интернет-магазинов, а также офисы транспортных компаний.

Под влиянием концепции устойчивого развития возрастает доля ранка одежды из переработанного или экологически-чистого сырья. В ЦДС вовлекаются страны, ранее не обладавшие конкурентными преимуществами в этой отрасли: Шри-Ланка, Кения, Израиль (создание переработанного синтетического сырья); Уругвай, Аргентина и ЮАР (эко-шерсть), Китай и Индия (эко-хлопок).

Производство одежды является одним из немногих производств, открытых для участия любого государства в мире, подтверждением чему служит повсеместное размещение производственных мощностей: крупнейших предприятий, небольших компаний или домохозяйств и самозанятых работников, а наличие возможностей для роста и функционирование благоприятной конкурентной среды позволяет каждому занять свою нишу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Акимова В.В., Купцова М.А.* Швейная промышленность Азии на современном этапе: географические особенности развития и главные ареалы концентрации // *Вестн. С.-Петербург. ун-та. Науки о Земле.* 2022. Т. 67. Вып. 3. С. 386–408. DOI: 10.21638/srbu07.2022.301.
2. *Варнавский В.* Международная торговля в категориях добавленной стоимости: вопросы методологии // *Мировая экономика и международные отношения.* 2018. Т. 62. № 1. С. 5–15. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-1-5-15.
3. *Кондратьев В.Б.* Глобальные цепочки добавленной стоимости в современной экономике. [Электр. ресурс]. Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы «Перспективы». 2014. URL: https://perspektivy.info/oykumena/ekdom/globalnyje_serochki_dobavlennoj_stoimosti_v_sovremennoj_ekonomike_2014-03-17.htm (дата обращения: 10.01.2023).
4. *Кондратьев В.Б.* Мировая экономика как система глобальных цепочек стоимости // *Мировая экономика и международные отношения.* 2015. № 3. С. 5–17.
5. *Лим Р.* Как экономический подъем Китая и Индии прокладывает дорогу для интеграции Азии // *Финансы и развитие.* 2006. Т. 43. № 2. С. 28–31.
6. *Панкратов И.Н., Федорченко А.В.* Типология стран по их роли и участию в мировой швейной промышленности // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География.* 2010. № 5. С. 42–47.
7. *Потоцкая Т.И.* Международное разделение труда в алмазно-бриллиантовом комплексе // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География.* 2008. № 5. С. 15–19.
8. *Шишков Ю.В.* Интернационализация производства – новый этап развития мировой экономики. М.: ИМЭМО РАН, 2009. 92 с.
9. *Buchholz K.* Is China Losing Its Export Prowess? [Электр. ресурс]. Statista. 2022. URL: <https://www.statista.com/chart/28528/share-of-global-exports-from-china/> (дата обращения: 09.03.2023).
10. *Casadei P., Gilbert D.* The hunting of the fashion city: Rethinking the relationship between fashion and the urban in the twenty-first century // *Fashion Theory.* 2020. № 24. P. 393–408.

11. *Fróes de borja reis Cristina and Barroso de Souza André* Drawing value curves: lessons from financial statements of the world's biggest manufacturing corporations // *Revue d'économie Industrielle*. Vol. 3. № 163. P. 229–262. DOI: 10.4000/rei.7506.
12. *Gereffi G., Memedovic O.* The Global Apparel Value Chain: What Prospects for Upgrading by Developing Countries. UNIDO, Vienna, 2003. 36 p.
13. *Marín-Odio A.* Global Value Chains: A Case Study on Costa Rica // *International Trade Centre Technical Paper*, Geneva, 2014. 28 p.
14. *Shih S.* Empowering technology-making your life easier // *Acer's Report*, Acer's, New Taipei, 1992.
15. *Zhang Miao, Kong Xin-Xin, Chenayah Ramu Santha* The transformation of the clothing industry in China // *Asia Pacific Business Review*. 2016. Vol. 22 (1). P. 86–109. DOI: 10.1080/13602381.2014.990204.
16. В России резко вырос объем интернет-торговли (со ссылкой на данные АКИТ). [Электр. ресурс]. MegaResearch. 2022. URL: https://www.megaresearch.ru/new_reality/v-rossii-rezko-vyros-obem-internet-torgovli (дата обращения: 13.05.2023).
17. Дизайнерское подразделение GUCCI. Рим, Италия [Электр. ресурс]. URL: <https://careers.gucci.com/ru/house/guccis-design-office/> (дата обращения: 19.04.2022).
18. Ежегодный аналитический отчет «Рынок интернет-торговли в России». [Электр. ресурс]. InSales, 2014. URL: <https://www.insales.ru/blogs/insales/rossiyskiy-rynok-internet-torgovli-v-2013-godu-sostavil-470-mlrd-rublej> (дата обращения: 13.05.2023).
19. Eureka! Discover Our Innovation Lab [Электр. ресурс]. Levi Strauss & Co. URL: <https://www.levistrauss.com/2017/02/17/eureka-innovation-lab/> (дата обращения: 15.10.2022).
20. Global Fashion Industry Statistics [Электр. ресурс]. FashionUnited, 2021. URL: <https://fashionunited.com/global-fashion-industry-statistics> (дата обращения: 07.02.2023).
21. Global Polyester Yarn Exports Rising Since 2017. [Электр. ресурс]. FIBRE2FASHION. 2019. URL: <https://www.fibre2fashion.com/news/textile-news/global-polyester-yarn-exports-rising-%20since-2017-252377-newsdetails.htm>. (дата обращения: 12.05.2023).
22. Global Textile Industry Factsheet 2020: Top 10 Largest Textile Producing Countries and Top 10 Textile Exporters in the World. [Электр. ресурс]. URL: <https://blog.bizvibe.com/blog/top-10-largest-textile-producingcountries> (дата обращения: 18.11.2022).
23. Global Trade Slows, but “Green Goods” Grow [Электр. ресурс]. Press Release. 2023. URL: <https://unctad.org/press-material/global-trade-slows-green-goods-grow> (дата обращения: 09.09.2023).
24. Leading Cotton Producing Countries Worldwide in 2021/2022. [Электр. ресурс]. Statista. 2022. URL: <https://www.statista.com/statistics/263055/cotton-production-worldwide-by-top-countries/> (дата обращения: 15.10.2022).
25. Map of Supplier Facilities [Электр. ресурс]. Levi Strauss & Co. URL: <https://levistrauss.com/wp-content/uploads/2018/07/Levi-Strauss-Co-Factory-Mill-List-June-2018.pdf> (дата обращения: 15.10.2022).
26. Preferred Fiber & Minerals. Market Report 2020. [Электр. ресурс]. Textile Exchange, USA. 2020. URL: https://textileexchange.org/wp-content/uploads/2020/06/Textile-Exchange_Preferred-Fiber-Material-Market-Report_2020.pdf (дата обращения: 07.02.2023).
27. Production of Polyester Fibers Worldwide from 1975 to 2022. [Электр. ресурс]. Statista. 2022. URL: <https://www.statista.com/statistics/912301/polyester-fiber-production-worldwide/> (дата обращения: 12.05.2022).
28. Secondhand Apparel Market Outlook (2022–2032). [Электр. ресурс]. Future Market Insights, Delaware, USA. 2022. URL: (дата обращения: 09.10.2022).
29. Textiles and Clothing (% of Value Added in Manufacturing) – China, Bangladesh, Cambodia, Mauritius, Sri Lanka [Электр. ресурс]. United Nations Industrial Development Organization, International Yearbook of Industrial Statistics. 2022. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NV.MNF.TXTL.ZS.UN?end=2021&locations=CN-BD-KH-MU-LK&start=1966&view=chart> (дата обращения: 01.03.2023).
30. Textiles. Exporters and Importers: Historical Data. [Электр. ресурс]. The Observatory of Economic Complexity, Massachusetts, USA. 2021. URL: <https://оec.world/en/profile/hs92/textiles> (дата обращения: 16.04.2023).

Статья поступила в редакцию журнала 19 мая 2023 г.

Об авторах:

Газарьян Григорий Самвелович – магистрант кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва.

Гречко Елена Александровна – кандидат географических наук, доцент кафедры географии мирового хозяйства географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва.

Для цитирования:

Газарьян Г.С., Гречко Е.А. Формирование современных цепочек добавленной стоимости в производстве одежды: географические аспекты // *Региональные исследования*. 2023. № 4. С. 4–17.

DOI: 10.5922/1994-5280-2023-4-1

Formation of modern global value chains in the clothing industry: geographical aspects

G.S. Gazaryan*, E. A. Grechko**

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Moscow, Russia

*e-mail: g.s.gazaryan@rambler.ru

**e-mail: grechko-gmh@yandex.ru

The study focuses on countries' participation in global value chains (GVCs) in clothing production. Special attention is given to the creation of value in the clothing industry across various stages of GVCs. It also explores the distribution of specific operations and agents worldwide, highlighting the differences in participation among countries and regions at each stage. In the production of low-cost clothing, the countries of Southeast Asia, Turkey, India, and China stand out, and the non-production stage (design, branding) is confined to the countries where brand-owning companies are based, for example, France, Germany, Italy, Spain, and the USA. Digitalization and sustainable development are new factors considered in changing value chains, resulting in an increased number of participants from previously disadvantaged countries and a bigger market share of them. Under the influence of the concept of sustainable development, the share of the clothing market made from recycled or environmentally friendly raw materials is increasing: countries that previously did not have competitive advantages in this industry are being involved in the value chain, for example, Sri Lanka, Kenya, Israel (creation of recycled synthetic raw materials); Uruguay, Argentina and South Africa (eco-wool), China and India (eco-cotton). The development of e-commerce leads to a shift in value generation from countries hosting retail stores to countries where the largest warehouses of companies and online stores, as well as offices of transport companies, are located.

Keywords: clothing production, global value chains, geographical structure of production, formation of clothing costs, clothing trade.

Received 19.05.2023

ТАЛАССОЦЕНТРИРОВАННОСТЬ ПРИМОРСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ: СЕЛИТЕБНОЕ И ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

© 2023 г. А.Г. Дружинин^{1, 2, 3}

¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

² Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия

³ Институт географии РАН, Москва, Россия

e-mail: alexdru9@mail.ru

В XXI столетии освоение ресурсного потенциала Мирового океана выступает одним из базовых условий социально-экономического развития. Данная проблематика актуальна и для современной России. Она определяет фокусировку общественно-географических исследований непосредственно на приморских территориях. Статья посвящена концептуализации, параметризации и типологизации феномена «смещения к морю» базовых компонентов пространственной структуры (селитебной и хозяйственной) приморских регионов, определяемому как «талассоцентрированность». Раскрыты причины, проявления и следствия талассоцентрированности полимасштабных территориальных социально-экономических систем, показано место данной категории в понятийно-категориальном аппарате «морской ветви» общественной географии. С опорой на демографическую и экономическую статистику по 155 российским муниципальным образованиям, имеющим непосредственный выход к морю, предложена многокритериальная оценка степени и динамики за 2010–2021 гг. талассоцентрированности приморских субъектов Российской Федерации. Установлено, что из 26 приморских регионов страны в шести субъектах Федерации (Хабаровский край, Республики Калмыкия, Карелия, Саха (Якутия), а также «новые» – Донецкая Народная Республика и Запорожская область) эффекты талассоцентрированности проявляются на местном уровне, замыкаясь в контуре приморских муниципалитетов. Ещё в двух регионах (Ямало-Ненецкий АО и Красноярский край) по мере роста морехозяйственной активности они распространяются на обширную арктическую периферию. Остальные 18 приморских регионов классифицированы как талассоцентрированные.

Ключевые слова: талассоцентрированность, приморские муниципалитеты, приморские регионы, расселение, локализация экономики, Россия.

DOI: 10.5922/1994-5280-2023-4-2

Введение и постановка проблемы. Ныне действующая, утверждённая в июле 2022 г. «Морская доктрина Российской Федерации»¹, декларирует всё возрастающую значимость Мирового океана для страны, прочерчивает конкретные (адаптированные к условиям резко возросшей геополитической турбулентности) направления государственной политики по дальнейшему освоению его ресурсного потенциала, фактически впервые для аналогичных документов чётко концентрирует внимание на *приморских территориях* и проблематике их социально-экономического развития. Подобного рода «*территориализация*» национальной морской повестки выглядит не только логичной, своевременной и конструктивной, но и полностью созвучной методологическим установкам географического анализа,

его подходам и принципам применительно к изучению акваториальных структур и процессов (уже шесть десятилетий продуктивно культивируемым в СССР – Российской Федерации [11; 20]).

Ещё в 1960-е гг. Ю.Г. Саушкин, постулируя «земноводность» экономической географии, подчёркивал, что «освоение Мирового океана идёт со стороны его побережий» [21, с. 214]. Глубоко укоренённые в современном региональном социально-экономическом дискурсе представления о «*приморскости*» как специфическом свойстве территории и её ситуационной позиции, относимым, в том числе, к отдельным поселениям [14], муниципалитетам [10; 18], регионам [2; 16], зонам [5; 7; 8], являют собой, по существу, не только практическую имплементацию данной методологической установки, но и неотъемлемую

¹ Указ Президента РФ от 31 июля 2022 г. № 512 «Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации» [Электр. ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/405077499/> (дата обращения: 30.07.2023).

составляющую стержневой для географического знания идеи «пространственности» как особого типа упорядоченности мира [13].

Став маркером и ключевым терминологическим атрибутом «морской ветви» современного российского общественно-географического анализа (в англоязычной географии столь же широко применимо понятие «coastal»), «приморскость», тем не менее, в целом концентрирует внимание преимущественно на формальном, причём практически физико-географически обусловленном (морское побережье, факт выхода к нему) аспекте для той или иной территории. Данная характеристика, предельно обобщённая и лишённая конкретики, не позволяет адекватно отобразить присущую приморским зонам (максимально выраженную именно в России) фактическую множественность региональных и локальных условий, форматов и трендов социально-экономической динамики, т.е. профессионально фиксировать различия «от места к месту», как учил Н.Н. Баранский [3].

Любого рода морехозяйственные практики, равно как и существенная для Человечества военная деятельность в пределах Мирового океана, проецируется на связанные с ними территории, конструирует и корректирует их характеристики, в том числе связанные непосредственно с пространственной структурой. Последняя обретает в зависимости от степени влияния «фактора моря» характерное «смещение» (в расселении, экономике, инфраструктуре) *в пользу наиболее приближенных к акватории участков суши*. Это явление, ранее обозначенное нами применительно к некоторым приморским регионам России как «талассоцентрированность» [23; 24; 28], его сущностные стороны, равно как и оценка степени, выявление типологических особенностей талассоцентрированности всей совокупности приморских субъектов Российской Федерации – составляют предметную область и левой ориентир данной статьи.

Обзор ранее выполненных исследований. В современной общественно-географической литературе, как зарубежной, так и российской, а также в смежных работах по социально-экономической регионалистике, проблематика приморских территорий (регионов) представлена достаточно широко.

Наиболее существенное внимание в ней уделяется именно местным кейсам, раскрывающим сходство и/или различия ситуации на различных участках морских (океанических) побережий [37; 39]. Соответствующие исследования полимасштабны; повсюду присутствует в них и «низовой» (локальный) компонент, представленный муниципалитетами [27; 31; 32]. Наряду с этим, уже многие десятилетия (в нашей стране – начиная с пионерных работ В.В. Покшишевского [19], а следом и В.А. Дергачёва [7]) активно обсуждается и верифицируется идея особой, изначально сопоставимо повышенной привлекательности приморских территорий для производства и расселения [33; 36; 38] (это явление обозначается и как «талассоаттрактивность» [9]). С опорой на неё реализованы многочисленные попытки оценить «вес» приморских территорий в экономическом и демографическом потенциале соответствующих стран и целых макрорегионов планеты – например, РФ [26] и Европейского Союза [30; 34]. Симптоматичной и методически интересной видятся в этой связи и предпринятые (в частности, для Мексики [36]) попытки предложить некий «индекс ориентации на побережье» («coastal orientation index»). Значимы с позиций излагаемой в статье тематики и усилия осуществить социально-экономическую компаративистику самих приморских территорий, вычленить их группировки, обосновать типологизацию. Применительно к субъектам Российской Федерации наиболее системно эта задача решена в [25: 26].

Подмечая имеющие место пространственные различия, Г.М. Федоров и В.С. Корнеев, в частности, констатируют, что «не во всех приморских регионах хорошо развиты виды экономической деятельности, связанные с наличием морского побережья» [25, с. 27]. Понимание и исследовательская фиксация неравнозначности влияния «фактора моря» не только на всю национальную юрисдикцию, но и на собственно приморские территории, создаёт мотивацию для их последующей группировки с учётом не только «присутствия» тех или иных компонент морехозяйственного комплекса (определим этот аспект регионального развития как «*мореориентированность*»), но и общего баланса в конкретном регионе «морских» и «внутриконтинентальных» свойств

и характеристик, в свою очередь воздействующих на компоненты пространства, порождающих специфику его архитектуры. Этот смещённый в пользу морских побережий многоаспектный баланс параметров социально-экономического развития территории уместно, полагаем, очертить именно категорией *талассоцентрированность*.

Материалы и методика исследований. В своей общественно-географической интерпретации талассоцентрированность – это неизменно пропорция, позиционная, собственно пространственная ситуационная характеристика (по принципу её фиксации «здесь и сейчас»), чья практическая оценка предполагает «игру масштабом» (анализ места и роли конкретного территориального образования во вмещающем её более крупном таксоне) и межтерриториальную компаративистику по ключевым параметрам и признакам.

Будучи «сдвоенным» термином-конструктом, «талассоцентрированность» воплощает ситуацию, когда именно морские побережья обретают некую социально-экономическую «центральность», а архитектура пространства демонстрирует структурную асимметрию «в пользу» примыкающих к акваториям участков суши. Методологически исследовательский подход, ориентирующий на учёт «центральности» моря, морских побережий, отчасти созвучен былым идеям центрографии (столетие назад активно продвигаемым в нашей стране и имевшим целью количественно оценить, замерить «пространственные соотношения в экономических системах» [22]), в чём-то выступает особым приложением центро-периферийного анализа, укоренившегося в отечественной общественной географии с начала 1990-х гг. [6] Выявление талассоцентрированности во-многом аналогично учёту талассоаттрактивности, причём и в том, и в другом случае внимание обращается на «притягательность» морских побережий для населения, поселений, хозяйства с той лишь разницей, что талассоаттрактивность межтерриториальна. Это в существенной мере широкий по своему охвату пространственный процесс, а талассоцентрированность являет воплощённый в структуре пространства *итог последнего* (и, параллельно, во-многом, его *исходную структуру*

предпосылку) для каждой конкретной территориальной социально-экономической системы (пусть даже предельно «большой»), её *специфическую характеристику*. В последнем своём доминантном качестве талассоцентрированность соотносима с мореориентированностью страны, региона, муниципального образования, т.е., практически, с особенностями локализации и динамики наиболее значимых, развитых, профильных компонент морехозяйственного комплекса, впрочем, не исчерпываясь ими, не буду им полностью тождественной.

Методика презентуемого далее исследования объединяет, в этой связи:

- 1) Идентификацию приморских муниципалитетов. Учитывая агломерационные процессы и продолжающееся «расползание» приморских урбанистических центров, к числу последних отнесены лишь городские округа и муниципальные районы, имеющие выход с морскому побережью, либо к устью крупной судоходной реки, либо к лиману, соединённому с морской акваторией. Всего в рассмотренном 21 субъекте РФ их 155 (в Российской Федерации сейчас 26 регионов, являющихся приморскими). В межрегиональных сопоставлениях Санкт-Петербург и Севастополь однозначно талассоцентрированы. Анализ по новым российским территориям, включающим 17 непосредственно соседствующих с морской акваторией муниципальных образований, из-за хронологических рамок исследования, ограниченных 2010–2021 гг., и сложностей со статистикой, не проводился.
- 2) Оценку их позиций в селитебной (по учитываемой всероссийскими переписями численности населения, а также значимой для центро-периферийной диагностики локализации региональной столицы) и хозяйственной структуре соответствующего региона (в качестве ключевого избран представляемый Росстатом показатель «налогооблагаемые денежные доходы физических лиц и индивидуальных предпринимателей», позволяющий наиболее полно высветить фактическую продуктивную экономическую активность, дополненную учётом

«веса» последнего в общей морехозяйственной системе страны);

- 3) Вычленение групп приморских регионов по степени их талассоцентрированности с последующей типологизацией.

Полученные результаты. Современная Россия своими важнейшими экономическими специализациями нацелена на внешние рынки, поэтому неизбежно мореориентированная, испытывавшая с конца 1990-х гг. выраженные эффекты «сдвига к морю» демографического и производственного потенциала [29], но при этом в силу природных, исторических и ресурсно-хозяйственных обстоятельств в своей целостности *не являющаяся талассоцентрированной*. Ранее мы уже иллюстрировали этот тезис географической удалённостью основной массы региональных «столиц» от морских побережий: лишь 35 из них расположены на удалении не более 500 км от побережья; только 14 можно рассматривать как собственно приморские [28]. Убедительная аргументация сохраняющейся преимущественной российской «континентальности» дана Л.А. Безруковым, в том числе в одной из недавних его работ [4]. Тем не менее, «приморско-морская» составляющая Российской Федерации сама по себе весьма масштабна и демонстрирует в своей конкретике, особенно на низовых таксономических уровнях, *множественные проявления талассоцентрированности*.

Непосредственно на приморские муниципальные образования приходится 4,3 млн км² территории (т.е. четверть страны) и более 11,6 млн чел. населения (вместе с Санкт-Петербургом и Севастополем это порядка 12% демографического потенциала России). Именно это пространство не только в наибольшей мере «мореориентировано», вмещающая и обеспечивая диверсифицированную активность Российской Федерации в Мировом океане, но и талассоцентрировано, во-многом благодаря сложившейся сети городских приморских поселений. Наиболее наглядно это проявляется в Арктике, а также на российских побережьях Тихого океана с присущим им «очаговым» и неизменно приморским характером хозяйственного и селитебного освоения. Однако

и в пределах других опоясывающих страну морских бассейнов, где процесс освоения шёл иначе, преимущественно «с суши», а природно-хозяйственные возможности для более «равномерного» заселения, без осязаемой его концентрации у морского побережья, несоизмеримо выше, приморские муниципальные образования представляют собой субпространства с достаточно чётким «смещением» сети селитебных центров к морской акватории. Например, в Выборгском муниципальном районе Ленинградской области непосредственно на побережье проживает около 50% всего населения, в Ейском районе Краснодарского края – до 80% и т.д.

Ещё более весома роль приморских регионов – субъектов Федерации) в масштабе территории страны – 60,3%; в населении она порядка 26%. Причём само соотношение этих долей хорошо отражает общую относительную слабозаселённость, периферийность российский приморских территорий. Но при переходе на муниципальный уровень, когда рассматривается не вся Россия, а только непосредственно сами приморские субъекты Федерации, их «приморская» часть составляет лишь 40% территории с 39% населения, что также свидетельствует о фактическом отсутствии однозначно выраженной талассоцентрированности даже в типологической группировке российских регионов, непосредственно оконтуренных морскими акваториями.

Оценивая и сопоставляя степень талассоцентрированности приморских регионов России по балансу их приморских и «внутриконтинентальных» муниципалитетов (табл. 1), несложно убедиться в наличии существенной вариации абсолютно по всем ключевым показателям. В двух субъектах – Ненецком АО и Чукотском АО – выход к морю вообще имеют все без исключения муниципальные образования. Поэтому их талассоцентрированность абсолютна (и, в этой связи, парадоксальным образом лишена своего проявления), а сама потребность в её «замере» возникает лишь на «низовом», внутримunicipальном уровне исследований. Например, в Анадырском муниципальном районе Чукотского АО в приморских посёлках проживает 62% населения, а в целом по автономному округу аналогичный показатель достигает 69%.

Таблица 1. Доля собственно приморских муниципалитетов в ключевых параметрах приморских регионов России (для оценки степени «талассоцентрированности»), %

Регионы	% территории региона	% числа муниципальных образований	% численности населения*		% экономической активности**	
			2010 г.	2021 г.	2010 г.	2021 г.
Архангельская область	13,5	20,0	50,5	53,6	64,3	70,4
Астраханская область	33,6	41,7	69,0	67,2	78,5	73,6
Калининградская область	47,0	54,5	71,1	75,7	87,2	86,4
Камчатский край	56,4	85,7	89,3	88,0	92,9	97,5
Краснодарский край	17,0	24,4	30,0	31,5	31,1	32,6
Красноярский край	37,6	1,7	1,2	1,1	2,3	3,2
Ленинградская область	14,7	22,2	23,8	21,3	17,4	28,9
Магаданская область	51,7	44,4	77,0	81,6	79,1	77,8
Мурманская область	86,1	57,1	70,2	71,0	57,0	76,8
Ненецкий АО	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Приморский край	32,7	33,3	55,7	57,8	64,4	70,8
Республика Дагестан	50,6	21,2	46,5	46,2	58,4	61,0
Республика Калмыкия	5,6	7,1	6,9	6,9	4,9	4,0
Республика Карелия	25,2	16,7	8,0	6,8	8,6	6,3
Республика Крым	73,0	84,0	72,1***	72,1	48,8***	56,7
Республика Саха (Якутия)	19,3	13,9	2,6	2,5	2,9	2,5
Ростовская область	5,4	9,0	37,6	39,6	59,3	57,9
Сахалинская область	86,5	94,4	96,2	96,9	98,2	98,5
Хабаровский край	66,7	36,8	10,8	9,4	11,3	10,1
Чукотский АО	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Ямало-Ненецкий АО	59,6	35,7	30,1	31,1	37,1	39,7

Составлено автором.

* По данным Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг.

** Данные Росстата о налогооблагаемых денежных доходах физических лиц и индивидуальных предпринимателей (не включают данные по ЗАТО).

*** Данные за 2014 г.

Ещё в пяти регионах приморские муниципалитеты численно преобладают, причём в Мурманской области, Камчатском крае, Сахалинской области и Республике Крым доминируя и по общей суммарной площади своей территории. При этом среднее значение последнего показателя по муниципальным образованиям растёт по профилю «юг – север» и «центр – периферия», предопределяя относительно больший вес «приморского» (по площади занимаемой территории) в регионах с выраженной природной зональностью (особенно в Красноярском крае и Республике Саха), а также в субъектах, чьи важнейшие очаги социально-экономической активности приурочены именно к морскому побережью. Характерно, что численная доминанта приморских муниципалитетов во всех случаях означает и демографическое, и экономическое лидерство непосредственно приморских территорий, что присуще Мурманской области, Камчатскому краю, Республике Крым и др. Иная ситуация, когда немногочисленные

приморские муниципальные образования концентрируют подавляющую часть населения и его хозяйственной активности, наблюдается в Приморском крае, Архангельской и Магаданской областях, иллюстрируя инвариантность талассоцентрированности – её возможность быть *тотально-повсеместной* (все муниципалитеты), *рассредоточенной* (опоясывающей побережья, что присуще регионам островного-полуостровного типа) и *сосредоточенной* (обеспечиваемой немногими муниципальными образованиями с административно-столичными функциями, а также специализацией в виде коммуникационно-логистических узлов).

Самостоятельной типологизации заслуживает и общая степень «смещённости к морю» демографо-экономического потенциала региона (в дробном контуре составляющих его муниципальных образований), дополняемая учётом значимых для талассоцентрированности факторов-индикаторов (табл. 2).

Таблица 2. Типологизация приморских регионов России по степени и особенностям их «талассоцентрированности»

Регионы	Отношение доли приморских муниципалитетов в населении к их доле в территории, раз	Наличие в составе приморских муниципалитетов региональной столицы	Доля приморских муниципалитетов растёт (+) / сокращается (-), без изменений (б/и), неприменимо (н/п)		Наличие у приморских муниципалитетов значимой морской специализации на федеральном уровне
			в населении	в экономике	
Отсутствие «неприморских» муниципальных образований					
Ненецкий АО	1,0	да	н/п	н/п	нет
Чукотский АО	1,0	да	н/п	н/п	нет
Выраженная талассоцентрированность					
Астраханская область	2,0	да	–	–	да
Архангельская область	3,97	да	+	+	да
Калининградская область	1,6	да	+	–	да
Камчатский край	1,56	да	–	+	да
Магаданская область	1,58	да	+	–	нет
Мурманская область	0,82	да	+	+	да
Приморский край	1,77	да	+	+	да
Сахалинская область	1,12	да	+	+	да
Талассоцентрированность в едином контуре приморской агломерации					
Ленинградская область	1,45	да	–	+	да
Ростовская область	7,33	да	+	–	да
Сочетание талассоцентрированности с доминантой региональной столицы, формально не относящейся к приморским муниципалитетам					
Республика Крым	0,98	нет	б/и	+	да
Талассоцентрированность региона с выраженными «неморскими» пространственными структурами и специализациями					
Краснодарский край	1,85	нет	+	+	да
Умеренные проявления талассоцентрированности					
Республика Дагестан	0,91	да	–	+	нет
Формирующаяся талассоцентрированность обособленных частей регионов, в целом лишённых свойств талассоцентрированности					
Красноярский край	0,03	нет	–	+	да
Ямало-Ненецкий АО	0,52	да	+	+	да
Отсутствие выраженной талассоцентрированности					
Республика Калмыкия	1,23	нет	б/и	–	нет
Республика Карелия	0,27	нет	–	–	нет
Республика Саха (Якутия)	0,13	нет	–	–	нет
Хабаровский край	0,14	нет	–	–	нет

Составлено автором.

Выраженная талассоцентрированность, как свидетельствует проведённый анализ, неизменно сопровождается локализацией на побережье регионального центра (в том числе и формируемой им городской агломерацией). В самих же талассоцентрированных субъектах Федерации может иметь место как дальнейший «переток» в приморские муниципалитеты экономического потенциала и населения (что за 2010–2021 гг. было присуще, в частности, Архангельской, Мурманской и Сахалинским областям, а также Приморскому краю), так и практическое отсутствие талассоаттрактивности.

Талассоцентрированность способна ощутимо подкрепляться наличием приморской (по своему местоположению и, отчасти, генезису, современному функционалу) агломерации, что присуще, например, Ростовской области, где реальная социально-экономическая «смещённость» в пользу её юго-запада, тяготеющего к Таганрогскому заливу и устью р. Дон, ещё на 20–25% выше (за счёт гг. Аксай, Батайск, Новочеркасск, Новошахтинск, Шахты), чем приуроченность населения и хозяйства именно к немногочисленным собственно приморским муниципалитетам. В ещё большей степени сопряжена с агломерационными процессами фактическая талассоцентрированность в Ленинградской области, формально-статистически лишённой «смещённости к морю», чья тяготеющая к побережью Финского залива периферия одновременно является и частью обширной, мощной и наиболее значимой в масштабе страны «центрированной» на Санкт-Петербурге групповой системы расселения и функционирующего в её рамках индустриально-портово-научно-образовательного комплекса, который справедливо рассматривается [14] в качестве специфического формата приморской регионализации – Санкт-Петербургского приморского региона.

Степень талассоцентрированности может внешне выглядеть несколько заниженной (как это имеет место в Республике Крым) в случае, если узловая, интегрирующая и организующая всю совокупность приморских территорий столичная муниципальная структура (г. Симферополь) сама лишена непосредственного «выхода» к морской акватории. Иной типологиче-

ский кейс представляет Краснодарский край, в котором заведомо существенная, общероссийски значимая мореориентированность (обеспечивает 27% морского портового грузооборота России, регион одновременно является и крупнейшей приморской рекреационной зоной, принявшей в 2022 г. 17,4 млн туристов²) сочетается с множественностью плотно заселённых, обладающих развитым экономическим потенциалом «неприморских» муниципалитетов (включая г. Краснодар). Здесь, в итоге, талассоцентрированной пока является «фасадная», федерально приоритетная, но, в то же время, лишь часть региона, способная существенно расширить свой пространственный контур в случае завершения реконструкции автомагистрали «Краснодар – Новороссийск», создающей предпосылку для практического выстраивания единой, в том числе граничащей с черноморской акваторией конурбацией. Формирующаяся «обособленная» (субрегиональная) талассоцентрированность характерна и для Ямало-Ненецкого АО, а также Красноярского края в связи с реализацией энергетических мегапроектов на Ямале («СПГ-2» компании Новатэк), и Таймыре («Восток-Ойл» Роснефти).

Аналитика выявила *отсутствие талассоцентрированности*, присущее в РФ четырём её регионам: Республике Калмыкии, нацеленной на экстенсивное использование обширных земельных ресурсов в условиях аридного климата и, за исключением локально значимой прибрежной рыбодобычи, лишённой «морского профиля» экономики, «озёроцентричной» Республики Карелия, а также Республике Саха (Якутия) и Хабаровскому краю также с закономерным «сдвигом» их приоритетным образом освоенного пространства к югу. Данная ситуация являет собой, с одной стороны (учитывая универсальный характер воздействия «фактора моря» [12]) *аномалию*, с другой – закономерно складывающуюся под воздействием комплекса обстоятельств ситуацию, некую общественно-географически обусловленную *норму*.

Будучи особым пространственным явлением, талассоцентрированность напрямую сопряжена с морехозяйственной активно-

² Курорты Краснодарского края в 2022 г. приняли 17,4 млн туристов [Электр. ресурс]. URL: <https://admkrain.krasnodar.ru/content/1131/show/671420/> (дата обращения: 04.08.2023).

стью, а последняя, в свою очередь, неравномерно, на обширнейших участках «очагами» (в том числе миниатюрными) рассредоточена по побережьям, чья неравновесность по степени «сгущённости» селитебной и хозяйственной структуры, следовательно, естественна, нормальна.

На этот изначально асимметричный социально-экономический фон наслаиваются «сетки» регионального и муниципального деления, которые не только созвучны структуре пространства, следуют за логикой формирования его архитектуры, но и конъюнктурны, субъективны, политически ангажированы. В структуре же конкретных территориальных таксонов *смещённость их социально-экономического баланса в пользу приморских зон возникает именно в связи с морской (приморской) регионализацией* как итог геополитического, хозяйственного и селитебного освоения территорий «с моря» и «ради моря», которая в целом ряде ситуаций оказывается ограниченной природными обстоятельствами (неблагоприятность для проживания, дефицит локализованной ресурсной базы), дополняемыми спецификой конфигурации сетей сухопутного транспорта, логистикой и, наконец, политическими решениями по «прирезке» тех или иных приморских территорий к сфере влияния крупного регионального урбанистического центра, в ряде случаев географически, экономически и ментально дистанцированного от моря.

При значительном потенциале приморской регионализации периферия крупных, преимущественно внутриконтинентальных массивов, способна обрести самостоятельный региональный статус. Подобная территория, будучи обособленной, обязательным образом окажется талассоцентрированной! Так, например, в 1920–1930-е гг. в связи с ростом морехозяйственной активности и внешнеторговых связей состоялось вычленение из Сибири Дальневосточного макрорегиона (этот процесс, в частности, чётко высветил П.А. Минакир [17]), впоследствии, уже в XXI в., концептуализированного как «Тихоокеанская Россия» [1]. Но возможности для приморского регионогенеза могут, впрочем, оказаться недостаточными, а при политико-территориальном делении учтены иные

центробежные тенденции, возобладать иные резоны, делающие выстраивание талассоцентрированной конструкции (в рамках определённого таксона) в принципе невозможной.

Исторически меняющаяся степень «поворота к морю» страны и её регионов, равно как и в целом тренды пространственного развития предопределяют не только инерционность, но и нестатичность проявлений талассоцентрированности. Последняя, будучи важным диагностическим признаком на страновом, региональном, а также местном уровнях, выступает, в этой связи, не только определённого рода *пространственной структурой*, но и *геоситуацией*, в свою очередь способной воздействовать на морехозяйственную деятельность, влиять на положение и перспективы приморских территорий, оказывать корректирующее влияние на всю аква-территориальную организацию общества в целом.

Выводы. В условиях, когда Мировой океан превращается во всё более значимую для Человечества сферу хозяйственного освоения, становится ареной глобального геополитического «передела» и военно-стратегического противостояния, а само население, его производственная активность, система расселения «притягиваются» к морским побережьям, территориальная организация общества, её непосредственно контактирующие с морскими акваториями составляющие-таксоны, обретают особое свойство – талассоцентрированность, то есть ощутимую и устойчивую практическую «смещённость к морю» пространственной социально-экономической структуры.

Полимасштабные проявления талассоцентрированности присущи и современной России, в первую очередь – непосредственно её приморским территориям. Детализированный анализ демографической и экономической пропорции в приморских регионах России между имеющими «выход к морю» и «внутриконтинентальными» муниципальными образованиями позволяет отнести к категории талассоцентрированных подавляющую часть приморских субъектов Федерации, осуществив одновременно их типологизацию по обстоятельствам и степени «сдвига к морю» селитебных и хозяйственной структур.

Полимасштабность талассоцентрированности, её динамичность, способность существенным образом влиять на пространственное развитие, на морскую деятельность предполагают дальнейшую активизацию интереса к данному феномену, инициируют включение соответствующей категории как базовой в понятийно-категориальный аппарат «морской ветви» общественной географии.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00180 «Поливариантность детерминант и трендов экономической динамики муниципальных образований России: концептуализация, идентификация и типологизация в интересах государственного регулирования пространственного развития») в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бакланов П.Я.* Тихоокеанская Россия: географические и геополитические факторы развития // Изв. РАН. Сер. геогр. 2015. № 5. С. 8–19. DOI: 10.15356/0373-2444-2015-5-8-19.
2. *Бакланов П.Я.* Устойчивое развитие приморских регионов: географические и геополитические факторы и ограничения // Балтийский регион. 2022. Т. 14. № 1. С. 4–16. DOI: 10.5922/2079-8555.
3. *Баранский Н.Н.* Очередные задачи географии // Изв. Всесоюзн. геогр. об-ва. 1957. № 1. С. 36–43.
4. *Безруков Л.А.* Континентально-океаническая динамика России в начале XXI века // География и природные ресурсы. 2023. Т. 44. № 2. С. 5–14. DOI: 10.21782/GIPR0206-1619-2020-4(25-36).
5. *Бондаренко В.С.* Экономико-географическое изучение приморских зон // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 1981. № 1. С. 36–41.
6. *Грицай О.В., Тревиш А.И.* Центр и периферия: стадийная концепция регионального развития // Изв. РАН. Сер. геогр. 1990. № 4. С. 56–96.
7. *Дергачёв В.А.* Природно-хозяйственная контактная зона «суша-океан» // Изв. Всесоюзн. геогр. об-ва. 1980. № 1. С. 40–45.
8. *Дружинин А.Г.* Приморская зона России как общественно-географический феномен: подходы к концептуализации и делимитации // Балтийский регион. 2016. Т. 8. № 2. С. 85–100. DOI: 10.5922/2074-9848-2016-2-5.
9. *Дружинин А.Г.* Талассоаттрактивность населения в современной России: общественно-географическая экспликация // Балтийский регион. 2017. Т. 9. № 2. С. 28–43. DOI: 10.5922/2074-9848-2017-2-2.
10. *Дружинин А.Г., Ляпина А.В.* Приморские муниципалитеты России: концептуализация, идентификация, типологизация // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. Т. 6 (16). № 2. С. 20–35.
11. *Дружинин А.Г.* «Морская составляющая» общественно-географических исследований в постсоветской России: основные тренды и приоритеты развития // Балтийский регион. 2022. Т. 14. № 4. С. 17–33. DOI: 10.5922/2079-8555-2022-1-2.
12. *Дружинин А.Г., Кузнецова О.В.* Учет «фактора моря» в федеральном регулировании пространственного развития России: постсоветский опыт и современные приоритеты // Балтийский регион. 2022. Т. 14. № 4. С. 4–19. DOI: 10.5922/2079-8555-2022-4-1.
13. *Костинский Г.Д.* Идея пространственности в географии // Изв. РАН. Сер. геогр. 1992. № 6. С. 31–40.
14. *Лачининский С.С., Лачининский А.С., Семенова И.В.* Геоэкономический фактор в формировании пространственной структуры Санкт-Петербургского приморского региона // Изв. Русск. геогр. об-ва. 2016. Т. 148. № 2. С. 52–67.
15. *Лачининский С.С., Михайлов А.С., Самусенко Д.Н., Михайлова А.А., Сорокин И.С.* Роль приморских агломераций и городов в инновационном пространстве Европейской части России // Изв. Русск. геогр. об-ва. 2019. Т. 151. № 3. С. 1–17.
16. *Махновский Д.Е.* Приморские регионы Европы: развитие экономики на рубеже XX и XXI веков // Балтийский регион. 2014. № 4. С. 59–78.
17. *Минакир П.А.* Россия на Тихом океане (приобретение Россией тихоокеанских провинций и генезис управления их освоением и развитием // Пространственная экономика. 2006. № 3. С. 104–124.
18. *Михайлова А.А., Горочная В.В., Гуменюк И.С., Плотникова А.П., Михайлов А.С.* Влияет ли приморское положение муниципалитетов на их инновационное развитие? // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Науки о Земле. 2021. Т. 66. № 3. С. 460–486. DOI: 10.21638/spbu07.2021.303.
19. *Покшишевский В.В.* Теоретические аспекты притяжения расселения к морским побережьям и опыт количественной оценки этого притяжения // Изв. Всесоюзн. геогр. об-ва. 1975. № 1. С. 29–35.
20. *Сальников С.С.* Экономическая география океана - новое перспективное направление экономической и социальной географии // Советская география. Л.: Наука, 1984. С. 231–242.
21. *Саушкин Ю.Г.* Избранные труды. Смоленск: Универсум, 2001. 416 с.
22. *Святловский Е.Е.* Введение в центрографию // Изв. Гос. Русск. геогр. об-ва. 1930. № 3. С. 320–342.
23. *Социально-экономическое развитие приморских территорий Европейской части России: факторы, тренды, модели.* Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2016. 236 с.
24. *Трансграничное кластерообразование в приморских зонах Европейской части России: факторы, модели, экономические и экистические эффекты.* Ростов-на-Дону: Изд-во Южн. фед. ун-та, 2017. 421 с.
25. *Федоров Г.М., Корнеев В.С.* Социально-экономическая типологизация приморских регионов России // Балтийский регион. 2015. № 4 (26). С. 121–134. DOI: 10.5922/2074-9848-2015-4-7.

26. Федоров Г.М. Типологические различия приморских регионов западного побережья России // Вестн. Балт. фед. ун-та им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2020. № 3. С. 5–16.
27. Barragán J.M., de Andrés M. Analysis and trends of the world's coastal cities and agglomerations // Ocean and Coastal Management. 2015. Vol. 114. P. 11–20. DOI: 10.1016/j.ocecoaman.2015.06.004.
28. Druzhinin A.G. Eurasian vectors of maritime economic activity of Russia // Geography and Natural Resources. 2020. № 41 (2). P. 99–107. DOI: 10.1134/S1875372820020018.
29. Druzhinin A.G., Lachininskii S.S. Russia in the world ocean: interests and lines of presence // Regional Research of Russia. 2021. Vol. 11, № 3. P. 336–348. DOI: 10.1134/S2079970521030035.
30. Ducruet C., Cuyala S., El Hosni S.A. Maritime networks as systems of cities: The long-term interdependencies between global shipping flows and urban development (1890–2010) // Journal of Transport Geography. 2018. Vol. 66 (C). P. 340–355. DOI: 10.1016/j.jtrangeo.2017.10.019.
31. Kalpakis V., Kokkos N., Pisinaras V., Sylaios G. An integrated coastal zone observatory at municipal level: the case of Kavala municipality, Greece // Journal of Coastal Conservation. 2018. Vol. 23. P. 149–162. DOI: 10.1007/s11852-018-0646-5.
32. Kaulins J., Ernsteins R. Municipal Thematical and Territorial Indicator Systems for Sustainable Socio-Ecological Coastal Governance. Proceedings of The International Scientific Conference, Vilnius Gediminas Technical University, Vilnius, Lithuania, May 2017. 2017. P. 318–329. DOI: 10.3846/cbme.2017.14.
33. Mikhaylov A.S., Mikhaylova A.A., Kuznetsova T.Y. Coastalization effect and spatial divergence: Segregation of European regions // Ocean and Coastal Management. 2018. Vol. 161. P. 57–65. DOI: 10.1016/j.ocecoaman.2018.04.024.
34. Pomianowski A., Doburzyński S. The importance of coastal cities and regions in selected European countries // European Research Studies Journal. 2021. Vol. 24. № 4. P. 578–589. DOI: 10.35808/ersj/2608.
35. Small C., Nicholls R.J. A global analysis of human settlement in coastal zones // Journal of Coastal Conservation. 2003. Vol. 19. №3. P. 584–99. DOI: 10.2307/4299200.
36. Seingier G., Espejel I., Fermán-Almada J.L., González O.D., Montaña-Moctezuma G., Azuz-Adeth I., Aramburo-Vizcarra G. Designing an integrated coastal orientation index: a cross-comparison of Mexican municipalities // Ecological Indicators. 2011. Vol. 11. № 2. P. 633–642. DOI: 10.1016/j.ecolind.2010.08.009.
37. Spalding M.D., Fox H.E., Allen G.R., Davidson N., Ferdana Z.A., Finlayson M., Halpern B.S., Jorge M.A., Lombana A., Lourie S.A., Martin K.D., McManus E., Molnar J., Recchia C.A., Robertson J. Marine ecoregions of the world: a bioregionalization of coastal and shelf areas // BioScience. 2007. Vol. 57. № 7. P. 573–583. DOI: 10.1641/B570707.
38. Stojanovic T.A., Farmer C.J. The development of world oceans & coasts and concepts of sustainability // Marine Policy. 2013. Vol. 42. P. 157–165. DOI: 10.1016/j.marpol.2013.02.005.
39. Yang D.L. China adjusts to the world economy: the political economy of China's coastal development strategy // Pacific Affairs. 1991. Vol. 64. P. 42–64.

Статья поступила в редакцию журнала 19 ноября 2023 г.

Об авторе:

Дружинин Александр Георгиевич – доктор географических наук, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону; ведущий научный сотрудник Института географии РАН, г. Москва; главный научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, г. Москва.

Для цитирования:

Дружинин А.Г. Талассоцентрированность приморских территорий России: селитебное и хозяйственное измерение // Региональные исследования. 2023. № 4. С. 18–28.

DOI: 10.5922/1994-5280-2023-4-2

Thalassocentricity of the coastal territories of Russia: residential and economic measurement

A.G. Druzhinin^{1, 2, 3}

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

² Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

³ Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

e-mail: alexdru9@mail.ru

In the XXI century, the development of the resource potential of the World Ocean is the basic condition for socio-economic development; this problem is also actualized for modern Russia, initiating the focus of human-geographical research, including directly on the coastal territories. The article is devoted to the conceptualization, parameterization and typologization of the phenomenon of “displacement to the sea” of the components of the spatial structure (residential and economic) of coastal territories, defined as “thalassocentricity”. The causes, manifestations and consequences of the thalassocentricity of multi-scale territorial socio-economic systems are revealed, the place and role of this category in the conceptual and categorical apparatus of Human geography are shown. Based on demographic and economic statistics for 155 Russian municipalities with direct access to the sea, a multi-criteria assessment of the degree and dynamics (for 2010–2021) of the thalassocentricity of the coastal subjects of the Russian Federation is proposed. It was found that out of 26 coastal regions of the country, in six (Khabarovsk Krai, Kalmykia, Karelia, Yakutia, as well as the “new” – DNR and Zaporozhye Region), the effects of thalassocentricity occur exclusively at the local level (closing in the contour of the coastal municipalities), in two more (Yamalo-Nenets Autonomous Okrug and Krasnoyarsk Krai) according to as marine economic activity increases, they spread to the vast Arctic periphery. The remaining 18 are classified as thalasso centered.

Keywords: thalassocentricity, coastal municipalities, coastal regions, population settlement, localization of the economy, Russia.

Funding: The research was supported by a grant from the Russian National Fund No. 23-18-00180 «Polyvariance of determinants and trends in the economic dynamics of municipalities in Russia: conceptualization, identification and typology in the interests of state regulation of spatial development») at the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences.

Received 19.11.2023

АКТУАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗМЕЩЕНИЯ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ ПРОИЗВОДСТВ В РОССИИ

© 2023 г. Д.Д. Максименко

*Институт статистических исследований и экономики знаний Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия
e-mail: dmaksimenko@hse.ru*

В статье представлен анализ факторов размещения высокотехнологичных производств в России на основе изучения их современной территориальной структуры. Целью исследования является поиск актуальных факторов размещения для российского высокотехнологичного комплекса. Среди задач: обзор тематических исследований и формирование списка факторов размещения, характерных для хай-тека; картирование высокотехнологичных производств России; выявление пространственных закономерностей их размещения. Исследование использует методы библиографического, регионального и пространственного анализа, применяется метод анализа кейсов. Рассмотрен перечень факторов размещения, анализируемых в современных работах, определена их релевантность по отношению к высокотехнологичным производствам. Описан ряд особенностей целеполагания при размещении предприятиями современной России – снижение значимости стратегического фактора, рост влияния социально-экономических условий, изменение организации промышленности. На основе микроданных отчетности высокотехнологичных производств подготовлена карта их размещения и проведено описание ключевых ареалов. Подготовлен анализ типичных кейсов специфики размещения бизнеса на уровне отдельных муниципалитетов, сформированы выводы о главенствующих факторах, определяющих размещение производств. Наиболее существенным фактором размещения является влияние агломераций и сопутствующие факторы среды, научно-технологической и транспортной инфраструктуры, социально-экономического развития территорий. Прослеживается сильное влияние «реликтовых» производственных площадок, которые становятся основой для новых производств, формируют вокруг себя цепочки поставщиков. Важными точками роста стали преференциальные зоны – особые экономические зоны, технологические и индустриальные парки. Вне основных ареалов хай-тека фактором размещения является спрос со стороны отраслей локальной специализации.

Ключевые слова: высокотехнологичные производства, факторы размещения, география промышленности, география инноваций, микроданные, геокодирование, геоинформационные системы.

DOI: 10.5922/1994-5280-2023-4-3

Введение и постановка проблемы. Размещение производства оказывает большое влияние на его дальнейшую деятельность на каждом этапе жизненного цикла. Выбор производственной площадки является одним из первых стратегических решений для предприятия: он определяет доступность рынков сбыта, трудовых и производственных ресурсов, некоторые операционные расходы, себестоимость продукции и т.д. В случае с высокотехнологичными производствами вопрос размещения стоит еще более остро, так как для таких предприятий важен доступ к ряду специфических ресурсов, например, рынку передовых кадров, научной инфраструктуре и т.д.

Коренные трансформации системы принятия решений в постсоветской России обуславливают новые требования к факторам размещения производств. На смену традиционным

для индустриальной экономики факторам приходит усиление роли социально-экономических предпосылок к размещению. На фоне нарастания территориальных диспропорций в наборе финансовых, технологических, кадровых и других ресурсов серьезно меняется ландшафт размещения производств.

Разрыв торгово-экономических связей с рядом ключевых стран на рынке высокотехнологичной продукции (США, Германия, Япония и т.д.) на фоне задач развития отечественного производства привел к резкому дефициту в отдельных сегментах хай-тека и разрывам в производственных цепочках. Современная экономическая и геополитическая ситуация обуславливает необходимость создания новых мощностей высокотехнологичных производств с возросшими потребностями как со стороны гражданского сектора, так и со стороны ВПК.

На текущий момент локальные перебои поставок решаются расширением товарной номенклатуры импорта из дружественных стран или путем параллельного импорта, однако, для формирования настоящего технологического суверенитета в кратко- и среднесрочной перспективе необходимо появление новых и развитие существующих центров высокотехнологичной промышленности. Для решения этой задачи требуется оценка потенциала территории для размещения производств на основе анализа факторов размещения, релевантных, с одной стороны – для специфического сектора высоких технологий, а с другой – с учетом особенностей социально-экономического и историко-географического развития России.

Несмотря на достаточно высокую степень изученности темы анализа территориальных особенностей развития высокотехнологичного бизнеса [3; 19; 23], вопрос мотивов размещения высокотехнологичных производств все еще остается недостаточно проработанным. Понимание алгоритмов принятия решений и значимости отдельных факторов размещения бизнеса может стать ключевым знанием для разработки политики по привлечению компаний на территорию, комплексного развития национальной инновационной системы и решения задач импортозамещения и технологического развития.

Цель данной работ – формализация знаний о факторах размещения высокотехнологичного бизнеса и выявление актуальных факторов и закономерностей размещения хай-тека в России.

Обзор ранее выполненных исследований.

Развитие подходов к анализу размещения. Одним из ключевых элементов при выборе локации предприятия являются факторы размещения – наиболее важные контекстные объекты и условия для развития бизнеса на определенной территории. Анализ факторов размещения проводится в научных и практических работах с начала промышленной революции, когда учет взаиморасположения производственных сил и ресурсов стало особенно серьезно влиять на эффективность производства.

Сам набор факторов эволюционировал с развитием производственных и рыночных отношений, появлением новых отраслей промышленности, усложнением организа-

ционных структур предприятий, увеличением требований к условиям труда со стороны квалифицированного персонала и т.д.

Как итог первоначальные геометрические задачи оптимального размещения производств по отношению к рынку и ресурсной базе конца XIX века на современном этапе сменились сложными мультимасштабными исследованиями, изучающими самый широкий набор факторов (от «классических» факторов наличия трудовых ресурсов и доступа к рынку, до культурных и институциональных) как на уровне стран и макрорегионов, так и на уровне конкретных локаций внутри населенных пунктов.

Одной из первых и наиболее известных работ по изучению факторов размещения является «Изолированное государство» Йоганна Тюнена [18]. Несмотря на свою простоту, концепция Тюнена стала прорывной для своего времени и сформировала почву для последующих исследований (в том числе и современных). И. Тюнен показал, что размещение предприятий может отражаться на их эффективности (рента от размещения). Кроме того, работа «предсказывает» существование агломерационного эффекта, в связи с чем часто упоминается последователями Новой экономической географии.

Дальнейшее развитие теория размещения получила в конце XIX – начале XX века в Германии, где в продолжение идей Тюнена, на фоне развития тяжелой промышленности и транспортной инфраструктуры, ученые начали применять математические методы для обоснования размещения производств с целью снижения издержек. Подобные работы обычно использовали упрощенную геометрическую репрезентацию пространства для описания экономических связей между размещением сырьевой базы, субъектов производства и потребления.

В 1930-х гг. работы Вальтера Кристаллера и Августа Леша сформировали теории «центральных мест» и «экономии размещения» [18]. Эти направления ставили своей целью формирование оптимальных иерархических структур размещения предприятий на основе параметров рынков сбыта и транспортной сети.

Немецкие исследования сформировали огромный теоретический базис для развития теории размещения. Использование математических методов для обоснования размеще-

ния стало важным инструментом не только для науки, но и для практических целей. Однако геометрические модели имели ряд ограничений, основным из которых является серьезное усложнение при добавлении дополнительных факторов анализа.

В 1950–1960-е гг. изучение теории размещения активно развивалось в англо-саксонской науке. Наиболее значительными стали исследования американских ученых, преследовавших практические цели в изучении данного направления. Идеи в работах американских авторов представляют широкий набор анализируемых факторов размещения [12], основанных не только на транспортно-логистических функциях, но и на качестве городского пространства, человеческого капитала, политическом участии и т.д.

Параллельно на фоне совершенствования математических методов развивался позитивистский подход к анализу размещения. Уолтер Айзард – один из наиболее известных ученых, проводивших количественные исследования размещения в это время. В том или ином виде, базируясь на концепциях А. Вебера, в работе «Размещение и экономия от пространства» [22] он представлял субституционный подход к размещению предприятий.

Советская география в свою очередь также развивала собственные концепции размещения. Задачи размещения решались в рамках советской районной школы экономической географии. В своих работах советские ученые [4; 6; 8] использовали деление страны на экономические районы. В научной и практической плоскости развивалось понятие территориально-промышленных комплексов (ТПК) – наиболее благоприятных наборов отраслей на основе их технологической и экологической комплексности, подходящие для территории на основе ее особенностей и ресурсов. Однако достижения советской теории размещения применимы по большей части только для плановой экономики: предприятия в рамках ТК создают сложную систему связей, каждая единица в которой (даже убыточная индивидуально) важна для всего комплекса. Поддержание таких систем в рыночной экономике достаточно сложная задача.

В 1970–1990-х гг. теория размещения начала развитие в обширном перечне научных школ и направлений, адаптируя подходы

поведенческих наук, урбанистики и т.д. На Западе наиболее влиятельным направлением этого периода стала Новая экономическая география (НЭГ), сформированная американским экономистом Полом Кругманом с коллегами в 1990-х гг. Ключевой идеей этой экономической школы является существование возрастающей отдачи от концентрации ресурсов и инновационных процессов, формирующих центр-периферийные отношения между территориями разного ранга.

В позднесоветский и российский периоды отечественные ученые вели работу по адаптации идей районирования и промышленных комплексов под новые реалии. Среди прочего под российскую действительность были интерпретированы идеи Портера, Кругмана, Валлерстайна. В их статьях предпринимаются попытки усиления роли социально-экономических, управленческих и даже культурологических аспектов в рассмотрении районов и различных понятийных надстроек над концепцией ТК [2; 5; 9]. Однако на фоне экономических, а главное – политических изменений и конъюнктуры научного большинства для управления территорией и, как следствие, оценки факторов потенциала территории для размещения бизнеса широкое распространение получили идеи регионалистики, региональной политики и региональной экономики.

Современные работы по анализу размещения бизнеса анализируют широчайший список различных показателей, используя методы из географии (региональный и картографический анализ), экономики (эконометрические методы), социологии (опросы) и т.д. Вместе с тем их методологическая и концептуальная разветвленность не позволяет объединять идеи разных исследователей по каким-либо направлениям или научным школам. Лучшие практики из теории размещения используются в геомаркетинге и региональной политике.

Среди типичных современных исследований по анализу размещений можно выделить следующие тематические направления:

- Работы, изучающие факторы размещения бизнеса [7; 13; 25]. В них происходит оценка влияния отдельных объектов (университетов, транспортной инфраструктуры и т.д.) и процессов (инновационной активности предприятий на территории, институ-

- циональной среды и т.п.) на возможность размещения бизнеса;
- Работы по прогнозированию размещения бизнеса. В этих работах рассматривается актуальная конфигурация размещения и используются различные инструменты для прогнозирования ее изменений с помощью моделирования на основе релевантных факторов [24];
  - Обзоры литературы и мета-анализы, в которых агрегируются факторы размещения, релевантные для конкретных типов предприятий (например, высокотехнологичных или транснациональных). Основой таких работ является библиографический анализ, который может быть дополнен экспертной валидацией [11].

Вопросы размещения высокотехнологичных и инновационных предприятий – одна из наиболее распространенных тем современных исследований по локации бизнеса. Специфика таких предприятий диктует необходимость анализа присущих только им факторов. Такие предприятия должны учитывать взаиморасположение по отношению к исследовательским центрам, при выборе оптимальной локации.

Современные факторы размещения бизнеса. Несмотря на широкий перечень факторов размещения, которые анализируются в актуальных исследованиях, можно выделить отдельные наиболее важные группы факторов и проследить их релевантность по отношению к размещению высокотехнологичного бизнеса и российской специфике (табл. 1).

Изменение приоритетов в выборе факторов размещения в России. Многие факторы размещения, представленные в научных исследованиях, применимы для анализа размещения высокотехнологичного бизнеса современной России, однако, ввиду историко-географических и социально-экономических особенностей развития у высокотехнологичного комплекса имеется своя специфика выбора локации.

Так, ряд ключевых факторов, анализируемых в зарубежной литературе, имеет минимальное влияние на размещение хайтека в России. Близость к капиталу (банкам/венчурным капиталистам) не так важна на фоне широкого проникновения цифровых

банковских услуг и сравнительно низкого уровня развития венчурного бизнеса, слабо развита система защиты результатов интеллектуальной деятельности в отличие от Германии, Франции, Японии или США. Гомогенность политического пространства, а также налоговых режимов (за исключением зон с особым статусом) на территории страны снижает влияние этих факторов, важных, например, для США.

Влияние экологического состояния территории на потенциал размещения промышленных объектов дискутируется даже в статьях, посвященных наиболее развитым странам: преимущества от нахождения рядом с потенциальными загрязнителями – промышленными комплексами или крупными агломерациями, в подавляющем большинстве случаев перекрывают влияние этого фактора. Фактор природной опасности на мезоуровне также нивелируется крайне малым уровнем развития высокотехнологичного бизнеса на территориях повышенных рисков (например, Дальний Восток или Северный Кавказ), хотя фактор крайне актуален для таких стран, как США, Япония или Китай.

Напротив, одну из ключевых ролей в размещении высокотехнологичного бизнеса России играет фактор промышленной базы («эффект колее») [1]. В свою очередь основная масса крупных промышленных площадок была заложена в советский период (в том числе вследствие эвакуации промышленности в годы Великой Отечественной войны), когда при размещении производства руководствовались нерыночными факторами, в том числе, обусловленными стратегической безопасностью. Во многом в дальнейшем это привело к деконцентрации производства и формированию локальных точек размещения.

Практическое развитие концепций ТПК и энергопроизводственных циклов (ЭПЦ) в советский период позволило сформировать производственные кластеры с четким разделением функций между их элементами. Одной из задач формирования ТПК было освоение слабозаселенных территорий СССР с высоким ресурсным потенциалом, даже при низкой транспортной доступности и сложных природно-климатических условиях. В рамках промышленных комплексов разных масштабов формировалась сеть

Таблица 1. Ключевые группы современных факторов размещения

Группа факторов	Факторы и контекстные объекты	Актуальность для высокотехнологичных производств	Актуальность для России	Источник
Научная инфраструктура	Университеты	Возникновение перетоков знаний, рекрутинг квалифицированных кадров, трансфер технологий	Высокая	[33]
	Исследовательские институты		Высокая	[7]
	Бюро НИОКР		Высокая	[27]
Человеческий капитал и качество жизни	Уровень заработной платы	Генерация и привлечение квалифицированных трудовых ресурсов	Высокая	[24]
	Уровень преступности		Средняя	[28]
	Стоимость жизни		Средняя	
	Рекреационная инфраструктура		Средняя	
	Образовательная среда		Средняя	
Производственная и логистическая инфраструктура	Технопарки	Удобство развертывания производства, сокращение издержек и кооперация поставок	Высокая	[25]
	Транспортная инфраструктура		Высокая	[11]
	Инженерная инфраструктура		Высокая	
	Стоимость недвижимости		Средняя	
	Стоимость воды, электроэнергии и др.		Средняя	
Средовые факторы	Социально-экономическое состояние территории	Привлекательность территории для инвестиций и ведения бизнеса	Высокая	[19]
	Институциональная среда		Средняя	[14]
	Банковский сектор		Низкая	[23]
	Венчурный капитал		Низкая	
	Патентная активность		Низкая	[23]
	Затраты на НИОКР		Средняя	[33]
	Налоговый режим		Низкая	[15]
	Политическая стабильность		Низкая	[16]
	Специальные экономические зоны		Высокая	[7]
Защита РИД	Низкая	[27]		
Взаиморазмещение бизнеса	Поставщики и покупатели продукции	Формирование синергетического эффекта, снижение издержек, доступ к рынкам	Средняя	[12]
	Конкурентная среда		Средняя	[34]
	Диверсификация бизнеса		Средняя	[17]
	Наличие кластеров		Высокая	[3]
	Деятельность ТНК		Средняя	[10]
	Положение по отношению/внутри агломерации		Высокая	[17]
Прочие	Природные риски	Оценка рисков при принятии решений о размещении дорогостоящих производственных мощностей	Низкая	[11]
	Экологическое состояние территории		Низкая	[16]

Составлено автором.

НИИ, конструкторских бюро, образовательных учреждений.

Однако в результате перехода к рыночной экономике часто происходило разрушение кооперационных связей, приводящее к ликвидации предприятий и утрате промышленного потенциала. Пострадали непрофильные активы социальной инфраструктуры, деградация которых привела к утрате привлекательности ряда территорий для высококвалифицированных специалистов и резкой депопуляции (особенно в моногородах).

Разворот мировой экономики в сторону сектора услуг и производства нематериальных ценностей серьезно меняет мотивацию размещения бизнеса: на первый план выходят не производственные возможности территории, а параметры качества жизни, доступ к наиболее квалифицированным кадрам. Подобный тренд в России отчетливо прослеживается на примере крупнейших агломераций, где на месте промышленных площадок (в том числе выпускавших высокотехнологичную продукцию авиаракетостроения, радиоэлектроники и т.д.) были сформированы жилые и офисные пространства, в которых быстрыми темпами развивается сервисный высокотехнологичный бизнес.

Неравномерность социально-экономического развития, условий ведения бизнеса и объемов поддержки предпринимательской инициативы, крайне высокая степень локализации центров принятия решений (как государственных, так и коммерческих) в России [5] стали причиной чрезмерной концентрации высокотехнологичного бизнеса в Москве. Такая ситуация приводит к оттоку наиболее квалифицированных кадров из регионов и дальнейшему нарастанию диспропорций территориального развития.

Таким образом, география высокотехнологичного бизнеса в России, хоть и во многом сформирована на базе советского наследия, приобрела новые черты. В рамках дальнейшего анализа произведено описание актуального ландшафта российского высокотехнологичного бизнеса с целью выявления факторов размещения, которые определяют современный облик сектора.

Материалы и методика исследования.

Под высокотехнологичными предприятиями в работе подразумеваются предприятия с основными ОКВЭД2 21 и 26, 20, 27, 28, 29

(то есть в периметр анализа включены и средне-высокотехнологичные предприятия). Подобный подход к формированию периметра распространен в российских и зарубежных работах [26], хотя и имеет ряд недостатков и альтернатив. В первую очередь, сам по себе вид деятельности не говорит о степени технологичности предприятия: например, в фармацевтическую отрасль входят предприятия, которые занимаются производством простейших лекарственных средств. Однако в случае со сплошным анализом отрасли влияние подобного отклонения снижается.

Альтернативными методами выявления высокотехнологичного бизнеса являются дополнительные опросные и статистические обследования, использование статистики выпуска высокотехнологичных товаров. Очевидные проблемы есть и у этих методов: опросы могут покрыть только ограниченную выборку компаний; дискусионными являются перечни высокотехнологичных товаров, которые формируются как в России, так и за рубежом, а данные по выпуску на уровне предприятий обычно являются коммерческой тайной и не разглашаются статистикой.

Анализ актуального размещения высокотехнологичных производств в рамках исследования основывается на данных системы СПАРК-Интерфакс, агрегирующей данные отчетности предприятий в России и ряде стран СНГ. СПАРК основывается на данных бухгалтерской и статистической отчетности, информации Федеральной налоговой службы, Казначейства, Верховного суда и др. Благодаря системе можно создавать выборки предприятий по разным параметрам, в том числе основному ОКВЭД2 (виду деятельности), что позволяет сформировать общую базу данных высокотехнологичных производств по России.

Наличие адреса регистрации предприятия в системе СПАРК позволило получить его координаты с помощью техники геокодирования. В данной работе геокодирование проводилось с использованием языка программирования Python в среде Spyder на основе библиотеки geopy. Геокодирование производилось при помощи API Яндекса.Геокодера.

Использование адреса регистрации в качестве индикатора размещения предприятия является одним из ограничений при анализе.

Зарегистрированное в Москве предприятие может вести свою деятельность и в других регионах, иметь несколько производственных площадок. Однако подобная информация не отслеживается российскими государственными службами и на микроуровне практически безальтернативна (за исключением ручного сбора данных, невозможного при работе в масштабе всей страны).

Геокодирование также может быть фактором смещения данных, однако, учитывая высокий уровень стандартизации адресов компаний в системе СПАРК, можно предположить, что потенциальная ошибка не превышает 5% как в аналогичных работах [24].

Для удобства анализа, выручка предприятий (как индикатор масштаба деятельности) была агрегирована по сетке муниципальных образований в разрезе отдельных ОКВЭД2, соответствующих высокотехнологичным производствам. База геоданных была проанализирована на разных масштабных уровнях (как на общероссийском, так и на уровне отдельных муниципалитетов) для формирования качественных выводов об особенностях размещения предприятий. Выявленные типичные закономерности размещения были рассмотрены на примерах конкретных предприятий и/или муниципальных образований в формате кейсов.

Результаты исследования. Анализ картографических материалов, подготовленных на основе информации БД СПАРК (рис. 1), указывает на ряд территориальных особенностей в размещении высокотехнологичного бизнеса.

На территории России сформированы отдельные очаги размещения высокотехнологичного бизнеса, сопоставимые уровню развития экономики, промышленности [1] и системе расселения, однако, не тождественные им, что свидетельствует о специфических факторах размещения хай-тека. Среди таких очагов:

- Северо-Запад (Калининградская область и Петербургская агломерация);
- Московская агломерация и радиальные области;
- Центральное Черноземье;
- Юго-Запад (Ростовская агломерация, Краснодарский и Ставропольский Край, Крым);
- Урало-Поволжье;

- агломерации Сибири и Дальнего Востока (Новосибирск, Барнаул, Красноярск, Хабаровск, Владивосток и др.).

Дальнейший анализ строился как на описании перечисленных очагов концентрации и их внутренней специфики, так и на особых случаях размещения высокотехнологичных производств за их пределами для выявления ключевых факторов размещения.

Высокий уровень централизации. Московский регион является абсолютным лидером по числу и объемам выручки высокотехнологичного бизнеса. Для ядра агломерации – Москвы, характерны внутригородские особенности размещения высокотехнологичного бизнеса, например, тяготение к центру города (в отличие от примеров Берлина или Парижа); концентрация в поясе НИИ и ВУЗов на Западе и Юго-Западе города, а также наличие субцентров в технопарках.

Также стоит выделить агломерации городов-миллионников (например, Самарско-Тольяттинская – химия, автомобилестроение; Ростовская – точное машиностроение, химия, электротехника; Уфимская – промышленное оборудование, химия и т.д.) как видимые полюса концентрации высокотехнологичного бизнеса.

Примером центра развития высокотехнологичного бизнеса в пределах агломерации является Дзержинск – один из общероссийских (а ранее и общесоветских) центров химической промышленности. На сегодняшний день в городе функционируют предприятия по производству крупно- и малотоннажной химии, в том числе специальных полимеров. Большая часть предприятий (как крупных заводов, так и экспериментальных производств) сформированы на основе советских площадок, однако, есть и новые производства, нацеленные на создание небольших объемов сложной продукции.

Факт концентрации размещения высокотехнологичных производств в рамках агломерации указывает на актуальность факторов социально-экономического развития. С одной стороны, агломерации являются центром подготовки и притяжения квалифицированных кадров, с другой – комфортной для сотрудников локацией с повышенной транспортной доступностью. В пределах агломераций важными объектами тяготения

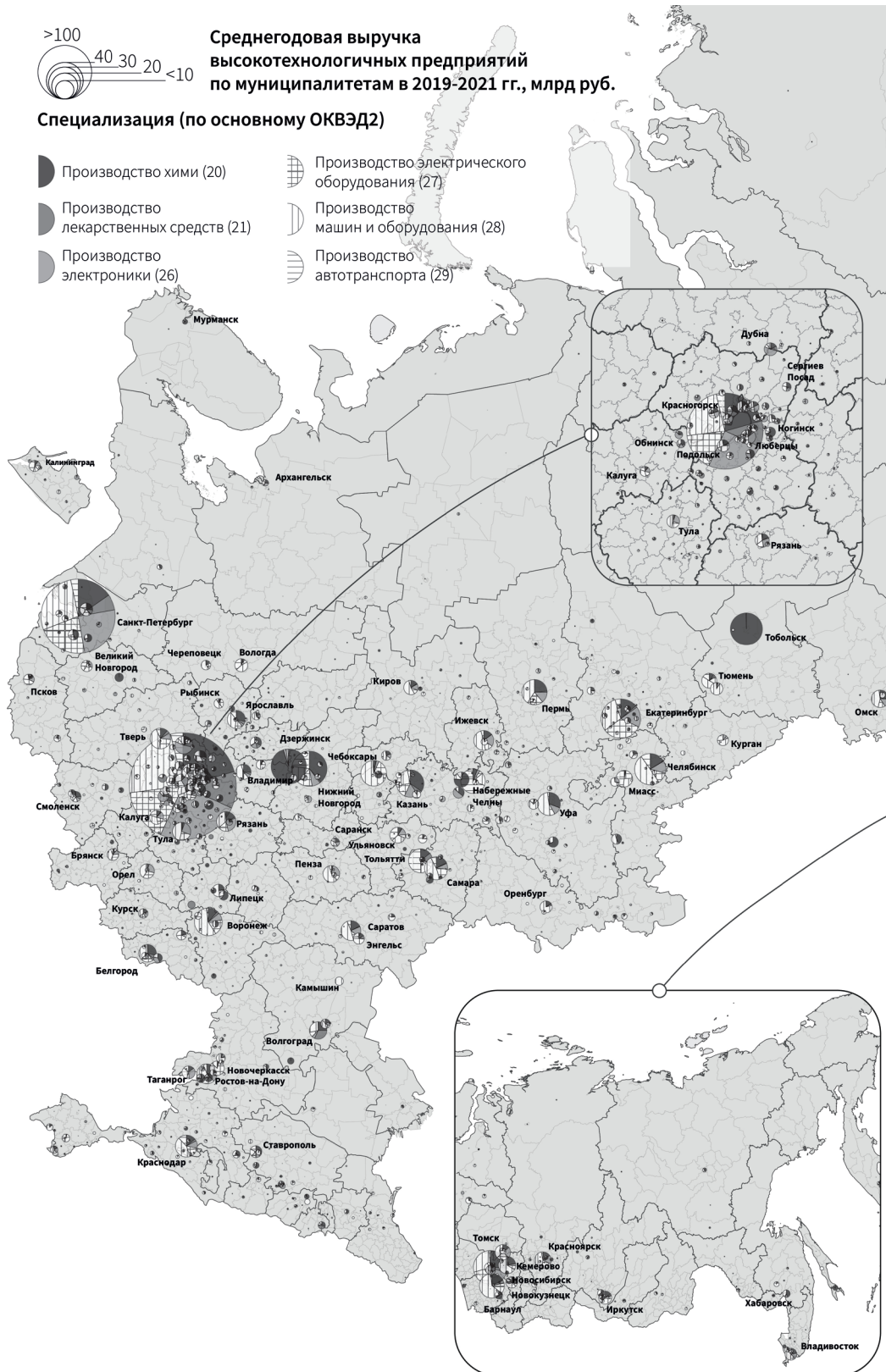

Рис. 1. Локация высокотехнологичных предприятий на низовом административном уровне по состоянию на начало 2022 г.

Составлено автором на основе данных БД СПАРК.

высокотехнологичных производств являются научные центры, крупные промышленные площадки и специально созданные офисно-производственные комплексы.

Диспропорция Восток-Запад. Очевидна глобальная диспропорция Восток-Запад, характерная для многих социально-экономических явлений в стране. Несмотря на наличие крупных центров развития высокотехнологичного бизнеса за Уралом, распространенность предприятий носит очаговый характер вокруг крупнейших населенных пунктов.

За пределами региональных столиц, примерами территорий высокой концентрации хай-тека являются города Тобольск (нефтехимия), Новокузнецк (горнодобывающее и промышленное оборудование), Бердск (промышленное оборудование), Бийск (фармацевтика и косметика).

Ключевым фактором размещения в данном случае является фактор спроса со стороны более развитых на конкретной территории отраслей – высокотехнологичный бизнес в данном случае играет обслуживающую функцию для нефтегазового сектора и горнодобывающей промышленности.

Лакуны в Европейской России. Точечная распространенность высокотехнологичного бизнеса (за исключением региональных столиц) также наблюдается в Нижнем Поволжье (Камышин, Урюпинск, Котельниково) и на Северо-Западе Европейской России (Северодвинск, Череповец, Ухта). Местные предприятия занимаются производством техники для нефтегазовой отрасли, промышленного оборудования, химии на локальные рынки сбыта.

Исключением является Калининградская область – один из центров радиоэлектронной промышленности в эпоху СССР и особая экономическая зона в современной России. Сейчас, помимо самого Калининграда, высокотехнологичные производства находятся в Черняховске и Советске – регион специализируется на производстве электроники, электрооборудования, автомобильной техники. Важным фактором развития высокотехнологичных отраслей в регионе стали кластерные инициативы.

Крупные ареалы размещения в Урало-Поволжье. Урало-Поволжье – вторая по значимости территория распространения высокотехнологичного бизнеса после Московского региона. С одной стороны, это

итог эвакуации предприятий в военное время и, как следствие, крайне развитой промышленной базы, с другой, – сравнительно высокого социально-экономического развития регионов. Хай-тек здесь размещен как в крупнейших городах и их агломерациях, так и в городах второго порядка (Набережные Челны, Сарапул, Димитровград и др.).

Среди ключевых территорий развития высокотехнологичного бизнеса можно отметить Миасс – один из российских центров авиаракетостроения и автомобильной промышленности. Помимо крупных предприятий оборонно-промышленного комплекса, в городе функционирует сеть малых и средних предприятий, обеспечивающих деятельность лидирующих производств. Например, высокотехнологичные малые и средние производства вовлечены в кооперацию с Уральским автомобильным заводом, дооснащают выпущенные с завода автомобили под специальную технику.

Примечательно, что важную роль в формировании новых высокотехнологичных производств в районе играют различные виды кластерной кооперации, как неформальной (на примере Миасса), так и формальной – в виде юридических форм и/или технологических и индустриальных парков. Очагами концентрации хай-тека также являются особые экономические зоны, например, Алабуга и Тольятти.

Субцентры размещения в Центральной России. Сплошной ареал размещения высокотехнологичных производств в Центральной России выстроен вокруг Московской агломерации и выходит за пределы административных границ Московской области. Наиболее интересным здесь является рассмотрение крупных центров высокотехнологичного бизнеса за пределами столичных агломераций. Анализ показывает наличие городов второго порядка, которые сопоставимы с региональными столицами по масштабам высокотехнологичных производств.

Важными субцентрами являются наукограды – Обнинск, Королев, Жуковский и в первую очередь Дубна. Так, на базе особой экономической зоны Дубна работают предприятия по производству радиотерапевтической и другой медицинской техники, фармацевтической продукции, электротехнического оборудования. В случае Дубны работает синергетический эффект, когда научно-производственные мощности, созданные

в советский период, дополняют современной жилищной и инженерной инфраструктурой, а также создают привлекательные условия для ведения бизнеса.

Также выделяются города второго порядка за пределами Московской области – Рыбинск (промышленное оборудование и продукция для аэрокосмического комплекса), Углич (энергетическое оборудование), Ковров (продукция для ядерного комплекса), Гусь-Хрустальный (промышленная электротехника и нефтегазовое оборудование), Александров (электроника и электротехника). В основном высокотехнологичные предприятия в этих городах – это реорганизованные производства советской эпохи, также необходимо отметить высокую роль оборонно-промышленного комплекса в их развитии.

Выводы. В современной российской географической и экономической повестке вопрос факторов размещения в целом рассмотрен недостаточно, в особенности, в приложении к высокотехнологичному комплексу; работы по теме в основном базируются на данных регионального масштаба, из-за чего теряется внутри- и межрегиональная специфика.

Одним из ключевых результатов работы является картирование и анализ актуальных данных по территориальной структуре высокотехнологичного комплекса в масштабе отдельных муниципальных образований, что подчеркивает наличие межрегиональных ареалов размещения производств. Картографический материал, подготовленный по результатам исследования позволяет провести оперативный анализ хай-тек сектора для конструирования самодостаточных исследований и гипотез.

Анализ ареалов распространения высокотехнологичного бизнеса позволяет выделить отдельные факторы размещения, актуальные для высокотехнологичного бизнеса России на текущий момент. Во многом выявленные факторы соотносятся или дополняют выводы, описанные в классических и современных работах по размещению производств (центр-периферийный разрыв, наличие «эффекта колеи», значимость специальных экономико-производственных зон). Однако также выявлен малоизученный фактор сервисной функции высокотехнологичного бизнеса по отношению к менее технологичным

отраслям локальной специализации (нефтегазовому сектору, металлургии, энергетике и т.д.), который формирует новые центры развития хай-тека, снижая территориальные диспропорции развития сектора.

В первую очередь очевидно влияние агломерационного фактора и сопряженных с ним средовых факторов. Более высокий уровень жизни в крупнейших агломерациях России, наличие там квалифицированных трудовых ресурсов, образовательных и научных площадок, транспортная доступность и развитая система технопарков делают агломерации очевидным аттрактором для высокотехнологичных производств. При этом, внутри агломераций на микроуровне есть своя территориальная диверсификация по уровню привлекательности для размещения хай-тека.

Рассмотрение крупнейших предприятий в каждом из выделенных ареалов подтверждает влияние «реликтовых» промышленных площадок и производств, сохранившихся после распада СССР. При этом, унаследованные современной Россией крупные промышленные производства могут играть разную роль в функционировании высокотехнологичных производств.

Самый простой случай, когда предприятия сохранили свой функционал и приспособились к современным экономическим и технологическим реалиям – либо как единое предприятие, либо как сеть зависимых или независимых производств на основе крупного реструктурированного предприятия. Также такие предприятия могут быть ядрами для формирования промышленной кооперации, тем самым формируя вокруг себя цепочку поставщиков высокотехнологичной продукции (что особенно явно проявляется в центрах автомобилестроения) в виде неформальных кластеров.

Как было отмечено ранее, показательным является размещение высокотехнологичных производств вне основных ареалов размещения: ключевым фактором в данном случае является наличие доминирующей отрасли, которая формирует запрос на высокотехнологичную продукцию – в основном это нефтегазовый и топливно-энергетический комплексы. Таким образом, фактор размещения по отношению к бизнесам разного технологического уровня может иметь свою значимость.

Что касается абсолютно новых производств, среди прочего ядрами концентраций для них выступают особые экономические зоны, технологические и индустриальные парки – то есть локации с дополнительными преференциями в виде готовой инфраструктуры и льготных условий для ведения

бизнеса. Ввиду большого срока окупаемости инвестиций для высокотехнологичных производств, их поддержка позволяет снизить смертность бизнеса на начальных этапах его развития, в связи с чем фактор размещения в преференциальных зонах имеет крайне высокий вес при выборе локации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бабурин В.Л.* Влияние эффекта колен на эволюцию промышленных ареалов России // Региональные исследования. 2020. № 3. С. 26–39.
2. *Бакланов П.Я.* Территориальная организация хозяйства и региональное развитие // Соц.-экон. геогр. Вестн. Ассоц. рос. геогр.-общ. 2012. № 1. С. 32–49.
3. Земцов С., Барина В., Панкратов А., Куценко Е. Потенциальные высокотехнологичные кластеры в российских регионах: от текущей политики к новым точкам роста // Форсайт. 2016. Т. 10. № 3. С. 34–52.
4. *Колосовский Н.Н.* К вопросу об экономическом районировании // Пространственная экономика. 2009. № 1. С. 102–123.
5. Пространство современной России: возможности и барьеры развития (размышления географов-обществоведов). Отв. ред. А.Г. Дружинин, В.А. Колосов, В.Е. Шувалов. М.: Вузовская книга, 2012. 336 с.
6. *Саушкин Ю.Г., Калашникова Т.М.* Основные экономические районы СССР // Вопросы географии. Сб. 47: Экономическое районирование СССР. М.: Географгиз, 1959. С. 42–73.
7. *Кузнецова О.В., Бобровский Р.О.* Факторы размещения фармацевтических предприятий на примере крупнейших фармкомпаний России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2022. Т. 86. № 2. С. 168–178.
8. *Хрущев А.Т.* Важнейшие сдвиги в территориальной организации промышленности СССР (методология и практика) // Вопросы географии. Сб. 75: Территориальная организация производительных сил СССР. М.: Мысль, 1968. С. 38–61.
9. *Шарьгин М.Д.* Эволюция учения о территориальных общественных системах // Географический вестник. 2006. № 1. С. 4–13.
10. *Athreye S.S.* Role of transnational corporations in the evolution of a high-tech industry: The case of India's software industry – A comment // World Development. 2004. Vol. 32. № 3. P. 555–560.
11. *Badri M.A.* Dimensions of industrial location factors: review and exploration // Journal of Business and Public Affairs. 2007. Vol. 1. № 2. С. 1–26.
12. *Blair J.P., Premus R.* Major factors in industrial location: A review // Economic Development Quarterly. 1987. Vol. 1. № 1. С. 72–85.
13. *Boschma R.A. et al.* Evolutionary economics and industry location // Review for Regional Research. 2003. Vol. 23. P. 183–200.
14. *Coeurderoy R., Murray G.* Regulatory environments and the location decision: Evidence from the early foreign market entries of new-technology-based firms // Journal of International Business Studies. 2008. Vol. 39. P. 670–687. DOI: 10.1057/palgrave.jibs.8400369.
15. *Crabbé K., De Bruyne K.* Taxes, agglomeration rents and location decisions of firms // De Economist. 2013. Vol. 161. № 4. P. 421–446. DOI: 10.2139/ssrn.1759324.
16. *De Beule F., Duanmu J.L.* Locational determinants of internationalization: A firm-level analysis of Chinese and Indian acquisitions // European Management Journal. 2012. Vol. 30. № 3. P. 264–277.
17. *Dubé J., Brunelle C., Legros D.* Location theories and business location decision: A micro-spatial investigation in Canada // The Review of Regional Studies. 2016. Vol. 46. № 2. P. 143–170. DOI: 10.52324/001c.8039.
18. *Fischer K.* Central places: The theories of von Thünen, Christaller, and Lösch // Foundations of location analysis. H.A. Eiselt & Vladimir Marianov (ed.). Springer, 2011. P. 471–505. DOI: 10.1007/978-1-4419-7572-0_20.
19. *Florida R.* Entrepreneurship, creativity, and regional economic growth // The Emergence of Entrepreneurship Policy. Cambridge University Press, 2003. P. 39–58. DOI: 10.1017/CBO9780511610134.003.
20. *Hsu W.K., Chiang W.L., Chen C.W.* Earthquake risk assessment and optimal risk management strategies for hi-tech fabs in Taiwan // Natural hazards. 2013. Vol. 65. P. 2063–2076. DOI: 10.1007/s11069-012-0462-4.
21. *Huq F., Pawar K.S., Rogers H.* Supply chain configuration conundrum: how does the pharmaceutical industry mitigate disturbance factors? // Production Planning & Control. 2016. Vol. 27. № 14. P. 1206–1220. DOI: 10.1080/09537287.2016.1193911.
22. *Isard W.* Location and Space-Economy. NY, 1956. 350 p.
23. *Kenney M., Patton D.* Supporting the High-Technology Entrepreneur: Support Network Geographies for Semiconductor, Telecommunications Equipment, and Biotechnology Start-Ups. University of California, 2004. 26 p.
24. *Kinne J., Resch B.* Analyzing and predicting micro-location patterns of software firms // ISPRS International Journal of Geo-Information. 2017. Vol. 7. № 1. P. 1–21. DOI: 10.3390/ijgi7010001.
25. *Löfsten H., Lindelöf P.* Science Parks and the growth of new technology-based firms –academic-industry links, innovation and markets // Research Policy. 2002. Vol. 31. № 6. P. 859–876. DOI: 10.1016/S0048-7333(01)00153-6.
26. *Lola I., Bakeev M.* Measurement of Digital Activity in Medium, High-Tech and Low-Tech Manufacturing Industries. Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP. Vol. 95. 2019. 36 p.

27. *Rilla N., Squicciarini M.* R&D (re) location and offshore outsourcing: a management perspective // *International Journal of Management Reviews*. 2011. Vol. 13. № 4. P. 393–413. DOI: 10.1111/j.1468-2370.2011.00297.x.
28. *Salvesen D., Renski H.* The Importance of Quality of Life in the Location Decisions of New Economy Firms (Technical Report). Chapel Hill, NC: Center for Urban and Regional Studies of University of North Carolina, 2003. 42 p.
29. *Van Der Panne G., Dolfsma W.* The odd role of proximity in knowledge relations: high-tech in the Netherlands // *Tijdschrift voor economische en sociale geografie*. 2003. Vol. 94. № 4. P. 453–462. DOI: 10.1111/1467-9663.00273.
30. *Woodward D., Figueiredo O., Guimaraes P.* Beyond the Silicon Valley: University R&D and high-technology location // *Journal of Urban Economics*. 2006. Vol. 60. № 1. P. 15–32.
31. *Xia T., Liu X.* Foreign competition, domestic competition and innovation in Chinese private high-tech new ventures // *Journal of International Business Studies*. 2017. Vol. 48. P. 716–739. DOI: 10.1057/s41267-017-0083-y.

Статья поступила в редакцию журнала 15 августа 2023 г.

Об авторе:

Максименко Даниил Дмитриевич – младший научный сотрудник Центра промышленной политики Института статистических исследований и экономики знаний, аспирант кафедры управления наукой и инновациями факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва.

Для цитирования:

Максименко Д.Д. Актуальные факторы размещения высокотехнологичных производств в России // *Региональные исследования*. 2023. № 4. С. 29–40.

DOI: 10.5922/1994-5280-2023-4-3

Present location factors of high-tech industries in Russia

D.D. Maximenko

HSE University, Moscow, Russia
e-mail: dmaksimenko@hse.ru

The article presents an analysis of location factors for high-tech industries in Russia based on the study of its actual spatial structure. The aim of the work is to find the most relevant location factors for the Russian high-tech complex. Among the tasks of the article: literature review and the formation of a list of location factors relevant for high-tech; mapping of high-tech industries in Russia based on microdata; identification of spatial patterns of placement of high-tech industries. The research is based on the methods of bibliographic, regional, statistical and spatial analysis, the study uses the case-study method. The list of location factors analyzed in modern works on the topic of location selection is considered and their relevance to high-tech industries is determined. Work also describes a number of changes in location choices of enterprises in modern Russia in relation to the Soviet ones – among other things, this is a decrease in the importance of the strategic factor and an increase in the influence of socio-economic conditions, a change in the spatial organization of industry. On the basis of microdata reportings of high-tech industries, a map of their location at the local level was prepared and a description of the key areas of their location was carried out. For each area, an analysis of typical cases of the specifics of business location at the level of individual municipalities has been prepared. Based on the analysis, conclusions have been drawn about the dominant factors determining the placement of production facilities. The most significant factor of placement is the influence of agglomerations and related socio-environmental factors, scientific, technological and transport infrastructure, socio-economic development of territories. There is a strong influence of the “relic” production sites inherited from the USSR – they become the basis for new productions, form a chain of suppliers around themselves, creating informal clusters. Preferential zones – SEZs, technological and industrial parks, have become important points of growth for new high-tech business. Outside of the main areas of high-tech placement, the main location factor is the demand from local industries, especially from the oil and gas and mining sectors.

Keywords: high-tech industries, location factors, geography of industry, geography of innovations, microdata, geocoding, geoinformation systems.

Received 15.08.2023

ВОПРОСЫ ТРАНСНАЦИОНАЛИЗАЦИИ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА И СДВИГИ В ГЕОГРАФИИ ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В 1970–2020 гг.

© 2023 г. Л.М. Синцеров

Институт географии РАН, г. Москва, Россия

e-mail: sintserov@mail.ru

Цель статьи – определить важнейшие трансформации в процессах транснационализации мирового хозяйства в 1970–2020 гг. Для этого проведен анализ изменения роли транснациональных компаний (ТНК) в мировом хозяйстве и движущих сил их обусловивших, определены сдвиги в географии прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Актуальность статьи определяется значимостью ТНК в современных процессах глобализации. Применены следующие методы исследования: проблемный подход, картографический метод и полимасштабный анализ. С начала 1970-х гг. доля ТНК в мировом ВВП возросла с 16–17% до 32%, в международной торговле – с 43% до 80%, в промышленном производстве – с 20–25% до 50%. Сформировался мощный транснациональный сектор мирового хозяйства. ПИИ ТНК обеспечивают 28–29% инвестиций, необходимых для развития зарубежного производства, являясь при этом главными «носителями» глобальной технологической диффузии. При доминировании услуг в производственной деятельности ТНК, роль обрабатывающей промышленности в ней в 2–4 раза выше, чем в экономике в целом. Центр ПИИ переместился в Евро-Азиатский мегарегион. Наиболее возросла роль Восточной Азии, с 1% до 10–13% мировых ПИИ. Возникли инвестиционные направления Юг–Юг и Юг–Север, на которые в совокупности приходится 1/5 глобальных ПИИ. «Налоговые убежища» по обороту ПИИ теперь превосходят крупные экономики (Франция, Италия и др.). «Чистый» межрегиональный отток ПИИ сократился с 31% до 7%. Доля внутрирегиональных ПИИ возросла с 36–40% до 48%.

Ключевые слова: транснациональные корпорации, прямые иностранные инвестиции, мировое хозяйство, интернационализация производства, технологическая диффузия.

DOI: 10.5922/1994-5280-2023-4-4

Введение и постановка проблемы.

Транснациональные компании (ТНК) – феномен, в первую очередь, мирохозяйственный. Главная проблема его изучения заключается в сравнительно неполном и зачастую фрагментарном характере исходных данных. Учитывая, что ТНК в своей совокупности являются важным структурным элементом современной географии мирового хозяйства, разрыв между его значимостью и изученностью по-прежнему велик. Известно, что за прошедшие 50 лет количество ТНК в мире увеличилось с 7,3 до 100 тыс., а численность их зарубежных филиалов – с 27,3 тыс. до 900 тыс. Объёмы накопленных в мире прямых иностранных инвестиций (ПИИ), исчисленные в пропорции к мировому ВВП, возросли с 4,0% в 1967 г. до 43% в 2021 г. Добавленная стоимость, производимая на всех зарубежных филиалах ТНК в совокупности, увеличилась с 4,5% мирового ВВП в 1970 г. до 9,4–11% в 2000-е гг., а в 2010-е гг. – составляла в среднем около 10%. Опираясь на приведённые данные, логично

предположить, что значение ТНК в мировом хозяйстве за минувшие полвека возросла, а география прямых иностранных инвестиций (ПИИ), неразрывно связанных с ТНК, трансформировалась. Вопрос этот требует углублённого анализа и аргументации.

Цель настоящей статьи: установить важнейшие сдвиги в процессе транснационализации мирового хозяйства за период 1970–2020 гг. Автор ставит перед собой следующие задачи: 1) Выявить изменения роли ТНК в мировом хозяйстве и движущие силы, их обусловившие; 2) Показать специфические особенности современной инвестиционной, инновационной и отраслевой деятельности ТНК; 3) Определить сдвиги в географии ПИИ за 1970–2020 гг. в контексте глобальных и макрорегиональных процессов.

Обзор ранее выполненных исследований. Научная литература, посвящённая ТНК, достаточно обширна. Теоретические основы изучения ТНК были заложены в трудах

С. Хаймера [21] и Дж. Даннинга [17], а также Р. Вернона, установившего взаимосвязь между зарубежными инвестициями ТНК и «жизненным циклом» товара [28]. Среди изданий последних лет следует отметить комплексные монографии [16; 19]. Особый интерес представляют экономико-географические исследования: Ф. Маккана о роли ТНК в глобальных взаимосвязях городских регионов [24], Д. Хаберли и Д. Войцика – о значении «налоговых гаваней» в инвестиционном процессе [20].

Из отечественных публикаций следует отметить фундаментальные работы А.В. Кузнецова, посвящённые, в частности, российским ТНК [3; 4]. В трудах Н.С. Мироненко с соавторами, анализируется транснационализация мирового хозяйства [7], Е.А. Гречко – различия в системах корпоративного управления [1], Л.М. Синцорова – география ТНК в исторической ретроспективе [9]. Защищены диссертации: А.И. Кроткова – о региональных стратегиях ТНК на развивающихся фармацевтических рынках [5], Н.А. Крюковой – по географии ПИИ в газовую промышленность России [6], С.О. Фокина – о роли транснационализованного сектора в формировании конкурентоспособности стран [10], А.И. Громова, посвящённая территориально-производственной организации автомобильных ТНК [2], и М.Э. Пильки – о роли глобальных городов США в размещении иностранных ТНК [8].

Материалы и методика исследований.

Статья подготовлена на основе официальных международных статистических и информационных источников – МВФ («Coordinated direct investment survey»), изданий ЮНКТАД и ОЭСР, базы данных «The external wealth of nations», а также материалов, опубликованных зарубежными специалистами в рамках проблематики исследований.

Методической основой работы является проблемный подход к изучению феномена транснационализации мирового хозяйства с использованием сравнительного анализа, позволяющий определить изменение роли ТНК в глобальной экономике и сдвиги в географии ПИИ, а также картографический метод. Для выявления различий в простран-

ственной экспансии ТНК на разных уровнях пространственной иерархии применяется полимасштабный подход.

Результаты исследования.

Вопросы транснационализации мирового хозяйства. По расчётам автора, в 1970–1971 гг. добавленная стоимость, создаваемая всей совокупностью ТНК, включая материнские компании и зарубежные филиалы, составляла 16–17% мирового ВВП¹. Согласно данным, приведённым в докладе ООН, в 1971 г. около 1/5 ВВП стран с рыночной экономикой приходилась на долю ТНК [26]. В настоящее время «вклад» ТНК в производство мирового ВВП составляет 32% [15]. Если на современном этапе на долю ТНК приходится порядка 50% мирового промышленного производства, то в первой половине 1970-х гг. соответствующий показатель составлял 20–25% [14].

Проведённые сопоставления позволяют оценить роль ТНК в бизнес-секторе мировой экономики. Согласно докладу Глобального института McKinsey, в бизнес-секторе экономики создаётся 72% ВВП стран ОЭСР (OECD), и это соотношение сохраняется уже на протяжении 60 лет [23]. Принимая во внимание указанный показатель и экстраполируя его на мировое хозяйство в целом², а также учитывая роль ТНК в создании мирового ВВП, следует полагать, что на долю ТНК в настоящее время приходится 44–45%, а в 1970–1971 гг. приходилось около 22–23% добавленной стоимости, создаваемой в бизнес-секторе мировой экономики.

Зарубежное производство стало главной формой интернационализации экономики. В среднем за два десятилетия XXI века продукция зарубежных филиалов ТНК, исчисленная по рыночной стоимости, превосходит весь мировой экспорт товаров и услуг в 1,5 раза. Для сравнения: в 1971 г. продукция зарубежных филиалов ТНК, рассчитанная аналогичным образом, превысила экспорт капиталистических стран на 6% [26]. Необходимым условием происшедшей трансформации явилось многократное повышение «плотности» заполнения мирового экономического пространства системами ТНК: за период 1970–2020 гг. в расчёте на 1 трлн долл. мирового ВВП (в ценах 1970 г.) количество

¹ Данный показатель получен с использованием двух различных методик, которые дали практически одинаковые результаты. Следует, в частности, учитывать, что в 1970 г. на долю социалистических стран приходилась около 1/6 мирового ВВП.

² Страны ОЭСР (OECD) в 1970 г. обеспечивали производство 80 % мирового ВВП, в настоящее время – 63 %.

ТНК возросло с 2 до 7 тыс., зарубежных филиалов ТНК – с 8 до 60 тыс.

Транснационализация мирового хозяйства – один из наиболее масштабных глобальных процессов, получивших развитие за минувшие полвека и связанных с взаимоусиливающим действием нескольких факторов и механизмов.

Во-первых, с либерализацией международного движения капитала, последовавшей после краха Бреттон-Вудской финансовой системы (1973–1976 гг.), общим дерегулированием экономики в рамках её неолиберальной реструктуризации (с начала 1980-х гг.) и ренессансом «рыночной философии».

Во-вторых, с постиндустриальной трансформацией, которая в значительной мере явилась движущей силой интернационализации производства. В силу «неторгуемости» значительной части услуг в международной торговле, зачастую единственной возможностью для их производителей получить доступ на рынки зарубежных стран является организация там собственного производства на основе прямых инвестиций. На долю услуг сегодня приходится 2/3 накопленных в мире ПИИ по сравнению с 25–30% в 1970-е гг.

В-третьих, с растущей ролью интеллектуального капитала в мировом экономическом развитии за последние 40 лет, в создании и экспорте которого ТНК играют важную (а если судить по показателям НИОКР, то ключевую) роль.

В-четвёртых, с особой значимостью ТНК в развитии обрабатывающей промышленности (см. ниже).

В-пятых, с повышенной эффективностью и конкурентоспособностью ТНК, которая сыграла решающую роль и в полной мере проявилась в условиях многократного роста платёжеспособного спроса в мире (за 1970–2020 гг. мировой ВВП вырос в 4,5 раза при исчислении в долларах США 2015 г.), обеспечивая производственную и рыночную экспансию транснационального бизнеса.

В целом для ТНК характерна более высокая производительность труда, обусловленная и экономией на масштабах производства, и его повышенной капиталоемкостью, использованием передовых технологий и современного менеджмента, которые обеспечивают оптимальное соотношение цены и качества продукции. В основе сравнитель-

ных преимуществ ТНК лежит интеллектуальный капитал, который включает такие нематериальные активы, как опыт и методы организации производства и ведения бизнеса, патенты, человеческий капитал, торговые марки, лицензии, бренды, а также техническую информацию и ноу-хау. Именно интеллектуальный капитал является квинтэссенцией ПИИ, важнейшим источником высокой конкурентоспособности ТНК, которая передаётся от материнских компаний их зарубежным предприятиям. «При осуществлении прямых инвестиций из одной страны в другую, – пишет Р.Е. Липси, – перемещается прежде всего не физический или производственный капитал, а интеллектуальный капитал или методы производства, малозаметные и не поддающиеся измерению» [22, с. 14].

В эклектической парадигме Дж. Даннинга отражены, в частности, «преимущества владения», характерные для ТНК, но мирохозяйственное значение указанного феномена заслуживает особого внимания. В современном мировом хозяйстве ТНК являются не только главными источниками технологических инноваций, но и обеспечивают их глобальную диффузию. Транснациональные корпорации владеют львиной долей интеллектуальной собственности в мире и осуществляют около 80% всех НИОКР в гражданском секторе экономики. Так, в США материнские компании американских ТНК и филиалы иностранных ТНК проводят 83,5% промышленных НИОКР [19]. На долю всей совокупности ТНК приходится 80% международного трансфера технологий в мировом хозяйстве, из которых не менее 70% носит внутрифирменный характер (что вдвое превосходит роль внутрифирменной торговли в обороте мировой торговли). Это, в частности, означает, что направления движения ПИИ являются ключевыми индикаторами географии технологической диффузии. В рамках современных моделей экономического роста принято считать, что ПИИ оказывают более существенное влияние на рост экономики по сравнению с внутренними инвестициями, поскольку являются носителями более эффективных технологий. Осуществляемая ТНК диффузия технологий, а также методов управления, организации бизнеса и маркетинга, превосходит по своему значению их финансовую роль в мировом

хозяйстве: доля прямых инвестиций в международных потоках капитала составляет 40% (в среднем за минувшее десятилетие).

Обеспечивая контроль над зарубежными активами и являясь «носителями» инноваций и конкурентных преимуществ, прямые иностранные инвестиции имеют сравнительно скромное значение в качестве финансового ресурса. В литературе встречается утверждение, согласно которому зарубежные активы нефинансовых ТНК создаются преимущественно с помощью ПИИ, то есть «внутренних» для ТНК финансовых ресурсов. В действительности ситуация обстоит иначе. Проведённые автором по методике ЮНКТАД [30] и на основе данных ежегодников ЮНКТАД³ расчёты за период 2001–2018 гг. показали, что только 28–29% инвестиций в активы зарубежных филиалов всех ТНК в совокупности в мировом масштабе приходится на долю ПИИ, а 71–72% – на внешние (для ТНК) источники финансирования. Полученные результаты в целом соответствуют оценкам ЮНКТАД, согласно которым совокупные инвестиции в активы зарубежных филиалов ТНК в 1990-е гг. в 3–4 раза превосходили размеры ПИИ [30]. ТНК стремятся замещать ПИИ средствами из внешних источников финансирования, что позволяет снижать инвестиционную нагрузку на материнские компании и хеджировать валютные риски. В частности, филиалы американских ТНК, размещённые в странах Запада с развитыми финансовыми рынками, получают от материнских компаний 30% необходимого финансирования, а размещённые в развивающихся странах – 45% [11].

Интернационализация производства – один из важнейших сдвигов в географии мирового хозяйства, в процессе которого происходит преобразование трансграничных потоков и связей во внутрифирменные и «вынос» производства в зарубежные страны. Если полвека назад зарубежные предприятия ТНК были сосредоточены, как правило, в обрабатывающей промышленности, то теперь – в третичном секторе экономики. В структуре добавленной стоимости, создаваемой в зарубежном производстве ТНК, как правило, доминируют услуги, но доля продукции обрабатывающей промышлен-

ности весьма высока. Так, в США из всей добавленной стоимости, производимой на размещённых здесь филиалах иностранных ТНК, на долю обрабатывающей промышленности приходится 44%, в Канаде – 41%, в Австрии – 43%, в Малайзии – 48%, в Испании – около 35%, в Северной Македонии – 42%. Для сравнения: доля обрабатывающей промышленности в ВВП США составляет 11%, Канады – 10%, Австрии – 17%, Малайзии – 23%, Испании – 12%, Северной Македонии – 13%. С точки зрения создаваемой добавленной стоимости, обрабатывающая промышленность в 2–4 раза более широко представлена в производстве зарубежных филиалов ТНК, чем в ВВП стран, где размещены эти филиалы. При исчислении по рыночной стоимости продукции⁴, на зарубежные филиалы ТНК приходится 1/5 производства товаров в мире и 12% услуг, в добыче полезных ископаемых их доля составляет 8–9%, в производстве продукции сельского хозяйства – около 1% [13].

Учитывая, что зарубежное производство является по сути продолжением производственной деятельности ТНК в стране базирования, указанный феномен характерен для систем ТНК в целом. Наиболее репрезентативны данные по США, мировому лидеру по экспорту и импорту ПИИ⁵. В США на долю ТНК (материнских компаний американских ТНК и размещённых в стране филиалов иностранных ТНК) приходится 72,6% занятости в обрабатывающей промышленности, но только 26,5% совокупной занятости в экономике страны [19]. Таким образом, обрабатывающая промышленность, во-первых, наиболее транснационализированная сфера хозяйства, во-вторых, в транснациональном секторе она играет более значимую роль, чем в экономике в целом (и в национальном секторе экономики, в частности).

В наибольшей степени конкурентные преимущества ТНК проявляются на мировых рынках. В первой половине 1970-х гг. доля участия ТНК в мировой внешней торговле, по средним данным из разных источников [14; 25], составляла 42–43%. Согласно публикациям ЮНКТАД, в начале 1990-х гг. указанный показатель достигал 66% [29], в 2010-е гг. – 80% [31]. Транснационализация

³ World Investment Report. New York: UN, 2001–2019.

⁴ При этом около 60% мирового производства иностранных филиалов состоит из полупродуктов (товаров и услуг), которые часто поставляются из других стран в рамках транснациональных производственных комплексов.

⁵ На долю США приходится 30% накопленных в мире входящих и 24% – исходящих ПИИ (2021 г.).

мировой торговли обусловлена несколькими факторами.

Во-первых, общим повышением роли ТНК в создании мирового ВВП.

Во-вторых, тесной взаимосвязью ПИИ и международной торговли: если до середины 1980-х гг. торговля в значительной степени «генерировала» ПИИ, то в дальнейшем – уже ПИИ стали оказывать сильное стимулирующее воздействие на развитие мировой торговли.

В-третьих, перестройкой пространственной организации ТНК. В условиях либерализации мирохозяйственных связей произошёл переход от сети сравнительно разобщённых и самодостаточных зарубежных филиалов ТНК, характерных для 1950-х и 1960-х гг. и выполнявших, как правило, импортозамещающие функции, к системе интегрированного международного производства. Деятельность ТНК была реорганизована на основе специализации каждого предприятия в рамках всего международного производственного комплекса, использования преимуществ международного разделения труда, кооперации и эффекта экономии на масштабах производства. Это привело к повышению эффективности ТНК, расширению внутрифирменной торговли и общему росту экспорта как материнских компаний, так и зарубежных филиалов.

В-четвёртых, развитием (особенно с 1990-х гг.) контрактного производства, а также международного франчайзинга и аутсорсинга в сфере услуг, на которые в последние годы приходится 1/6 часть международной торговли с участием ТНК.

В-пятых, растущей ролью в мировом хозяйстве, начиная с 1980-х гг., глобальных цепочек стоимости (GVCs), которые являются важнейшей современной формой организации международного разделения труда и деятельность которых на 70% контролируется и координируется ТНК [16].

В отличие от Китая, Германии, Великобритании, Венгрии и ряда других стран, для экономики России характерна относительно слабая вовлечённость в процессы транснационализации и связанное с этим недостаточное использование преимуществ международного разделения труда и эффекта

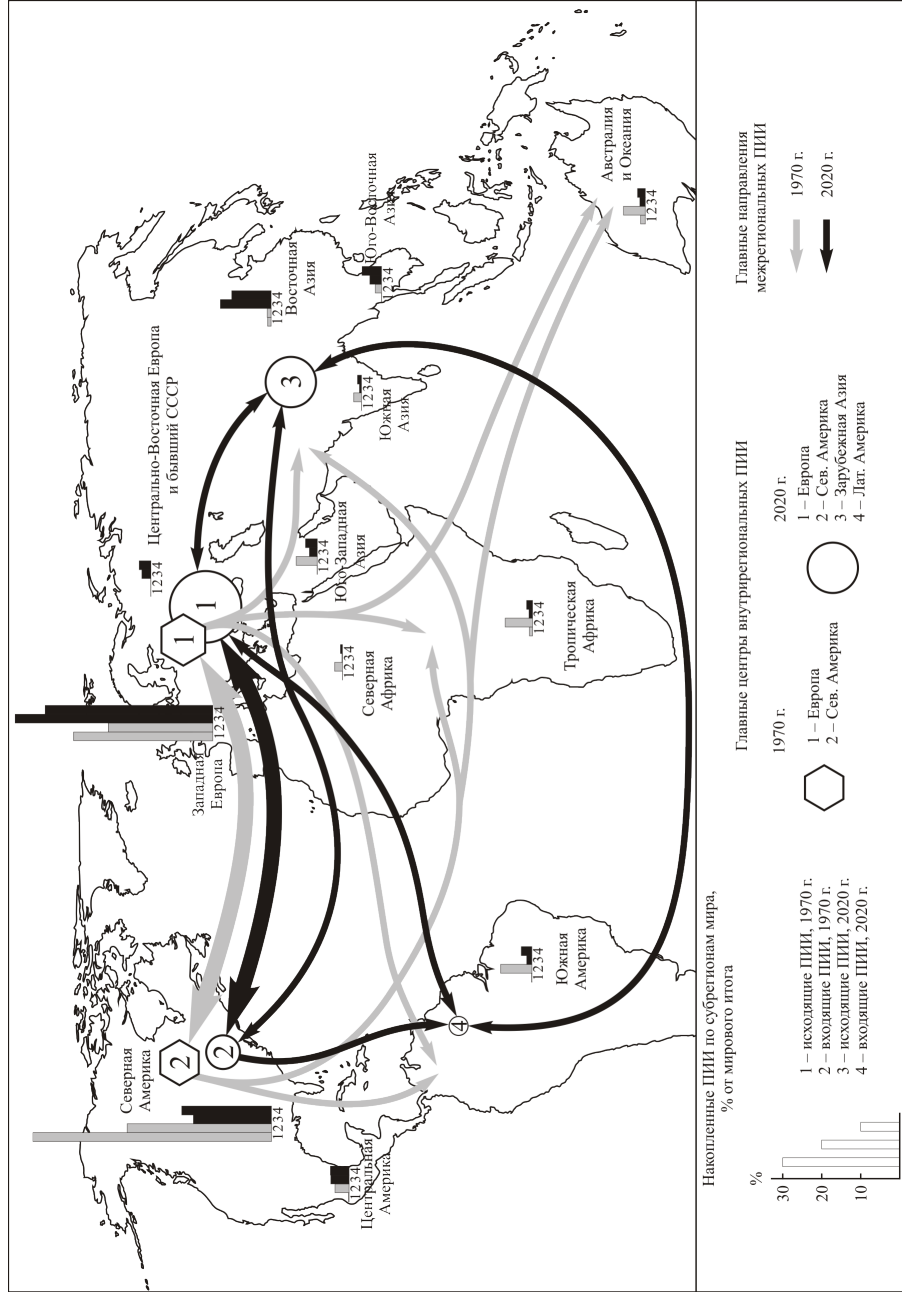
глобальной инновационно-технологической диффузии. «Запоздавая интернационализация при большом потенциале» – такая оценка участия России в транснациональном бизнесе, сформулированная А.В. Кузнецовым в начале 2000-х годов [4, с. 38], сохраняет свою актуальность. Крупнейшие отечественные ТНК – это, главным образом, нефте- и газодобывающие компании, производители цветных металлов, стали, удобрений и оборудования для атомной энергетики, а также транспортные и телекоммуникационные корпорации. Ввезённые в Россию ПИИ сосредоточены преимущественно в нескольких секторах: добыча полезных ископаемых – 24%, обрабатывающая промышленность – 21%, оптовая и розничная торговля – 16%, финансовая и страховая деятельность – 13% (2020 г.). Фактическими владельцами прямых инвестиций, которые поступают в Россию в значительной мере через оффшорные финансовые центры, являются, в первую очередь, ТНК, базирующиеся в странах Западной Европы и США, немаловажную роль играет и так называемый «раунд триппинг»⁶.

Действующие в нашей стране филиалы иностранных ТНК, по данным на конец минувшего десятилетия, производили 5–6% российского ВВП [13]. Из всей мировой продукции зарубежных филиалов ТНК, исчисленной по рыночной стоимости, на филиалы, размещённые в России, несколько лет назад приходился 1%, на зарубежные филиалы отечественных ТНК – 0,5%, а доля России в накопленных в мире входящих и исходящих ПИИ в 2021 г. составляла 1–1,1% [27], то есть была в 2–3 раза меньше вклада страны в мировой ВВП. Для сравнения: в 1913–1914 гг. на долю России приходилось 7,1% входящих (второе место после США) и 1,7% исходящих ПИИ, накопленных в мировом хозяйстве [17]⁷.

Сдвиги в географии прямых иностранных инвестиций. За минувшие полвека в размещении ПИИ, которые служат главным индикатором пространственного развития ТНК, произошли масштабные изменения (рис. 1). При этом, с одной стороны, усилилась обусловленность ПИИ стратегическими решениями ТНК: если в 1970-е гг. ТНК

⁶ Этот феномен (round-tripping, англ.) связан с вывозом из страны капитала, как правило в оффшорный финансовый центр, и его последующим возвращением в страну в форме ПИИ.

⁷ Известно о существовании так называемых «красных» ТНК в социалистических странах (в частности, в СССР). Однако данные об их прямых иностранных инвестициях на 1970 г. отсутствуют.

Рис. 1. Прямые иностранные инвестиции в мировом хозяйстве, 1970 г. и 2020 г.

Составлено на основе расчётов, выполненных по базам данных *The External Wealth of Nations*⁸, *МВФ (Coordinated direct investment survey)*⁹, и экспертных оценок автора.

⁸ <https://www.brookings.edu/research/the-external-wealth-of-nations-database/#:~:text=The%20EWN%20provides%20estimates%20of,and%20is%20total%20external%20liabilities>

⁹ <https://data.imf.org/?sk=40313609-f037-48c1-84b1-e1f1ce54d6d5&sid=1410469360660>

обеспечивали 70–80% мировых ПИИ, то на современном этапе – около 90%. С другой стороны, в процессе оффшоризации мирового хозяйства (см. ниже) ослабили взаимосвязи между географией ПИИ и размещением зарубежного производства ТНК, поскольку в «налоговых гаванях» ПИИ практически не создают добавленную стоимость. Важную роль сыграла и постиндустриальная трансформация ПИИ: в сфере услуг производительность труда на 40% ниже, чем в обрабатывающей промышленности, которая доминировала в зарубежном производстве ТНК в 1970-е гг., а значит ниже и производственный эффект от инвестиций. В результате с начала 1990-х гг. объёмы накопленных в мире ПИИ выросли в пять раз, а добавленная стоимость, производимая на зарубежных филиалах ТНК, увеличилась в 1,6 раза (оба показателя рассчитаны в % к мировому ВВП). Произошедшие трансформации свидетельствуют о бифуркации в динамике и географии ПИИ и зарубежного производства ТНК.

Главные изменения в географии прямых иностранных инвестиций связаны со сдвигом ПИИ в Европу, Восточную и Юго-Восточную Азию¹⁰, в меньшей степени – в Центральную Америку, роль остальных регионов мира понизилась либо изменилась незначительно. Возникли новые направления экспорта ПИИ, Юг–Юг и Юг–Север, уменьшилось значение традиционных направлений (Север–Север и Север–Юг). Крупными центрами ввоза и вывоза ПИИ стали «налоговые убежища». Возросла роль внутрирегиональных ПИИ, а масштабы «чистого» межрегионального оттока/притока ПИИ существенно сократились.

1. «Центр тяжести» мировой транснациональной системы переместился в Евро-Азиатский мегарегион. Если в 1970 г. на Северную и Латинскую Америку в совокупности приходилось свыше половины накопленных в мире исходящих и почти 50% входящих ПИИ, то к концу 2020 г. уже совместная доля Европы и Зарубежной Азии возросла до 2/3 по входящим, а по исходящим ПИИ и вовсе превысила 70%. Развитие европейской интеграции «вглубь» и «вширь» сыграло в этом решающую роль: эволюция ЕЭС и Евросо-

юза способствовала привлечению в Европу ПИИ из других регионов мира, а также росту взаимных инвестиций европейских стран, на долю которых сегодня приходится 1/3 всех ПИИ, накопленных в мире. Среди глобальных трансформаций следует особо отметить: переход от Великой дивергенции к Великой конвергенции, когда развивающиеся страны (в первую очередь, азиатские) стали сокращать экономическое отставание от Запада; феномен подъёма и упадка великих держав (Китай vs США) и оффшоризацию мирового хозяйства. Известную роль сыграл переход стран Центрально-Восточной Европы и бывшего СССР к рыночной экономике. На их долю в 2020 г. приходилось 2,4% исходящих и 3,4% входящих ПИИ, накопленных в мире, что превышает соответствующие показатели по Южной Америке.

Из всех регионов и субрегионов мира наиболее масштабные изменения претерпела Восточная Азия, доля которой в накопленных в мире ПИИ выросла с 1% до 10% по входящим и до 13% по исходящим ПИИ. В 1970-е и 1980-е гг. движущей силой этого сдвига явились Гонконг, ставший финансовым центром Азиатско-Тихоокеанского региона, и Япония, которая в результате экономического чуда вошла в группу крупнейших экспортёров ПИИ. В дальнейшем (особенно в новом столетии) «локомотивом роста» становится Китай. Сегодня из всех входящих ПИИ, накопленных в Восточной Азии, на долю Китая и Гонконга приходится 86%, а в исходящих ПИИ – 61%. При этом более 60% прямых инвестиций, как ввозимых в Китай, так и вывозимых из него, проходят через Гонконг. По расчётам автора, примерно 1/4 всех «соседских» ПИИ в мире приходится на взаимные инвестиции Китая и Гонконга¹¹.

В отличие от Японии и Республики Корея, в экономической модернизации Китая иностранные ТНК сыграли исключительно важную роль [17]. Прямые инвестиции, поступающие из-за рубежа, прямо или косвенно обеспечивали производство 15–20% ВВП Китая в 1990-е гг., в 2000-е гг. их «вклад» увеличился с 20–22% до 30–32%, а в 2010-е гг. составил примерно треть [18]. Именно

¹⁰ Если в 1970 г. на Юго-Восточную Азию приходилось 1,6% входящих ПИИ, накопленных в мире, а исходящие ПИИ практически отсутствовали, то в 2020 г. по входящим ПИИ её доля возросла до 5%, по исходящим – до 3%.

¹¹ На долю «соседских» ПИИ (т.е. ПИИ, направленных в страны и территории, которые являются соседями первого порядка), по расчётам автора, выполненным по базе данных МВФ, приходится 25,4% всех накопленных в мире ПИИ (2020 г.). Если из полученного результата исключить взаимные инвестиции Китая и Гонконга, то доля «соседских» ПИИ в мире сократится до 19,4%.

такая доля китайского ВВП создаётся за счёт производственной деятельности и капиталовложений предприятий с иностранными инвестициями, а также сетей их поставщиков, размещённых в Китае. Особенно заметны эти предприятия (FIE – foreign-invested enterprises) в экспортном секторе: их доля в экспорте товаров из КНР выросла с 2% в 1985 г. и 12–13% в 1990 г. до 48% в 2000 г. и 57–58% в 2005–2007 гг., затем несколько понизилась до 50% в 2012 г. и 42% в 2018 г. Вклад иностранных ТНК в институциональное развитие, в повышение профессионального уровня китайских рабочих и менеджеров, а также побочные эффекты, связанные с передачей технологий местным компаниям, – всё это не поддаётся измерению, как и имитационно-демонстрационное воздействие, который они оказывают на китайский бизнес.

2. География ПИИ значительно усложнилась в связи с изменением в ней роли развитых и развивающихся стран. По расчётам автора¹², в 1970 г. из общей суммы накопленных в мире ПИИ около 70% приходилось на взаимные инвестиции развитых стран (Север–Север), около 30% – на инвестиции развитых экономик в развивающиеся страны (Север–Юг) и 1% – на вывезенные из развивающихся стран ПИИ. К 2020 г.¹³ доля инвестиций Север–Север сократилась до 64%, Север–Юг – до 16%. Возникли новые направления вывоза ПИИ: Юг–Юг – 15% и Юг–Север – 5%. При этом 3/4 ПИИ развивающихся стран вложены в страны Юга. Этот феномен связан с особой ролью институционального фактора при принятии инвестиционных решений, а также с тем обстоятельством, что развитые рынки – более, а развивающиеся – менее конкурентные.

3. Оффшоризация мирового хозяйства стала важным фактором формирования географии ПИИ, особенно с 1980-х гг., когда глобализация и стремительный прогресс информационных технологий сообщили мощный импульс развитию оффшорных финансовых центров. В настоящее время 30–40% мировых ПИИ проходит через «налоговые гавани» [20].

Феномен оффшоризации способствовал повышению роли, с одной стороны,

ряда стран, территорий и субрегионов Глобального Юга, а, с другой стороны, Европы в международном движении прямых инвестиций. Так, Люксембург вышел на третье место среди стран мира по объёму вывезенных ПИИ, Швейцария опережает по этому показателю Францию, с которой практически сравнялась Ирландия. Возникла новая география ПИИ, в которой особую роль играют «налоговые убежища»: Бермудские острова сегодня превосходят Италию, Кипр – Бразилию, Маврикий – ЮАР, Британские Виргинские острова – Бельгию, Каймановы острова – Швецию, Сингапур – Республику Корея, Гонконг – Японию по размерам экспорта ПИИ¹⁴. В Латинской Америке центр инвестиционной активности ТНК переместился из Южной в Центральную Америку и страны Карибского бассейна¹⁵, где сосредоточены «налоговые убежища».

4. В условиях постиндустриальной трансформации и с переходом к пятому циклу Кондратьева, когда удельная ресурсоёмкость экономического развития существенно сократилась, значительно уменьшилась роль Африки, Южной Америки, Австралии и Океании в качестве получателей инвестиций ТНК: их совокупная доля в накопленных в мире входящих ПИИ понизилась с 22,6% в 1970 г. до 6,7% в 2020 г. Аналогичные метаморфозы затронули и отдельно взятые развивающиеся страны – крупные экспортёры сырья (Саудовская Аравия, ЮАР, Венесуэла, Замбия, Нигерия, Ливия и др.), которые полвека назад заметно выделялись объёмами привлечённых прямых инвестиций. В начале 70-х гг. в добывающих отраслях была сосредоточена половина входящих ПИИ, накопленных в развивающихся странах, а на нефтяной сектор приходилось 29% совокупных ПИИ, вывезенных их развитых стран.

5. Радикально изменился межрегиональный баланс накопленных входящих и исходящих ПИИ: «чистый» отток/ приток ПИИ по регионам мира (в% от накопленных в мире ПИИ) сократился с 33,1% до 7% (табл. 1). Происшедшая трансформация вызвана повышением роли внутрирегиональных ПИИ, а также распространением взаимных (встречных) межрегиональных

¹² Расчёты проведены по базе данных The External Wealth of Nations.

¹³ Расчёты проведены по базе данных МВФ: Coordinated direct investment survey.

¹⁴ Сопоставление проведено на основе базы данных The External Wealth of Nations.

¹⁵ Известную роль в этом сыграло также вступление Мексики в НАФТА (NAFTA), в результате чего её инвестиционная привлекательность возросла.

Таблица 1. Межрегиональный баланс накопленных прямых иностранных инвестиций (ПИИ), % от аккумулированных в мире ПИИ¹⁶

Макрорегионы	1970 г.		2020 г.	
		Итого		Итого
Европа	-8,9%	-33,1%	-7%	-7%
Северная Америка	-24,2%		+3%	
Латинская Америка	+11,4%		+1,5%	
Зарубежная Азия	+9,1%		+1%	
Африка	+8,2%		+1%	
Австралия и Океания	+4,4%		+0,5%	
		+33,1%		+7%

Рассчитано по базе данных *The External Wealth of Nations*.

Таблица 2. Межрегиональные и внутрирегиональные накопленные исходящие прямые иностранные инвестиции, 2020 г., %¹⁷

Из:	В:						
	Европа	Северная Америка	Зарубежная Азия	Латинская Америка	Африка	Австралия и Океания	Всего
Европа	67,62	17,33	7,99	4,69	1,35	1,02	100
Северная Америка	59,02	15,57	14,89	6,21	1,46	2,85	100
Зарубежная Азия	16,06	12,08	49,45	17,73	2,06	2,62	100
Латинская Америка	24,47	5,39	55,67	11,15	2,46	0,86	100
Африка	39,03	2,88	36,91	3,17	17,49	0,52	100
Австралия и Океания	13,30	33,12	34,78	2,35	2,05	14,40	100

Рассчитано автором по базе данных МВФ: *Coordinated direct investment survey*.

инвестиций, которые в прошлом были развиты практически только между Северной Америкой и «капиталистической» Европой (см. рис. 1). В 1970 г., по оценкам и расчётам автора, доля внутрирегиональных¹⁸ ПИИ в общей сумме накопленных в мире ПИИ составляла 36–40%, межрегиональных ПИИ – 60–64%. Согласно расчётам¹⁹, в 2020 г. доля внутрирегиональных ПИИ в мире составила 48,3%, а межрегиональных – 51,7%. Этот феномен в первую очередь связан с усилением инвестиционного значения Европы и Зарубежной Азии, где внутрирегиональные ПИИ особо развиты (табл. 2).

Выводы. Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

1. За минувшие полвека в результате повышения роли ТНК в создании мирового ВВП с 16–17% до 32%, в бизнес-сфере мировой

экономики – с 22–23% до 44–45%, в мировом промышленном производстве (обрабатывающая и добывающая промышленность в совокупности) – с 20–25% до примерно 50% и в международной торговле – с 42–43% до 80% сформировался мощный транснациональный сектор мирового хозяйства. Это один из крупнейших сдвигов в территориально-производственной структуре мирового хозяйства конца XX – начала XXI века. Наиболее масштабной трансформацией на страновом уровне, движущей силой которой во многом явились ТНК, стал экономический подъём Китая. Главные сравнительные преимущества ТНК – высокая инновационность, насыщенность интеллектуальным капиталом и вовлечённость в мирохозяйственные связи. ПИИ обеспечивают 28–29% инвестиций, необходимых для развития зарубежного производства ТНК, в мировом движении капитала

¹⁶ Приведённые в таблице данные представляют собой разницу между накопленными в макрорегионе входящими и исходящими ПИИ. Отрицательное значение показателя свидетельствует о том, что макрорегион является «чистым» донором, а положительное – «чистым» реципиентом ПИИ. Данные приведены на конец года.

¹⁷ Россия, Украина, Беларусь, Молдова, Эстония, Латвия и Литва отнесены к Европе; Казахстан, Узбекистан, Туркмения, Таджикистан, Киргизия, Азербайджан, Грузия и Армения – к Зарубежной Азии. Данные приведены по состоянию на конец года.

¹⁸ К регионам мира здесь и ниже отнесены: Северная Америка, Европа (в 1970 г. – Зап. Европа), Зарубежная Азия, Латинская Америка, Африка, Австралия и Океания.

¹⁹ Расчёты проведены по базе данных МВФ (*Coordinated direct investment survey*).

их доля (40%) вдвое ниже, чем роль ТНК в международном трансфере технологий. ТНК являются важнейшим проводником глобальной технологической диффузии, которая осуществляется, главным образом, в рамках транснациональных производственных систем. Обработывающая промышленность – наиболее «транснационализованная» сфера мирового хозяйства, в производстве ТНК её доля существенно выше (на зарубежных филиалах – в 2–4 раза), чем в экономике в целом, на фоне общего доминирования сферы услуг. Повышение роли ТНК в мировом промышленном производстве является пространственно-организационной формой индустриализации в условиях глобализации и постиндустриального перехода.

2. За период 1970–2020 гг. география ПИИ трансформировалась. Центр экспорта и импорта ПИИ переместился из Америки в Евро-Азиатский мегарегион (см. рис. 1). В наибольшей степени возросла роль Восточной Азии (с 1% до 10–13%), где ключевую роль играют Китай и Гонконг. Если в 1970 г. около 70% мировых ПИИ представляли собой капиталовложения Север–Север и 30% – Север–Юг, то в 2020 г. ПИИ

Север–Север составили около 64%, Север–Юг – 16%, Юг–Юг – около 15%, Юг–Север – 5% мирового итога. Доля внутрирегиональных ПИИ в мировом хозяйстве возросла с 36–40% до 48%, межрегиональных – понизилась с 60–64% до 52%. «Соседские» ПИИ (без учёта взаимных инвестиций Китая и Гонконга), которые носят, как правило, внутрирегиональный характер, в настоящее время составляют 19,4%. «Чистый» межрегиональный отток/приток ПИИ сократился с 31% до 7% всей совокупности накопленных в мире ПИИ. В результате оффшоризации возникла по сути новая география ПИИ, в которой «налоговые убежища» зачастую играют более важную роль, чем крупные экономики развитых и развивающихся стран. В динамике, а также в размещении ПИИ и зарубежного производства ТНК выявлена бифуркация, связанная с постиндустриальной трансформацией ПИИ и с ростом «фантомных» инвестиций в условиях оффшоризации мирового хозяйства.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках темы Государственного задания Института географии РАН № 1021051703469-7 (FMWS-2024-0008).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гречко Е.А.* Географические различия систем корпоративного управления. М.: Юрайт, 2018. 156 с.
2. *Громов А.И.* Территориально-производственная организация автомобильных ТНК в условиях глобализации. Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук: 25.00.24 / МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2004. 26 с.
3. *Кузнецов А.В.* Интернационализация российской экономики. Инвестиционный аспект. М.: ЛЕНАНД, 2019. 288 с.
4. *Кузнецов А.В.* Российская модель становления ТНК: запоздалая интернационализация при большом потенциале// ТНК в мировой политике и мировой экономике: проблемы, тенденции, перспективы. Сб. статей. М.: ИМЭМО, 2005. С. 38-44.
5. *Кротков А.И.* Региональные стратегии транснациональных корпораций на развивающихся фармацевтических рынках. Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук: 25.00.24 / МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2013. 26 с.
6. *Крюкова Н.А.* География прямых иностранных инвестиций в газовую промышленность России. Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук: 25.00.24 / МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2010. 25 с.
7. *Мироненко Н.С., Фомичёв П.Ю., Тутов К.В.* Транснационализация мирового хозяйства // Пространственные структуры мирового хозяйства. Под ред. Н.С. Мироненко. М.: Пресс-Соло, 1999. С. 197–224.
8. *Пилька М.Э.* Глобальные города США как центры размещения иностранных ТНК. Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук: 25.00.24 / МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2017. 25 с.
9. *Синцеров Л.М.* Трансформация роли транснациональных корпораций в мировом хозяйстве и сдвиги в географии прямых иностранных инвестиций // Изв. РАН. Сер. геогр. 2021. Т. 85. № 6. С. 819–827.
10. *Фокин С.О.* Роль мирового транснационализованного сектора в формировании конкурентоспособности стран. Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук: 25.00.24 / МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2007. 26 с.
11. *Alfaro L., Chauvin J.* Foreign Direct Investment, Finance, and Economic Development. Chapter for Encyclopedia of International Economics and Global Trade. September 2017. [Электр. ресурс]. URL: https://www.hbs.edu/ris/Publication%20Files/FDICapital_Formatted_20170922_Final_W_c7fcb82cf318-4632-a589-20118eaeefb8.pdf (дата обращения: 14.11.2022).
12. *Andrenelli A. et al.* Multinational Production and Trade in Services // OECD Trade Policy Papers. № 212. 2018. 50 p.

13. *Cadestin C.* et al. Multinational Enterprises and Global Value Chains: New Insights on the Trade-investment Nexus // OECD Science, Technology and Industry Working Papers 2018/05. 36 p.
14. *Chambre H.* Coopération économique Est-Ouest et Nord-Sud // Economies et Sociétés. Série G. 1977. № 34.
15. *De Backer K.* et al. MNEs in the Global Economy: Heavily Discussed, Hardly Measured. 2019. [Электр. ресурс]. URL: <https://www.worldcommercereview.com/html/de-backer%2C-miroudot-and-rigo-mnes-in-the-global-economy-heavily-discussed%2C-hardly-measured.html> (дата обращения: 11.10.2022).
16. *Dowlah C.* Transformations of Global Prosperity. London: Palgrave Macmillian, 2018. 408 p.
17. *Dunning J.H., Lundan S.M.* Multinational Enterprises and the Global Economy. Cheltenham: Edward Elgar, 2008. 920 p.
18. *Enright M.J.* Developing China: The Remarkable Impact of Foreign Direct Investment. Abingdon: Routledge, 2017. 260 p.
19. Global Goliaths: Multinational Corporations in the 21st Century Economy / Ed. by C.F. Foley, J.R. Hines, D. Wessel. Washington: Brookings Institution Press, 2021. 596 p.
20. *Haberly D., Wojcik D.* Tax havens and the production of offshore FDI: an empirical analysis // Journal of Economic Geography. 2015. Vol. 15. № 1. P. 75–101.
21. *Hymer S.H.* The International Operations of National Firms: A Study of Direct Foreign Investment. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1976. 253 p.
22. *Lipsey R.E.* Home and Host Country Effects of FDI // NBER Working Paper Series. Working Paper 9293. Cambridge, 2002. 76 p.
23. *Manyika J.* et al. A New Look at How Corporations Impact the Economy and Households // McKinsey Global Institute. Discussion Paper. May 31, 2021. [Электр. ресурс]. URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/strategy-and-corporate-finance/our-insights/a-new-look-at-how-corporations-impact-the-economy-and-households> (дата обращения: 01.12.2022).
24. *McCann P., Iammarino S.* Multinational and Economic Geography: Location, Technology and Innovation. Edward Elgar Publishing, 2013. 496 p.
25. *Michalet Ch.-A.* Le capitalisme mondial. Paris: Presses Universitaires de France, 1976. 368 p.
26. Multinational corporations in world development. New York: United Nations, 1973. 208 p.
27. *Schwarzenberg A.B.* Russia's Trade and Investment Role in the Global Economy / Congressional Research Service. January 17, 2023.
28. *Vernon R.* The Product Cycle Hypothesis in a New International Environment // Oxford Bulletin of Economics and Statistics. 1979. Vol.41. № 4. P. 255–267.
29. World Investment Report 1995. New York: UN, 1995. 440 p.
30. World Investment Report 1997. New York: UN, 1997. 381 p.
31. World Investment Report 2013. New York: UN, 2013. 236 p.

Статья поступила в редакцию журнала 15 декабря 2022 г.

Об авторе:

Синцеров Леонид Михайлович – кандидат географических наук, заведующий лабораторией географии мирового развития Института географии РАН, г. Москва.

Для цитирования:

Синцеров Л.М. Вопросы транснационализации мирового хозяйства и сдвиги в географии прямых иностранных инвестиций в 1970–2020 гг. // Региональные исследования. 2023. № 4. С. 41–52.

DOI: 10.5922/1994-5280-2023-4-4

Issues of the transnationalism of Global Economy and geographical shifts in foreign direct investment, 1970–2020

L.M. Sintserov

Institute of Geography RAS, Moscow, Russia
e-mail: sintserov@mail.ru

The purpose of the article is to identify the most important transformations in the processes of transnationalization of the world economy in 1970–2020. The main tasks are to identify changes in the role of TNCs in the global economy and the driving forces that caused them, to identify shifts in the geography of foreign direct investment (FDI). The relevance of the article is determined by the importance of TNCs in the modern processes of globalization. Research methods: problem approach, cartographic method and multi-scale analysis. Since the early 1970s the share of TNCs in

global GDP increased from 16–17% to 32%, in international trade – from 43% to 80%, in industrial production – from 20–25% to 50%. A powerful transnational sector of the world economy has been formed. FDI provides 28–29% of the investments needed for the development of foreign production, while being the main “carriers” of global technological diffusion. With the dominance of services in the production activities of TNCs, the role of the manufacturing industry in it is 2–4 times higher than in the economy as a whole. The “center” of FDI has moved to the Euro-Asian megaregion. The role of East Asia has increased the most, from 1% to 10–13% of global FDI. South-South and South-North investment directions have emerged, which together account for 1/5 of global FDI. “Tax havens” in terms of FDI turnover now surpass large economies (France, Italy, etc.). “Net” interregional outflow of FDI decreased from 31% to 7%. The share of intraregional FDI increased from 36–40% to 48%.

Keywords: transnational corporations (TNCs), foreign direct investment (FDI), world economy, internationalization of production, technological diffusion.

Received 15.12.2022

МЕТОДИКА РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 332.14.

РЕГИОНЫ РОССИИ В ФОКУСЕ ИНДЕКСА КАЧЕСТВА КРЕАТИВНЫХ ПОЛИТИК

© 2023 г. В.О. Боос*, В.И. Шубина**, Е.С. Куценко***

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Центр «Российская кластерная обсерватория», Москва, Россия*

* e-mail: vboos@hse.ru

**e-mail: vshubina@hse.ru

***e-mail: ekutsenko@hse.ru

Исследование посвящено оценке качества политик субъектов Российской Федерации в сфере креативных индустрий. Была разработана методика оценки, сформирована информационная база, рассчитан рейтинг регионов по качеству политик в сфере креативных индустрий, а также проведена интерпретация полученных результатов. В соответствии со значениями индекса качества политик в сфере креативных индустрий, характеризующего нормативное правовое и организационное обеспечение, присутствие в стратегиях социально-экономического развития регионов приоритетов в сфере креативных индустрий, наличие региональных мер и участие в федеральных мерах поддержки, были определены 4 группы регионов. В топ-10 регионов вошли Москва, Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Новосибирская, Свердловская, Томская, Нижегородская, Тюменская, Вологодская и Ульяновская области. Регионы-лидеры отличаются системный подход к приоритетам в сфере креативных индустрий на стратегическом уровне, диверсифицированная организационная инфраструктура и инициативность при запуске региональных мер поддержки. Отмечается связь между городским развитием, уровнем благосостояния региона и качеством политик в сфере креативных индустрий. Исследование показало, что элементы политики в сфере креативных индустрий отличаются друг от друга по частоте встречаемости в регионах. Участие в федеральных программах более распространено, чем разработка собственных региональных мер, также как постановка целей и задач, направленных на развитие креативных индустрий, в региональных стратегиях социально-экономического развития, чем разработка отдельных стратегий.

Ключевые слова: креативные индустрии, региональные политики, креативные кластеры, стратегическое планирование, институты развития.

DOI: 10.5922/1994-5280-2023-4-5

Введение и постановка проблемы. Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года (далее – Концепция развития креативных индустрий), принятая Правительство РФ в сентябре 2020 г. [17], предполагает активное участие российских регионов в развитии креативного сектора экономики. В связи с этим особую важность приобретает создание в регионах эффективной системы его планирования и поддержки, которая ох-

ватывала бы стратегическое целеполагание в сфере креативных индустрий, их законодательное и организационное обеспечение и меры поддержки, разрабатываемые как на региональном, так и федеральном уровнях. Одним из неотъемлемых элементов стратегического планирования, в соответствии с методическими указаниями Минэкономразвития РФ по разработке и корректировке стратегий социально-экономического развития [16], является определение приоритетных направлений социально-экономического развития. Последовательное отражение

приоритетов в сфере креативных индустрий на нормативном и стратегическом уровнях информирует инвесторов о перспективных направлениях для капиталовложений; позволяет оперативно разрабатывать меры поддержки креативных индустрий. Те из них, которые реализуются регионами за счет собственных средств, повышают лояльность креативного класса и служат индикаторами готовности к привлечению федерального финансирования.

Субъекты Российской Федерации активно участвуют в национальной креативной повестке. Число регионов, принявших участие в крупнейшем профильном мероприятии – Российской креативной неделе, – в 2022 г. составило 62, против 30 годом ранее [11].

Учитывая относительно недолгий опыт реализации политик в сфере креативных индустрий в России и за рубежом, их полнота, непротиворечивость и актуальность должны регулярно анализироваться. В связи с этим настоящее исследование посвящено созданию методики оценки качества политик в сфере креативных индустрий и ее апробации.

Обзор ранее выполненных исследований. Возникновение в 1990-е гг. мер поддержки креативных индустрий явилось логичным продолжением культурных политик в условиях развития информационного общества [27]. В результате в контур государственной политики таких стран Европы, как Великобритания и Франция, вошел не только традиционный культурный сектор, но и группа более современных индустрий, основанных на авторском праве и активно использующих медиа-технологии, объединенных термином «креативные индустрии» [31]. Основной причиной этому было проецирование рыночных механизмов на некоммерческий культурный сектор в рамках распространения неоллиберальной экономической парадигмы [25]. Еще одним фактором появления рассматриваемых политик стала новая парадигма, заявленная в 1989 г. на Всемирной конференции ЮНЕСКО по развитию культурной политики и возлагающая на культурный сектор новые функции – реализацию человеческого потенциала и поддержку социальной сплоченности [26]. В соответствии с ней в работе Гейра Вестейма [38] выделяется еще один вид культурных политик и политик в сфере креативных

индустрий – инструментальные, направленные на достижение целей вне культурного и креативного сектора. Инструменталистский подход к культурным политикам и политикам в сфере креативных индустрий сегодня занимает прочные позиции среди экспертов и представителей власти, о чем свидетельствуют основные тезисы доклада ЮНЕСКО «Меняя креативные политики» [36].

Помимо гуманитарных вызовов, политики в сфере креативных индустрий сталкиваются и с технологическими. Современный период развития креативных политик по мнению Пьера Луиджи Сакко, Гвидо Ферилли и Джорджио Товано Блесси [37] ознаменован переходом к Культуре 3.0, отличающейся совместным развитием культурных индустрий и технологий и интеграцией культурной продукции в повседневную жизнь. Другой технологический вызов – использование инструментов автоматизации, повышающее производительность в креативных индустриях, но замещающее не только ручной, но и интеллектуальный труд.

В работе Огюстена Жирара и Женеьевы Жангиль [32] в зависимости от механизма воздействия на объект поддержки выделяется пять видов государственных политик в сфере креативных и культурных индустрий: прямые меры (например, предоставление грантов и субсидий); меры косвенной поддержки (налоговые вычеты, специальные режимы и льготные ставки); особые законодательные условия; участие в международных соглашениях; прочие мероприятия, например, организация профильных событий.

Особенности российских политик в сфере креативных индустрий. В России формирование креативных политик началось с конца 2010-х гг. В 2017 г. по инициативе более чем 30 различных участников, включая Роспатент и Росстандарт, госкорпорацию «Роскосмос», вузы и институты развития, была создана общественно-сетевая инфраструктура IPChain, выступающая гарантом при сделках с объектами интеллектуальной собственности. Тремя годами позднее Указом Президента Российской Федерации была создана организация «Российский центр оборота прав на результаты творческой деятельности» [24]. В этом же году была утверждена Концепция развития креативных

индустрий [17], а в 2022 г. – План мероприятий по ее реализации [18].

Можно выделить ряд особенностей российских региональных политик в сфере креативных индустрий.

Во-первых, взаимосвязь с территориальным и городским развитием. Стратегии социально-экономического развития 18 регионов содержат намерения создания или развития креативных пространств. В Красноярском крае, в частности, представлена идея создания креативных кварталов, в Томской области – городских творческих районов, а в Рязанской – редевелопмент «промышленных территорий и объектов недвижимости, не участвующих в хозяйственном обороте» в креативные кластеры. С целью преобразования неиспользуемых промышленных и сельских локаций в точки концентрации креативных сообществ в 2021 г. была реализована программа Rurban Creative Lab.

Во-вторых, опережающая роль отдельных регионов. Некоторые из них начали формировать систему поддержки креативной экономики до принятия в 2021 г. Концепции развития креативных индустрий. В их числе Москва, Республика Саха (Якутия), Ханты-Мансийский автономный округ – Югра. Почти половина действующих региональных институтов развития креативных индустрий были сформированы до 2021 г. (табл. 1).

В-третьих, множественность центров поддержки креативных индустрий. Несмотря на значительную роль Минкультуры РФ, определенную Концепцией развития креативных индустрий, поддержку креативным индустриям оказывают Минцифры РФ, Минпромторг РФ, Минстрой РФ и многочисленные институты развития: в частно-

сти, Фонд кино, Президентский фонд культурных инициатив, Фонд «Сколково», Фонд содействия инновациям, Фонд развития информационных технологий, Агентство стратегических инициатив, Роскультцентр и др. С одной стороны, это способствует разнообразию мер поддержки, с другой – требует от регионов больше времени и компетенций для взаимодействия с перечисленными органами и институтами.

В исследованиях российских политик в сфере креативных индустрий эти особенности отражены частично. Авторы «Внерейтингового показателя креативного потенциала регионов России – 2022» [5] посвящают рассматриваемой теме один из разделов. В работе используются следующие качественные индикаторы: наличие стратегии и (или) программы развития креативных индустрий; финансовые и нефинансовые инструменты поддержки креативных индустрий. Большой акцент, по сравнению с участием региона в профильных федеральных программах, сделан на региональных мерах поддержки. В работах [1; 14; 15] даны оценки мерам и механизмам поддержки культурных индустрий на федеральном уровне. А.В. Васина и Ю.О. Глушкова [4] предлагают показатели для отслеживания реализации стратегии развития креативных индустрий во времени.

Среди российских работ встречаются исследования, посвященные анализу уровня [6; 9; 13], потенциала развития креативных индустрий [20] и кластеров [10; 12; 22; 23], в то время как комплексная оценка политик в сфере креативных индустрий остается нерешенной задачей. Это и определило цель настоящего исследования.

Таблица 1. Регионы России, которые начали формировать институты развития креативных индустрий до 2021 г.

Год	Регион	Название института развития креативных индустрий
2004	Республика Карелия	Фонд развития творческих индустрий и культурного туризма
2012	Ульяновская область	Фонд креативных технологий
2018	Архангельская область	Фонд культуры
2018	Новгородская область	Фонд развития креативной экономики
2020	Белгородская область	Комитет развития спортивных и творческих индустрий
2020	Калининградская область	Фонд креативных индустрий «Креспектива»
2020	Москва	Агентство креативных индустрий
2020	Новосибирская область	Центр креативных индустрий
2020	Республика Коми	Ассоциация Креативных индустрий
2020	Томская область	Центр развития креативных индустрий

Составлено авторами.

Материалы и методика исследования. Исходя из российских и мировых тенденций и особенностей рассматриваемой отрасли, авторы сформулировали требования к оценке качества политик в сфере креативных индустрий в регионах России.

1. Фокус на охвате, системности и актуальности политик в связи с отсутствием достаточной эмпирической базы для расчета их результативности и эффективности.

2. Учет в стратегиях социально-экономического развития регионов представленности основных фаз стратегического планирования креативных индустрий: постановки задач и мероприятий по их реализации, оценки достижения целей.

3. Анализ региональной активности не только в разработке собственных мер поддержки, но и в привлечении федеральных.

4. Исследование максимально широкого круга мер, включая предоставление грантов, субсидирование, налоговые льготы, создание объектов инфраструктуры и т.д.

5. Учет IT сектора как одной из креативных индустрий и как фактора, влияющего на их развитие в целом.

6. Анализ участия региона не только в прямых, но и в инструментальных политиках в сфере креативных индустрий (например, Всероссийский конкурс лучших проектов создания комфортной городской среды и организация в регионах модельных библиотек с точками концентрации талантов «Гений места»).

Чтобы оценить качество планирования и поддержки креативных индустрий в регионах России¹, был разработан индекс качества политик в сфере креативных индустрий ICQ (Index of Regional Creative Policies Quality) (далее – ICQ).

Концептуальной основой для него послужили методический подход к оценке качества стратегий умной специализации RIS3 Assessment Wheel, применяемый в Евросоюзе [33], и методика оценки качества инновационной политики, используемая в рамках Рейтинга инновационного развития субъектов Российской Федерации [19].

При оценке ICQ к креативным были отнесены индустрии, в которых представители творческих профессий в России составляют не менее 30% от общего числа занятых. Ранее этот подход был использован организа-

цией NESTA и Департаментом культуры, медиа и спорта Великобритании (DCMS) [34], а также в исследовании НИУ ВШЭ [21]. По результатам его апробации в состав креативных индустрий вошли архитектура; дизайн; звукозапись; издательская деятельность; исполнительские искусства; информационные технологии и видеоигры; кино и анимация; музеи, библиотеки, архивы; промыслы и ремесла; реклама и пиар; телевидение и радиовещание; фотография; художественное творчество; ювелирное дело; образование в креативных индустриях.

Для расчета ICQ была разработана система из 25-и показателей, сгруппированных по четырем тематическим разделам (табл. 2). Сбор данных по разделам 1, 2 и 4 проводился в январе 2023 г. с актуализацией в июле 2023 г. Для каждого из разделов рассчитывался соответствующий субиндекс как среднее арифметическое входящих в него показателей. Значение индекса ICQ, в свою очередь, было определено как среднее арифметическое субиндексов.

На основе индекса ICQ была проведена группировка регионов и интерпретация полученных результатов. Дополнительно рассматривались гипотезы о связи качества политик в сфере креативных индустрий, параметров социально-экономического развития регионов и урбанизации.

Полученные результаты.

Политики в сфере креативных индустрий российских регионов значительно дифференцированы по уровню их распространенности. Чаще всего регионы предпочитают участвовать в федеральных программах поддержки: каждый из субъектов Российской Федерации задействован не менее чем в двух мерах поддержки, а 79 регионов – не менее чем в четырех. На втором месте по распространенности – самостоятельное определение целей и задач в сфере отдельных креативных индустрий, присутствующее в 76-и субъектах. Реже всего регионы устанавливают для заявленных целей и задач в сфере креативных индустрий числовые показатели (20 регионов), планируют мероприятия по их достижению (12 регионов). Почти такое же малое число регионов (11) разрабатывают концепции или стратегии развития креативных индустрий.

¹ В выборку исследования вошли все субъекты Российской Федерации по состоянию на конец 2021 г.

Таблица 2. Показатели оценки качества стратегического управления креативными индустриями в регионах России

Наименование показателя	Значение показателя	Источник
Раздел 1. Нормативное правовое и стратегическое обеспечение		
1.1. Наличие стратегии, концепции, дорожной карты или плана мероприятий по развитию креативных индустрий	Региональная стратегия, концепция, дорожная карта: в наличии – 1 балл; отсутствует – 0 баллов	Сайты региональных органов государственной власти, специализированные базы региональных правовых актов
1.2. Наличие специализированного законодательного акта, определяющего основные принципы, направления и меры государственной поддержки креативных индустрий	Нормативно-правовой акт: присутствует – 1 балл; отсутствует – 0 баллов	
1.3. Наличие креативных индустрий (как группы, так и отдельных) в приоритетах, целях, задачах и направлениях стратегий социально-экономического развития регионов	Приоритеты, связанные с развитием креативных индустрий: присутствуют – 1 балл; отсутствуют – 0 баллов	Действующие стратегии социально-экономического развития регионов
1.4. Планируемое увеличение числа приоритетов, целей, задач и направлений развития креативных индустрий в проектах новых стратегий социально-экономического развития регионов	Число приоритетов, целей, задач и направлений развития креативных индустрий в сравнении с действующей стратегией: большее – 1 балл; меньшее либо такое же – 0 баллов	Доработанные проекты стратегий социально-экономического развития регионов (официальный сайт Минэкономразвития РФ)
1.5. Наличие в действующих стратегиях социально-экономического развития регионов отдельных проектов и мероприятий, связанных с развитием креативных индустрий	Один или несколько проектов либо мероприятий, связанных с развитием креативных индустрий как в целом, так и в разрезе отдельных индустрий присутствуют – 1 балл; отсутствуют – 0 баллов	Действующие стратегии социально-экономического развития регионов
1.6. Наличие показателей достижения целей и задач, связанных с развитием креативных индустрий в стратегиях социально-экономического развития регионов	Один или несколько показателей, связанных с развитием креативных индустрий как в целом, так и в разрезе отдельных индустрий: присутствуют – 1 балл; отсутствуют – 0 баллов	
Раздел 2. Организационное обеспечение		
2.1. Наличие институтов поддержки креативных индустрий (фондов, агентств, центров, комитетов)	Отдельный институт развития, основной функцией которого является развитие креативных индустрий: присутствует – 1 балл; отсутствует – 0 баллов	Сайты региональных органов исполнительной власти и институтов развития
2.2. Наличие особых экономических зон технико-внедренческого типа, в число специализаций которых входит развитие информационных технологий	Особая экономическая зона, технико-внедренческого типа, специализированная на развитии креативных индустрий: присутствует – 1 балл; отсутствует – 0 баллов	Перечень технико-внедренческих особых экономических зон
2.3. Число креативных кластеров, соответствующих одному из следующих критериев:	Абсолютное значение показателя (количество кластеров креативных индустрий)	База данных ЕГРЮЛ, сайты региональных органов исполнительной власти, центров кластерного развития институтов развития, персональные

Таблица 2. Продолжение

Наименование показателя	Значение показателя	Источник
– наличие информации о кластере на сайте регионального Центра кластерного развития; – наличие информации о кластере на сайте региональных органов государственной власти; – наличие персонального сайта кластера, выполняющего представительские функции для всех участников объединения креативных индустрий, позиционирующего себя как кластер в рамках сайта; – наличие информации о кластере на карте кластеров ГИСП		сайты кластеров, карта кластеров ГИСП
Раздел 3. Региональные меры поддержки		
3.1. Наличие государственных программ, направленных на поддержку одной или нескольких креативных индустрий (кроме государственных программ, посвященных развитию информационного общества)	Одна или несколько государственных программ, направленных на развитие креативных индустрий: присутствуют – 1 балл; отсутствуют – 0 баллов	Перечни государственных программ региона, государственные программы региона
3.2. Наличие в региональной государственной программе, посвященной развитию информационного общества мер поддержки индустрии «Информационные технологии и видеоигры»	Одна или несколько мер поддержки государственных программ, направленных на развитие индустрии «Информационные технологии и видеоигры»: присутствуют – 1 балл; отсутствуют – 0 баллов	Государственные программы региона, посвященные развитию информационного общества
3.3. Наличие пониженной налоговой ставки налога на имущество организаций креативных индустрий	Налоговые льготы для одной или нескольких креативных индустрий: присутствуют – 1 балл; отсутствуют – 0 баллов	Сайт Федеральной налоговой службы
3.4. Наличие пониженной налоговой ставки налога на прибыль организаций креативных индустрий		
3.5. Наличие пониженной налоговой ставки налога на совокупный доход организаций креативных индустрий		
3.6. Число региональных и муниципальных грантовых программ для творческих проектов в области культуры и искусства	Абсолютное значение показателя (число грантов)	Сайт Минкультуры РФ
Раздел 4. Участие в федеральных мерах поддержки		
4.1. Число организаций – получателей грантов на разработку, внедрение, реализацию цифровых проектов в рамках федерального проекта «Цифровые технологии»	Относительное значение показателей в расчете на 10 тыс. чел. населения	Сайт Минцифры России

Таблица 2. Окончание

Наименование показателя	Значение показателя	Источник
4.2. Число креативных проектов – победителей специального конкурса (отбора) на предоставление грантов Президента РФ на реализацию проектов в области культуры, искусства и креативных (творческих) индустрий		Сайт Президентского фонда культурных инициатив
4.3. Число организаций народных художественных промыслов (НХП), получающих поддержку из средств федерального бюджета		Приказ Министерства промышленности и торговли РФ от 19.01.2022 № 97
4.4. Число организаций, прошедших отбор на получение субсидий Минкультуры России на производство игровых и неигровых фильмов		Сайт Минкультуры РФ
4.5. Число проектов – победителей Всероссийского конкурса лучших проектов создания комфортной городской среды		Сайты конкурсов (по годам)
4.6. Число организаций-получателей субсидий в области электронных СМИ		Сайт Минцифры РФ
4.7. Число модельных библиотек и точек концентрации талантов «Гений места»		Сайт Библиотеки нового поколения
4.8. Наличие некоммерческих организаций, получивших субсидии на оказание государственной поддержки (грантов) независимым театральным и музыкальным коллективам для реализации творческих проектов	Коммерческие организации получившие субсидии: присутствуют – 1 балл; отсутствуют – 0 баллов	Портал предоставления мер финансовой государственной поддержки
4.9. Наличие школ креативных индустрий	Одна и более школ креативных индустрий в регионе присутствуют – 1 балл; отсутствуют – 0 баллов	Ответ Минкультуры РФ на официальный запрос
4.10. Число организаций, осуществляющих показ фильмов, получивших в 2022 г финансирование Фонда кино по результатам конкурса по поддержке кинозалов в населенных пунктах с численностью жителей до 500 тыс. чел.	Абсолютное значение показателя (число организаций)	Сайт Фонда кино

Составлено авторами.

Регионы значительно отличаются друг от друга по качеству политик в сфере креативных индустрий. Топ-10 регионов в среднем в три раза превосходят последнюю десятку по значению индекса ICQ. В рамках отдельных разделов рейтинга разрывы еще более значительны. По качеству нормативного правового и стратегического обеспечения развития креативных индустрий первая десятка опережает замыкающую в 16 раз,

а по региональным мерам поддержки – в 14. 80% креативных кластеров сосредоточены в топ-30 регионов. Там же локализуются почти 70% (13 из 19) институтов развития креативных индустрий.

Более 70 процентов регионов России отстают от столицы по качеству политики в сфере креативных индустрий более чем в 2 раза. Исходя из величины отставания индекса ICQ от результатов лидера рейтинга –

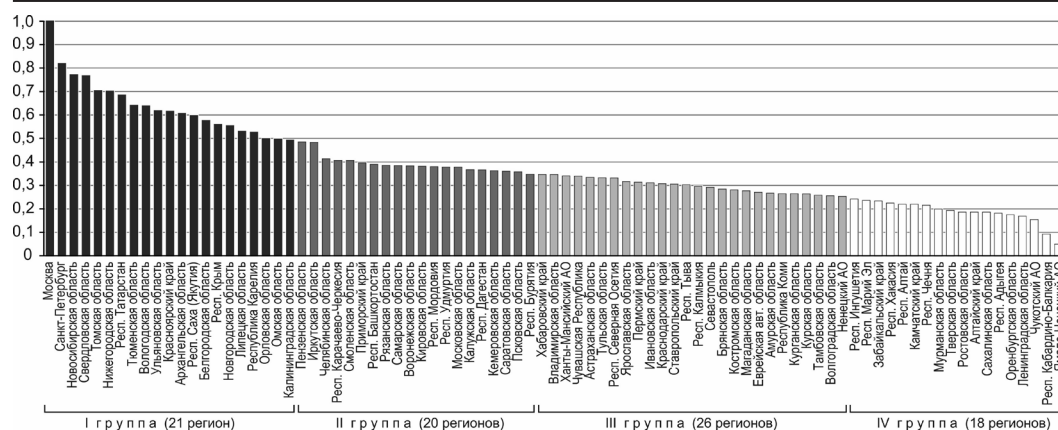

Рис. 1. Классификация регионов по значению индекса качества креативных политик ICQ.

Составлено авторами.

Москвы, были выделены четыре группы регионов. В первую вошел 21 субъект Российской Федерации, отличающиеся от Москвы по значению индекса ICQ не более чем в два раза (менее чем на 50%). Ко второй группе были отнесены регионы, чей индекс ICQ отстает от лидера более чем на 50%, но менее чем на 65%; а к третьей – отклоняющиеся более чем на 65%, но менее чем на 75%. Наконец, в четвертую группу вошли регионы, чье отставание от Москвы составляет более 75% (см. рис. 1).

Регионы – лидеры по качеству политик в сфере креативных индустрий отличаются высоким уровнем благосостояния и урбанизации. Большинство регионов первой группы (17 из 21) имеют ВРП выше медианного, в то время как в остальных группах таких участников не больше половины. Практически в 2/3 (63%) регионов первой и второй группы роль центров играют крупные (с населением более 500 тыс. чел.) и крупнейшие (с населением более 1 млн чел.) города (табл. 3). В первой группе относительно чаще, чем в остальных, встречаются регионы Центрального федерального округа, в то время как для второй характерна повышенная концентрация регионов Урала и Поволжья, а для последней четвертой – Сибири и Дальнего Востока. Южный и Северо-Кавказский федеральные округа ограниченно представлены в первых двух группах. Таким образом, в удаленных регионах с низким уровнем социально-экономического развития, отсутствием высоко урбанизированного городского ядра вероятность формирования

качественных политик в сфере креативных индустрий ниже.

Регионы – лидеры проводят самостоятельную политику в сфере креативных индустрий, полагаясь, в том числе на собственные стратегические документы, институты развития и меры поддержки. Представители лидирующей группы более последовательно, чем другие, отражают креативные индустрии в нормативном правовом и стратегическом обеспечении. Регионы – лидеры в 1,73 раза превосходят регионы второй группы по субиндексу «Нормативное правовое и стратегическое обеспечение». Цели и задачи в сфере креативных индустрий и мероприятия, направленные на их реализацию, присутствуют одновременно только в 12-и регионах, и 8 из них входят в первую группу (Томская область, Нижегородская область, Республика Татарстан, Республика Саха (Якутия), Новгородская область, Липецкая область, Республика Карелия, Омская область). Большинство регионов, утвердивших региональные концепции и стратегии развития креативных индустрий, смогли конвертировать это институционально-правовое преимущество в высокое качество политик: 7 из 11-и этих регионов вошли в первую группу.

Регионы-лидеры имеют развитое и дифференцированное организационное обеспечение креативных индустрий (разрыв между первой и второй группой по этому тематическому блоку составляет 3,07 раза). В 19-и из 21-го региона первой группы созданы и функционируют по меньшей мере

Таблица 3. Сравнение групп регионов России, выделенных по индексу ICQ, по уровню благосостояния и наличию городов с населением более 500 тыс. чел.

Показатель	Группа 1	Группа 2	Группа 3	Группа 4
Раздел 1	0,389	0,225	0,231	0,148
Ранг	1	2	3	4
Раздел 2	0,448	0,146	0,058	0,019
Ранг	1	2	3	4
Раздел 3	0,387	0,331	0,241	0,147
Ранг	1	2	3	4
Раздел 4	0,191	0,163	0,130	0,099
Число субъектов Федерации, расположенных в федеральных округах:				
Центральном и Северо-Западном	10	6	10	3
Южном и Северо-Кавказском	1	2	7	5
Приволжском и Уральском	5	8	4	3
Сибирском и Дальневосточном	5	4	5	7
Число регионов с ВРП на душу населения выше медианного значения по России, ед. / доля от числа регионов в группе, %	17 / 81%	7 / 35%	8 / 31%	9 / 50%
Число городов с населением более 500 тыс. чел.	12	14	7	3

Составлено авторами.

один креативный кластер, а в 15-и – институты развития. В двух третях регионов – лидеры одновременно функционируют и кластер, и институт развития. Среди остальных регионов только в четырех есть и кластер, и институт развития одновременно. Более половины (37 из 70-и) креативных кластеров России функционируют в регионах – лидерах. Среди них преобладают кластеры информационных технологий (14 кластеров). К более редким специализациям относятся кинематографический кластер Республики Карелия, кластер янтарной промышленности Калининградской области, арт-кластер «Таврида».

Регионам первой группы свойственно проявлять большую активность по сравнению с другими в реализации региональных мер поддержки. Почти все эти регионы (19 из 21-го) предоставляют льготы по налогу на совокупный доход. Чаще всего они действуют в отношении «ИТ и видеоигр» (15 регионов); музейного дела и образования в креативных индустриях (по 8 регионов). В привлечении федеральных мер поддержки регионы – лидеры также проявляют себя более активно чем остальные, но эти отличия не столь значительны. В среднем они вовлечены в 6 мер федеральной поддержки, тогда как остальные в среднем – в 4,7. Абсолютным лидером по участию в федеральных

мерах поддержки является Свердловская область (9 мер из анализируемых 10).

Обсуждение результатов. Разная распространенность политик в сфере креативных индустрий (а именно преобладание федеральных мер поддержки над региональными, а качественных показателей достижения целей над количественными) выглядит закономерной с учетом начальной фазы развития отрасли и накопленного отставания в ее поддержке, отмечаемого также в работе [2]. Некоторые специализированные федеральные мероприятия (например, создание школ креативных индустрий и модельных библиотек) предполагают относительно невысокий «порог входа» и направлены на стимулирование креативной экономики в регионах, у которых для этого недостаточно собственных ресурсов. Ограниченное число успешных практик развития креативных индустрий во многих регионах также пока не позволяет надежно прогнозировать эффекты и устанавливать количественные цели.

Тем не менее, имеется ряд субъектов Российской Федерации, которым удалось добиться высокого качества креативных политик одновременно по всем рассмотренным направлениям. Это дает основание предпо-

ложить, что различные блоки политик усиливают друг друга. Особенно выделяется роль организационного обеспечения креативных индустрий. Так, формирование кластеров способствует расширению целевой аудитории для федеральных и региональных мер поддержки, в том числе за счет реализации локального творческого потенциала [23], а фондов и агентств – популяризации и повышению доступности этих мер.

Несмотря на дискуссию о роли креативных индустрий для развития удаленных территорий в условиях цифровой трансформации [7], результаты исследования показывают, что большее внимание со стороны органов власти уделяется креативным индустриям в регионах, близких к столице, а также имеющих в составе экономически развитые крупнейшие городские агломерации. Представляется, что в долгосрочной перспективе возможно повышение качества креативных политик и на низкоурбанизированных сельских территориях. Об этом свидетельствует появление профильных проектов, реализуемых при государственной поддержке, например, первая сельская биеннале современного искусства «Преображение» в Ивановской области, или выдвинутая в 2021 г. Минсельхозом России инициатива по налоговым льготам для организаций и индивидуальных предпринимателей в сфере креативных индустрий на сельских территориях.

Выводы. Несмотря на позднее начало формирования политик в сфере креативных индустрий по сравнению с другими странами, в России государственными органами и институтами на федеральном и региональном уровнях реализуются диверсифицированные меры поддержки креативных индустрий, включая прямые и инструментальные. В то же время рассматриваемые политики пока прямо не связаны с генеральным вектором развития региональных экономик и редко формализованы до уровня SMART – целей².

Регионы значительно различаются по качеству политик в сфере креативных индустрий. Почти 3/4 субъектов Российской Федерации отстают от лидера рейтинга – Москвы – не менее чем в два раза.

К отличительным чертам регионов–лидеров по качеству политик в сфере креативных индустрий относятся более системный подход к отражению стратегических приоритетов; наличие законодательного и нормативного правового обеспечения; диверсифицированная организационная инфраструктура и инициативность при запуске региональных мер поддержки.

Выявлена связь между социально-экономическим развитием региона и политиками в сфере креативных индустрий: вероятность достижения более высокого качества этих политик выше в центральных субъектах Российской Федерации, с крупнейшими городскими агломерациями и ВВП выше медианного.

Среди регионов, чей потенциал в поддержке креативных индустрий не полностью задействован, присутствуют значительное число южных и дальневосточных регионов. Это может объясняться отвлечением административных и финансовых ресурсов на решение инфраструктурных проблем (в случае Дальнего Востока), развитием туризма и более трудоемких, что логично в условиях избыточности трудовых ресурсов, обрабатывающих отраслей (в случае Южного и Северо-Кавказского федеральных округов).

На региональном и федеральном уровнях может быть рекомендована разработка особых мер поддержки креативных индустрий, учитывающих региональную специфику и формирующиеся креативные специализации этих регионов. Например, перезапуск механизмов государственно-частного партнерства для проектов Дальнего Востока в сфере культуры, а также мероприятия, улучшающие взаимодействия между креативными индустриями, туристическим и производственным секторами Южного и Северо-Кавказского федеральных округов.

Результаты настоящего исследования, в особенности предложенная методика оценки качества политик, могут быть использованы представителями федеральных и региональных органов исполнительной власти при анализе уже реализуемых мер поддержки, оценке их соответствия региональным и федеральным приоритетам развития и последующей корректировке.

² Specific – конкретных, Measurable – измеримых, Achievable – достижимых, Relevant – актуальных, Time bound – ограниченных по времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абанкина Т.В.* Модели государственной поддержки культуры: теоретические основания и финансовые инструменты // Журнал Новой экон. ассоциации. 2014. № 4 (24). С. 185–189.
2. *Абанкина Т.В.* Креативная экономика в России: новые тренды // Журнал Новой экон. ассоциации. 2022. № 2 (54). С. 222–229. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-54-2-13.
3. Атлас экономической специализации регионов России / В.Л. Абашкин, Л.М. Гохберг, Я.Ю. Ефферин и др.; под ред. Л.М. Гохберга, Е. С. Куценко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М., 2021. 264 с.
4. *Васина А.В., Глушкова Ю.О.* Комплексная модель оценки стратегии развития креативных индустрий региона // Актуал. проблемы экономики и менеджмента. 2022. № 2 (34). С. 57–64.
5. Внерейтинговый показатель креативного потенциала регионов России – 2022 в рамках Рейтинга событийного потенциала регионов России – 2022 / Ин-т развития креативных индустрий НИУ ВШЭ. [Электр. ресурс]. URL: https://mc-consult.ru/netcat_files/2525_20.pdf.
6. *Глушкова Ю.О.* Подходы к оценке эффективности экономико-управленческой стратегии развития и государственной поддержки креативных индустрий // Креативная экономика. 2019. Т. 13. № 12. С. 2387–2396.
7. *Гущина Е.Г., Тарабанова Е.В.* Креативные индустрии: новые возможности для развития российских городов и регионов // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Экономика. 2022. Т. 24. № 1. С. 91–104. DOI: <https://doi.org/10.15688/ek.vjolsu.2022.1.9>.
8. Доработанные проекты стратегий социально-экономического развития регионов России [Электр. ресурс] // Официальный сайт Мин-ва экон. развития РФ. URL: https://economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategii_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_subektov_rf/dorabotannye_proekty_strategiy.
9. *Евсеев А.С., Урусова Н.Н.* Метод оценки креативного экономического развития регионов // Вестн. Поволж. гос. технол. ун-та. Сер.: Экономика и управление. 2022. № 3-4 (55). С. 40–48.
10. *Ерохин Г.П.* Креативный кластер Новосибирска – целевые показатели развития // Творчество и современность. 2022. № 3 (18). С. 38–43.
11. Итоги РКН: как санкции и культура отмены повлияли на творческую экономику? [Электр. ресурс] // Официальный сайт Ассоц. анимационного кино: URL: <https://aakr.ru/itogi-rkn-kak-sankcii-i-kultura-otmeny-povlijali-na-tvorcheskuju-jekonomiku>.
12. *Метелева Е.Р.* Оценка социально-экономического эффекта от развития городских кластеров креативных и культурных индустрий // ЭТАП: экон. теория, анализ, практика. 2011. № 3. С. 26–43.
13. *Морданов М.А.* Оценка уровня креативности регионов России: применение индекса Флориды в современных реалиях // Креативная экономика. 2022. Т. 16. № 6. С. 2093–2110. DOI: 10.18334/ce.16.6.114829. – EDN ВМСТЗУ.
14. *Музычук В.Ю.* Государственная поддержка культуры: ресурсы, механизмы, институты. М.; СПб.: Нестор-История, 2013. 280 с.
15. *Музычук В.Ю.* Должно ли государство финансировать культуру? М.: Ин-т экономики РАН, 2012. 60 с.
16. Приказ Минэкономразвития России от 23 марта 2017 года № 132 «Об утверждении Методических рекомендаций по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации». [Электр. ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_214725/e2a7dc65b5742f224b8aa5ca26a813ee33bd1b5b/.
17. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2021 года № 2613-р «О Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года». [Электр. ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/608746222>.
18. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.08.2022 № 2290-р (ред. от 14.03.2023) «О Плана мероприятий по реализации в 2022–2024 гг. Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года». [Электр. ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/w4Xp3IAGZi9GI2CDWHFR3iJOAK5xb93A.pdf>
19. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 7 / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, С.В. Бредихин и др.; под ред. Л.М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2021. 274 с.
20. *Салихов Б.В.* Методологические и методические аспекты оценки креативного потенциала региона в поведенческой и цифровой экономике // Информационно-экономические аспекты стандартизации и технического регулирования. 2019. № 3 (49). С. 2.
21. Специальный выпуск «Креативные специализации Российских городов» / Рук. проекта О.В. Ворон. Авторы: В.О. Боос, М.А. Гершман, Е.С. Куценко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М., 2021. 42 с.
22. *Токарев И., Свиштухина М., Филиппова А., Троценко С., Устинова Д.* Атлас креативных кластеров Российской Федерации. [Электр. ресурс]. URL: <https://disk.yandex.ru/d/wDGIsOTWmWmMmRg>.
23. *Тургель И.Д., Дербенева В.В., Баскакова И.В., Цепелева А.Д.* Локальная идентичность как основа формирования креативных кластеров в городах Урала и Сибири // Креативная экономика. 2023. Т. 17. № 12. DOI: 10.18334/ce.17.12.119949.
24. Указ Президента Российской Федерации от 28.06.2021 г. № 378 «О создании Общероссийской общественно-государственной организации «Российский центр оборота прав на результаты творческой деятельности». [Электр. ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46894>.

25. *Alexander Victoria D., Peterson Gilbert Oliver* The REED Typology: Understanding Market-Orientation and Instrumental Values in Cultural Policy across Europe // *Cultural Trends*. August 05, 2023. 23 p. DOI: 10.1080/09548963.2023.2243837.
26. Culture in Public Policy // UNESCO. 2022–2023. [Электр. ресурс]. URL: https://www.unesco.org/en/articles/culture-public-policy?TSPD_101_R0=080713870fab2000c8700ccc48b18896f35b5755ac51c64a15e0718718adb0ee41209b6797ac7cbd085916a99a1430004e0c6e7e334399c470eadfd228f06d25aefcc94570d75d73fbf8f7d33d984b8e62a7dfdc57f3c942bc65bdef0926012b.
27. *Cunningham Stuart D.* From cultural to creative industries: Theory, industry, and policy implications // *Media International Australia*. 2002. Vol. 102. № 1. DOI: 10.1177/1329878X0210200107/.
28. European Commission / The Cultural and Creative Cities Monitor. 2017 Edition. [Электр. ресурс]. URL: <https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/handle/JRC107331>.
29. *Fahmi F.* Creative Economy Policy in Developing Countries: the Case of Indonesia // 54th Congress of the European Regional Science Association: «Regional development & globalisation: Best practices». 26–29 August, St. Petersburg, Russia. European Regional Science Association (ERSA), Louvain-la-Neuve, 2014. 27 p. [Электр. ресурс]. URL: <http://hdl.handle.net/10419/124320>.
30. *Frothingham O.* Art and Wealth. 1882. [Электр. ресурс]. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1882/12/art-and-wealth/632310>.
31. *Garnham Nicholas* From cultural to creative industries // *International Journal of Cultural Policy*. 2005. Vol. 11. № 1. P. 15–29. DOI: 10.1080/10286630500067606.
32. *Girard Augustin, Gentil Geneviève* Cultural Development: Experiences and Policies. Unesco, 1972; 1983. 89 p. [Электр. ресурс]. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000002228>.
33. Guide to Research and Innovation Strategies for Smart Specialisation (RIS 3). European Union, DG Regions, 2012. [Электр. ресурс]. URL: https://www.earchgate.net/publication/257926087_Guide_to_Research_and_Innovation_Strategies_for_Smart_Specialisation_RIS_3.
34. *Higgs Peter, Cunningham Stuart, Bakhsh Hasan* Beyond the Creative Industries: Mapping the Creative Economy in the United Kingdom. NESTA, 2008. 115 p. [Электр. ресурс]. URL: https://media.nesta.org.uk/documents/beyond_the_creative_industries_report.pdf.
35. *Jofre-Monseny J., Marín-López R., Viladecans-Marsal E.* The determinants of localization and urbanization economies: Evidence from the location of new firms in Spain // *Journal of Regional Science*. 2013. Vol. 54. № 2. P. 313–337. DOI: 10.1111/jors.12076.
36. Re|Shaping Policies for Creativity: Addressing Culture as a Global Public Good. UNESCO, 2022. [Электр. ресурс]. URL: <https://www.unesco.org/reports/reshaping-creativity/2022/en>.
37. *Sacco Pier Luigi, Ferilli Guidom, Blessi Giorgio Tavano.* From Culture 1.0 to Culture 3.0: Three socio-technical regimes of social and economic value creation through culture, and their impact on European cohesion policies // *Sustainability*. 2018. Vol. 10. № 11. DOI: 10.3390/su10113923.
38. *Vestheim Geir* Instrumental cultural policy in Scandinavian countries: A critical historical perspective // *The European Journal of Cultural Policy*. 1994. Vol. 1. № 1. P. 57–71.

Статья поступила в редакцию журнала 24 апреля 2023 г.

Об авторах:

Боос Виктория Олеговна – кандидат экономических наук, эксперт центра «Российская кластерная обсерватория», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва.

Шубина Виктория Игоревна – кандидат экономических наук, научный сотрудник центра «Российская кластерная обсерватория», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва.

Куценко Евгений Сергеевич – кандидат экономических наук, директор центра «Российская кластерная обсерватория», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва.

Для цитирования:

Боос В.О., Шубина В.И., Куценко Е.С. Регионы России в фокусе индекса качества креативных политик // *Региональные исследования*. 2023. № 4. С. 53–65.

DOI: 10.5922/1994-5280-2023-4-5

Russian regions in focus of creative policies quality index

V.O. Boos*, V.I. Shubina**, E.S. Kutsenko***

National Research University Higher School of Economics, Center «Russian Cluster Observatory», Moscow, Russian Federation

* e-mail: vboos@hse.ru

**e-mail: vshubina@hse.ru

***e-mail: ekutsenko@hse.ru

The study is devoted to assessing the quality of Russian Federation subjects' policies in the field of creative industries. For this purpose, the special methodology and information base were developed, according to which for each region the Index of Creative policies Quality (ICQ) was calculated. The regions were ranked according to the ICQ and the results of the ranking were interpreted. In accordance with the ICQ, characteristics of legal and organizational support, the representation of creative industries in regional socio-economic development strategies, the availability of region-level support and the regions' participation in the federal support measures, all Russian regions were divided into 4 groups. The top-10 regions included Moscow, St. Petersburg, the Republic of Tatarstan, Novosibirsk, Sverdlovsk, Tomsk, Nizhny Novgorod, Tyumen, Vologda and Ulyanovsk regions. The leading regions are distinguished by the systematic approach to setting strategic priorities in the field of creative industries, the diversified organizational infrastructure and initiative in launching regional support measures. There is a connection between urbanization, economic prosperity and the quality of policies in the field of creative industries. The study showed that the policies in the field of creative industries significantly vary by the frequency of occurrence in regions. Thus, the participation in the federal agenda is more common than the developing the region-level measures, and setting goals and objectives aimed at developing creative industries in regional socio-economic development strategies is more common than the creating the specialized strategies.

Keywords: Creative industries, creative clusters, creative policies, support measures, strategic planning, organizational support, quality index of creative policies.

Received 24.04.2023

КОМПЛЕКСНАЯ ОЦЕНКА РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

© 2023 г. А.И. Даньшин^{1, 2*}, А.В. Радикевич^{1**}

¹ *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
географический факультет, Москва, Россия*

² *Смоленский государственный университет,
естественно-географический факультет, Смоленск, Россия*

*e-mail: alivda@yandex.ru

**e-mail: radikevich1998@mail.ru

Основная цель данной работы – поиск новых подходов к изучению сельского хозяйства территорий, однородных с точки зрения агроклиматических условий, но различающихся по институциональным условиям ведения сельскохозяйственной деятельности. В работе используются методы гравитационных полей и экономико-географического профилирования по условной линии Минск – Москва, а также применен подход к оценке сельскохозяйственной специализации территорий, впервые предложенный И. фон Тюненом, но для современного состояния сельского хозяйства. Уровень развития сельского хозяйства, оцениваемый с помощью данных подходов, представлен в десятилетней динамике. Использование данных подходов позволило выявить как полюса сельскохозяйственного роста, так и депрессивные территории, отстающие по уровню развития сельского хозяйства и нуждающиеся в применении особых инструментов институциональной и социально-экономической политики для поддержки сельскохозяйственной отрасли. В результате использования методик профилирования и построения потенциальных моделей в пределах Республики Беларусь удалось выявить два полюса сельскохозяйственного роста, а также оценить контраст в сельскохозяйственных показателях при пересечении границы. Установлено, что в последние годы в пределах российского сектора приграничного пространства происходило опережающее увеличение показателей сельскохозяйственного производства, обусловленное политикой импортозамещения по ключевым сельскохозяйственным отраслям, но в догоняющей фазе. При этом сельское хозяйство приграничья в целом, находясь на периферии стран, недооценивает потенциал географического положения между двумя крупнейшими рынками сбыта Союзного государства и в настоящее время нуждается в более интенсивном развитии. Еще одним выводом является соответствие сельскохозяйственной специализации районов межстоличья той, которая выявлялась в работах И. фон Тюнена согласно теоретическим представлениям о специализации сельскохозяйственного производства при удалении от крупных городов.

Ключевые слова: сельское хозяйство, профилирование, Союзное государство, порубежные территории, депрессивные регионы, гравитационная модель.

DOI: 10.5922/1994-5280-2023-4-6

Введение и постановка проблемы. Сельское хозяйство – одна из первичных отраслей экономики, обеспечивающая продовольственную безопасность и социально-экономическую стабильность стран. Российская Федерация является участником многих организаций надгосударственной интеграции. В последнее время на ведущую роль по значимости выходит созданный в 2015 г. Евразийский экономический союз (ЕАЭС), в котором условия общего сельскохозяйственного рынка позволяют более эффективно реализовывать факторы производства, повышать востребованность готовой продукции и рентабельность производства [10]. Также ключевым надгосударственным образованием, в которое входит Российская

Федерация, является Союзное государство, созданное более двух десятилетий назад, объединяющее Российскую Федерацию и Республику Беларусь. В непростых условиях внешнеполитической обстановки наиболее перспективным видится сотрудничество именно дружественных стран, в результате которого новый импульс развития могут получить порубежные территории, расположенные по обе стороны от государственной границы. При этом и в Белоруссии, и в России в эти процессы могут включаться более обширные территории, особенно ощущающие влияние Минской и Московской городских агломераций [5].

В развитии сельского хозяйства по обе стороны государственной границы между

Российской Федерацией и Республикой Беларусь существуют определенные диспропорции. Так, например, в пределах белорусского сектора отмечаются более высокие показатели производства большинства видов сельскохозяйственной продукции.

Порубежные контрасты в уровне развития сельского хозяйства могут стать базисом для диффузии сельскохозяйственных инноваций из более освоенной части рассматриваемого порубежья – в менее освоенную. В связи с этим встает исследовательский вопрос о способах оценки уровня развития сельского хозяйства контрастной территории российско-белорусского порубежья. Такая постановка проблемы определяет основную цель данной статьи – поиск новых подходов к изучению сельского хозяйства территорий, однородных с точки зрения агроклиматических условий, но различающихся по институциональным условиям ведения сельскохозяйственной деятельности. Авторы полагают, что таким оптимальным способом оценки уровня развития сельского хозяйства может служить комбинирование методов профилирования, гравитационных карт и качественной оценки сельскохозяйственной специализации в зонах влияния городов разной численности населения, в первую очередь – малых городов, которых на этой территории относительно много.

В качестве полигона исследования было взято порубежье в пределах межстоличного пространства Москвы и Минска – регионы, расположенные как вдоль условной линии Минск – Москва, так и прилегающие к ним территории, схожие по природно-климатическим и социально-экономическим условиям.

Обзор ранее выполненных исследований. Сельское хозяйство приграничных территорий в последние десятилетия является объектом изучения многих специалистов, особенно экономико-географического профиля. Среди последних можно отметить, в первую очередь, работы отечественных географов – К.А. Морачевской и А.И. Даньшина.

К.А. Морачевская с коллегами в ходе полевых работ исследовала изменения, происходящие в молочной отрасли приграничных регионов Российской Федерации и Республики Беларусь на муниципальном уровне [13]. В ходе этих исследований вы-

яснилось, что в 2010–2016 гг. произошла значительная структурная трансформация в отраслях специализации некоторых приграничных регионов. Например, в Псковской области свиноводство стало новой отраслью специализации сельского хозяйства, сместив молочное скотоводство на второе место. Товаропроизводители белорусских приграничных регионов продолжили наращивать темпы производства молочной продукции благодаря внутренней агропродовольственной политике и экономической конъюнктуре. В то же время в пределах российских приграничных регионов наблюдалось сокращение производимых объемов. Наращивать темпы производства смогли лишь отдельные российские вертикально интегрированные компании (холдинги). По оценкам данных авторов можно сделать вывод, что в молочной отрасли приграничных регионов, как и в некоторых других отраслях сельского хозяйства, не наблюдалось значимых положительных эффектов как от приграничного положения, так и от новых рыночных возможностей [13].

А.И. Даньшин изучал развитие сельского хозяйства Смоленской области, которая находится в пространстве между Москвой и Минском [4]. Автор пришел к выводу, что этот регион не испытывает значимых выгод от своего экономико-географического положения, а развитие сельского хозяйства в нем носит скорее случайный характер, так как оно связано с реализацией только отдельных, в большей степени несистемных инвестиционных проектов [4]. Положение в сельском хозяйстве Смоленской области во многом отражают и большинство других приграничных регионов российского сектора, которые на данном этапе обладают «двойной» периферийностью по отношению к основным рынкам сбыта продукции и слабо реализовывают выгоды своего приграничного положения.

Важные позиции в изучении сельского хозяйства приграничных территорий занимают работы белорусских авторов. Так, Г.В. Ридевский в совместной работе с А.П. Катровским исследовал тенденции развития и трансформации отраслевой и территориальной структуры сельского хозяйства российско-белорусского приграничья [9]. Авторы отмечают кризисное до 2015 г. развитие сельского хозяйства российско-

белорусского приграничья, которое особенно сильно проявилось в регионах российского сектора приграничья вследствие меньшей, по сравнению с белорусскими регионами, выраженностью государственной поддержки аграрного сектора экономики. В то же время, несмотря на кризисный характер развития, в регионах приграничья наблюдался восстановительный рост сельскохозяйственного производства, который начался в 2005 г. в белорусских и в 2010 г. – в российских регионах. Также авторами отмечается, что основными производителями продукции в обоих секторах приграничья являются сельскохозяйственные организации. Рассматривая закономерности трансформации территориальной структуры сельскохозяйственного производства, авторы отмечают опережающий рост производства в пригородных районах, которые стали основными драйверами развития сельского хозяйства. При этом в периферийных районах, наиболее пострадавших от перехода к рыночной экономике, уровень производства остается ниже показателей 1990 г. Дальнейшая аграрная политика, по мнению авторов, заключается в стимулировании развития сельского хозяйства как в пригородных, так и в периферийных территориях.

В работе Л.В. Козловской отмечена важная роль восточных регионов Республики Беларусь в хозяйственном комплексе всей страны [11]. Белорусский исследователь В.Н. Блохин в своей работе, посвященной проблемам и перспективам развития сельских территорий, находящихся в пределах российско-белорусского приграничья, отмечает, что сельское хозяйство данных территорий в целом нерентабельно и депрессивно. При этом в пределах белорусского сектора меры государственной поддержки аграриев столь значительны, что превышают доходы, приносимые сельскохозяйственной отраслью [2].

Подчеркнем, что в данной работе исследование уже достаточно изученного пространства осуществляется другими методами, в том числе чаще используемыми в пограничных с географией науках, позволяющими более четко выделить факторы, влияющие на развитие сельского хозяйства в этой приграничной полосе. Кратко охарактеризуем некоторый опыт их применения для других целей исследования.

Остановимся, прежде всего, на гравитационных моделях в географических исследованиях, которые являются прямым переложением физических моделей, адаптированных для социально-экономических процессов. Такое направление в 1960-х гг. получило название «социальной физики». Пионерными в этой области стали работы В. Рейли о розничной торговле, где использовались принципы теории поля, которое тем более напряжено, чем ближе располагаются в пространстве торговые точки [21]. Аналогичные положения применялись исследователями для анализа процессов территориальной концентрации населения в условиях стремительной урбанизации XX в. К этому периоду относятся прикладные исследования о влиянии городов на окружающую территорию и друг на друга [24]. Более системно физические принципы в переложении на географические исследования представлены в работах Дж. Стюарта [23], согласно которым все объекты взаимодействуют с другими объектами в пространстве таким образом, что сила взаимодействия между ними прямо пропорциональна их массе и обратно пропорциональна расстоянию между ними. Американский ученый В. Варнц, с помощью одной из первых электронно-вычислительных машин построил подробную карту потенциала поля расселения в США, используя данные по более чем 3 тыс. географических точек [25]. Ю.В. Медведков во многом открыл для отечественной социально-экономической географии методы «социальной физики», опубликовав несколько обзорных работ по новым зарубежным методам [12]. Впоследствии отечественные исследователи совершенствовали способы отображения потенциальных полей, не меняя концептуальную основу применяемых методов. Таким образом, исследования Дж. Стюарта стали базисом для работ отечественных исследователей (С.А. Ковалев и О.А. Евтеев), посвященных потенциалу поля расселения в 1960-х гг. [7].

В третьей четверти XX в. в западной социально-экономической географии наступило время смены парадигм – на смену строгому номотетическому подходу пришли гуманизация и субъективизация исследований. Однако роль количественных исследований оставалась значительной. К этому периоду относятся одни из фунда-

ментальных трудов по гравитационным потенциалам и особенностям их применения в географии. Так, Д. Рич постулировал принципы применения потенциальных моделей в социально-экономической географии [22]. Согласно этим принципам, для работы с потенциальными полями необходимо выбрать подходящие операционно-территориальные единицы, для которых собирается исходная информация, определяющая условную массу в числителе формулы гравитационного потенциала. Сами потенциальные поля при этом могут рассчитываться как в физическом пространстве, так и по сети автомобильных и железных дорог. При распространении полей «напрямую» необходимо вводить поправочные коэффициенты – так называемые показатели «трения среды» [26]. Подобно остальным физическим полям, на потенциальные поля, создаваемые географическими объектами, можно применить принцип суперпозиции, и таким образом учесть влияние сразу нескольких источников друг на друга.

Современные работы, в которых находят применение потенциальные поля, характеризуются преимущественно социологической направленностью. Так, Б. Джоунс с помощью потенциальных полей расселения прогнозировал будущее сосредоточение населения [19]. Н. Миддлтон исследовал корреляции между уровнем самоубийств и местами уплотнения потенциала поля расселения [20]. Н.А. Синицин применил методику нахождения потенциала поля расселения для районирования российско-белорусского приграничья [17]. С.П. Земцов и В.Л. Бабурин в этом направлении развивают концепцию инновационного потенциала [8].

Теперь отметим методику профилирования, которая находит свое применение, прежде всего, в физической географии. В социально-экономической географии данное направление разработано слабее. Ландшафтное профилирование, как одно из ключевых в физической географии, позволяет выявить многообразие и сопряженность ландшафтных единиц, их элементов и применяется в учебно-ознакомительных целях [1]. При этом необходимо уделить особое внимание направлению профиля, выбрав его таким образом, чтобы охватить как можно большее количество элементов ландшафта. Например, стандартным является профиль через долины рек с включением частей водораз-

дела [6]. Построение физико-географического профиля проводится в несколько этапов, включающих в себя рекогносцировку и обоснование расположения реперных точек, дополнение гипсометрической основы данными о физико-географических особенностях территории исследования. Важной характеристикой физико-географических профилей является комплексность, отражение интегральных особенностей территории. В нашем случае мы предполагаем, что концептуальные основы физико-географических профилей могут лежать в основе социально-экономического профилирования, поскольку у любой территории есть не только физико-географический, но и социально-экономический ландшафт, который является результатом протекающих на территории процессов. Социально-экономические исследования территории вдоль условных линий профилей проводились и ранее. Из недавних примеров можно привести двухтомный труд под редакцией Т.Г. Нефедовой и А.И. Трейвиша «Путешествие из Петербурга в Москву. 222 года спустя» [15; 16]. В нем с помощью статистических и социологических методов изучались социокультурные и экономические особенности территории в пределах достаточной узкой полосы.

Материалы и методика исследования.

В качестве одного из основных исследовательских подходов нами был выбран метод социально-экономического профилирования, отражающий через комплекс показателей состояние сельского хозяйства на исследуемой территории. Его применение позволяет отразить зависимость показателя уровня развития сельского хозяйства (ось ординат) от ряда факторов, которые проецируются на расстояние от начальной точки (ось абсцисс). Линия исследовательского профиля нами проведена вдоль транспортной полимагистрали Минск – Москва, что позволяет отследить динамичность и мозаичность уровня развития сельского хозяйства, являющегося одним из главных компонентов социально-экономического ландшафта, как в зонах влияния городских агломераций, так и на порубежных территориях. Таким образом, для исследования была взята профиль, пересекающий межстоличное пространство с юго-запада на северо-восток и захватывающий максимальное количество порубеж-

ных территорий с относительно высоким для этих регионов уровнем развития. Также в исследование были включены и другие регионы, например, Тверская область, для того, чтобы верифицировать применяемые в работе методики и отследить пространственную трансформацию протекающих в сельском хозяйстве процессов. Основные границы вдоль линии профиля представлены в табл. 1.

Как уже было отмечено ранее, гравитационные модели и метод социально-экономического профилирования используются нами для изучения уровня развития сельского хозяйства. В основе его оценки лежит индекс развития сельского хозяйства, впервые предложенный белорусскими исследователями для изучения сельскохозяйственной функции территории [3]. Усовершенствованная методика расчета комплексного показателя развития сельского хозяйства представлена в табл. 2. Расчет велся по административным единицам низового уровня.

Показатели уровня развития сельского хозяйства представлены в виде двух блоков – «А» и «Б», отражающих как уровень развития сельского хозяйства, так и его ин-

тенсификацию в виде продуктивности в отдельных отраслях.

Выбор индикативных показателей был сделан исходя из возможностей производства определённых видов сельскохозяйственной продукции на территории и наличия доступной и сопоставимой статистической информации в каждой из стран. В связи с этим были исключены из рассмотрения показатели производства в хозяйствах населения России, так как белорусская статистика их не публикует.

При использовании нескольких индикативных показателей возникает проблема сравнимости при расчетах интегрального индекса развития сельского хозяйства. Ее можно решить путем использования относительных показателей. Так, для всех муниципальных образований, которые входят в приграничное пространство, находились средние уровни превышения производства отдельных видов продукции относительно «среднежесточичного» уровня, которые затем суммировались и усреднялись. В результате для каждого муниципального образования рассчитывался относительный

Таблица 1. Расположение границ регионов на профиле Минск – Москва

Названия регионов	Расстояние на профиле от г. Клецк, в км
Минская область	0-220 км
Могилевская область	220-350 км
Государственная граница Российской Федерации и Республики Беларусь	350 км
Смоленская область	350-630 км
Московская область	630-850 км

Источник: рассчитано авторами на основе графического построения профиля.

Таблица 2. Основные индикаторы индекса развития сельского хозяйства на профиле

Блок А. Развитие общественного сельскохозяйственного производства	Блок Б. Продуктивность общественного сельскохозяйственного производства
Объемы производства на 1000 сельских жителей, занятых в сельском хозяйстве. • Зерновых и зернобобовых • Картофеля • Овощей • Льна-долгунца • Скота и птицы на убой • Молока • Яиц	Урожайность центнеров на 1 га • Зерновых и зернобобовых • Картофеля • Льна-долгунца
	Валовые сборы на единицу техники • Зерновых и зернобобовых • Картофеля • Льна-долгунца
	Средний удой молока от одной коровы
	Средняя яйценоскость кур

Источник: составлено авторами по: [3].

интегральный уровень развития сельского хозяйства, именуемый в работе Индексом развития сельского хозяйства (ИРСХ).

Согласно применяемой методике исследования, показатель Индекса развития сельского хозяйства использовался в качестве «массы» в формуле гравитационного потенциала (1) или служил основой для построения сельскохозяйственного «псевдорельефа» с помощью TIN-преобразований, выполненных в полуавтоматическом режиме в ПО ArcGIS 10.3 для построения линий профиля:

$$A_j = \sum_{j=1}^n \frac{P_j}{D_j}, \tag{1}$$

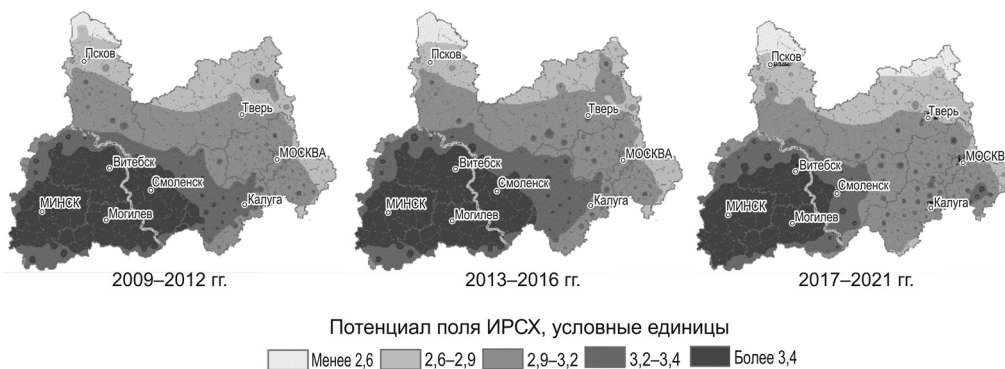
где A_j – потенциал поля явления, P_j – показатель «мощности» явления в пределах данной точки, D_{ij} – расстояние между точками.

В заключительной части исследования приводятся различия в качественной структуре сельскохозяйственного производства вокруг зон влияния крупных городов. Как известно из классических трудов, вокруг городов должно наблюдаться особое, закономерное чередование зон сельскохозяйственной специализации. Определенные различия в специализации и уровне концентрации могут быть связаны с людностью городов. Факторами, обуславливающими такое чередование, являются издержки, связанные с производством и доставкой продукции, а также ее товарными характеристиками [18]. Непосредственно у границы города располагаются высокоинтенсивные производства скоропортящейся продукции (фрукты и овощи), которые, при удалении от них, сменяются зонами лесной, мясной, экстенсивной зерновой и выгонной специализации.

Вокруг городов Нечерноземья, по мнению многих исследователей, сложился аналогичный «квазитюоновский ландшафт» [14]. Плановая экономика диктовала наличие специализации на производстве овощей и молока для сельскохозяйственных предприятий, находящихся достаточно близко от города. При удалении от городов просматривается изменение специализации на производстве продукции – картофеля и зерновых культур, занимающих значительные площади. Закреплению сложившейся специализации способствовало рассмотрение в рамках плановой экономики города и пригородного сельского хозяйства как самодостаточной системы, связанной потоками сырья и готовой продукции, а также более развитая инфраструктура вокруг городов, позволявшая доставлять и хранить скоропортящуюся продукцию местного производства [14].

Полученные результаты. Для территорий, охватывающих не только собственно ареалы, примыкающие к профилю, но и гораздо большие пространства со схожими физико-географическими условиями (Тверская и Калужская области), были построены поля потенциалов расселения и производства сельскохозяйственной продукции.

На рисунке 1 представлены результаты построения потенциальных полей уровня развития сельского хозяйства на основе используемого в работе комплексного показателя. Заметно, что в пределах белорусской части межстоличного пространства сельскохозяйственное производство характеризуется более высокими значениями показателей, чем в пределах российского сектора.

Рис. 1. Нормированные логарифмированные значения потенциала поля Индекса развития сельского хозяйства.

Источник: составлено авторами по данным [27; 28].

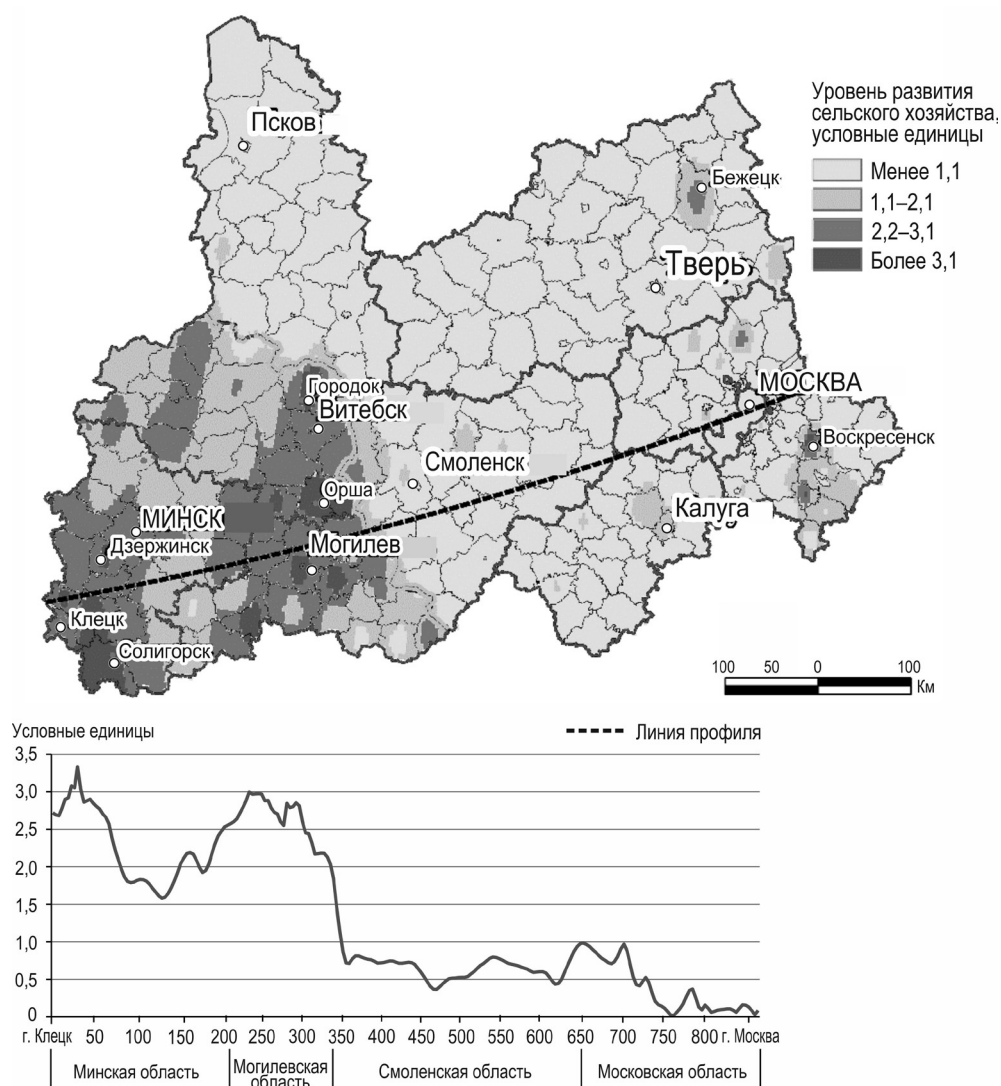

При этом с течением времени проявляется эффект «догоняющего» развития в российском секторе, заметный со временем на рисунках в виде появления очагов повышенной «напряженности» потенциальных полей. На всём протяжении рассматриваемого периода четко проявляется роль городов в формировании сельскохозяйственного пространства территории. Они на рисунке выглядят как ядра, являющиеся фокусом территории.

Гравитационная модель, используемая для оценки уровня развития сельского хозяйства, может быть дополнена методом профилирования. Редко применяемый в социально-экономической географии профиль, построенный по сельскохозяйственному

«псевдорельефу», позволяет выявить контрасты в уровне развития сельского хозяйства. Профилирование вдоль условной параллели в пределах однородного с точки зрения агроклиматических условий порубежья позволяет оценить влияние институциональных условий и центр-периферийных градиентов на развитие сельского хозяйства.

На рисунке 2 представлена территория межстоличного пространства, в пределах которой анализируется комплексный сельскохозяйственный профиль, отражающий уровень развития сельского хозяйства за 2009–2011 гг., то есть в начальный период нашего исследования. Линия профиля проходит по сельскохозяйственному «псевдо-

Рис. 2. Интерполированные значения комплексного показателя уровня развития сельского хозяйства в межстоличном пространстве и по профилю Клецк–Москва в 2009–2011 гг., условных единиц.

Источник: составлено авторами по данным: [27; 28].

рельефу» и отражает значения Индекса развития сельского хозяйства в пределах тех регионов, которые он пересекает. Полученные данные при профилировании подтверждают тезис о более высоком уровне сельскохозяйственного производства в пределах белорусского сектора, где наблюдается формирование своеобразных сельскохозяйственных кластеров – Клецко-Солигорского и Оршанско-Могилевского. В российском секторе развитие сельского хозяйства более поляризовано в пространстве, среди лидеров выделяются Бежецкий район Тверской области и Воскресенский район Московской области. На рисунке 3 представлен собственно комплексный профиль уровня развития сельского хозяйства за рассматриваемый начальный период.

На нем заметны «провалы» в районе 350 км от г. Клецк в Республике Беларусь (приурочен к пересечению государственной границы) и в районе 750 км (начало Московской агломерации).

В целом, в начале 2010-х гг. разрыв между максимальными и минимальными значениями уровня развития сельского хозяйства был незначителен. В дальнейшем он увеличивался, что говорит о нарастающем эффекте поляризации в развитии сельского хозяйства приграничных областей России и Белоруссии. «Провалы» профиля, приуроченные к зонам агломераций в российском секторе, говорят о том, что в его пределах не наблю-

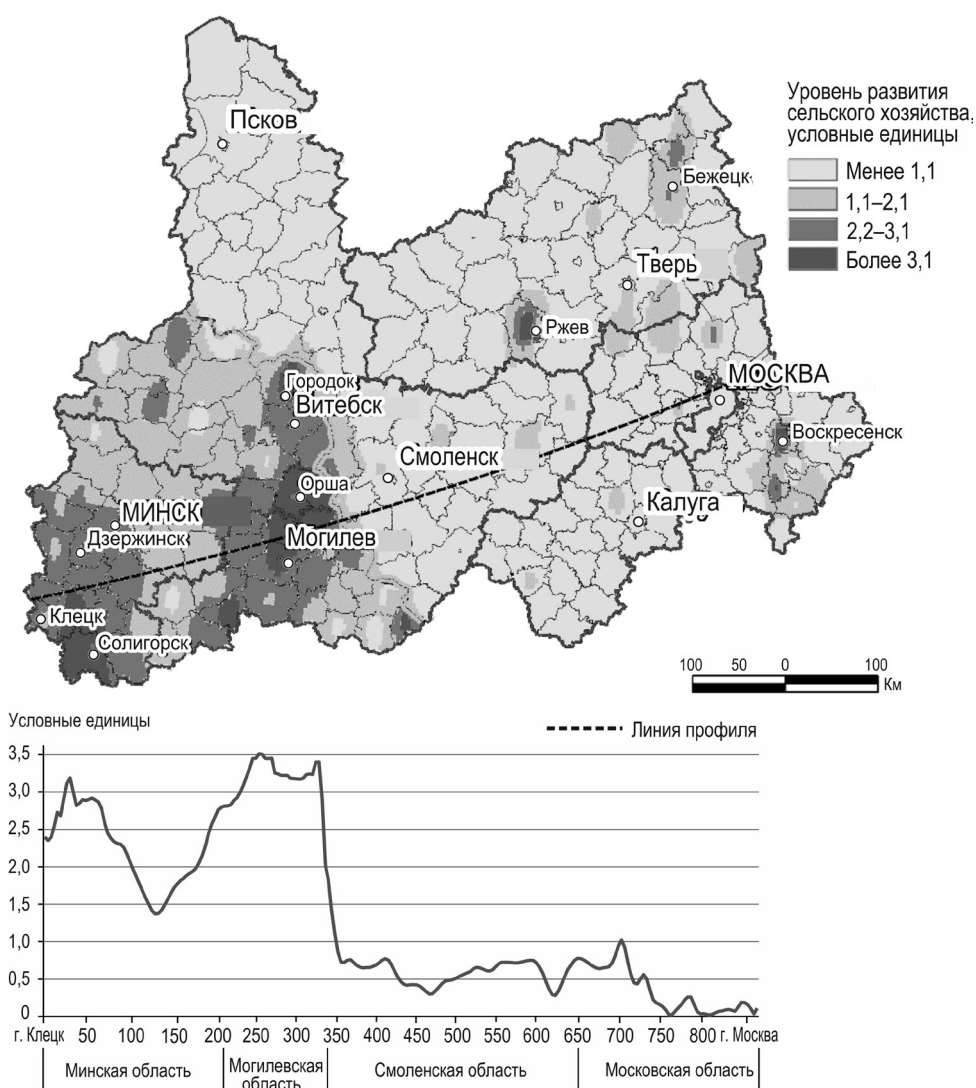

Рис. 3. Интерполированные значения комплексного показателя уровня развития сельского хозяйства в межстоличном пространстве и по профилю Клецк–Москва в 2013–2015 гг., условных единиц.

Источник: составлено авторами по данным: [27; 28].

дается свойственный белорусскому сектору эффект «аглополизации», проявляющийся в более интенсивном развитии сельского хозяйства в зоне влияния городов.

На рисунке 3 показан уровень развития сельского хозяйства в середине 2010-х гг., когда в российском секторе межстоличья начинает активно проводиться политика импортозамещения. Появляются новые очаги роста, например, Ржевский район Тверской области, с усиливающейся специализацией на мясном птицеводстве. Очертания линии профиля в целом не отличаются от

предыдущих, однако разница между максимальными и минимальными значениями увеличивается.

В конце 2010-х гг. в российском секторе межстоличья появляются новые очаги роста – Спировский район Тверской области (производство картофеля и молока), Людиновский район Калужской области (производство овощей), а также Усвятский район Псковской области (свиноводство) (рис. 4). Общая форма профиля свидетельствует о продолжающемся процессе поляризации производства (см. рис. 4).

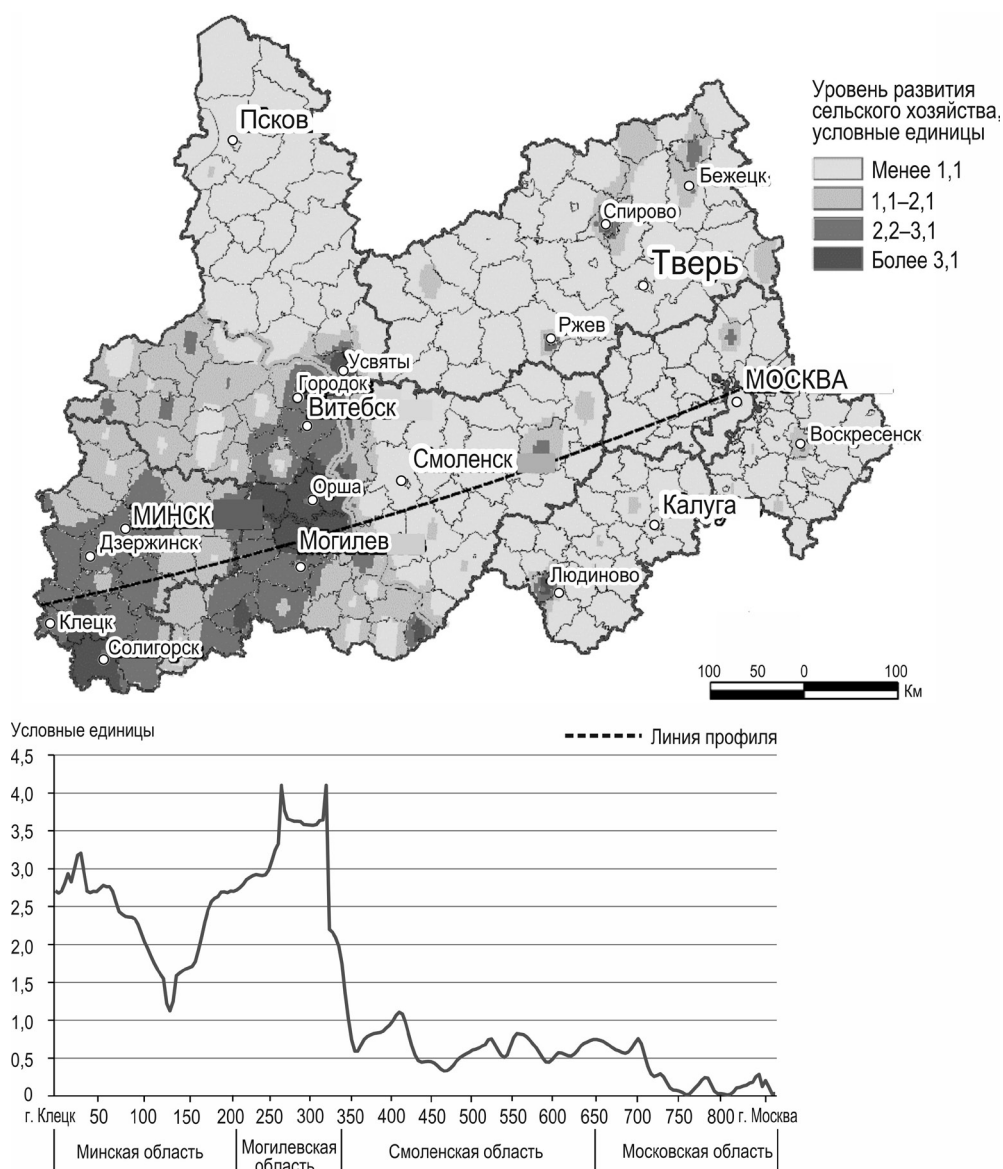
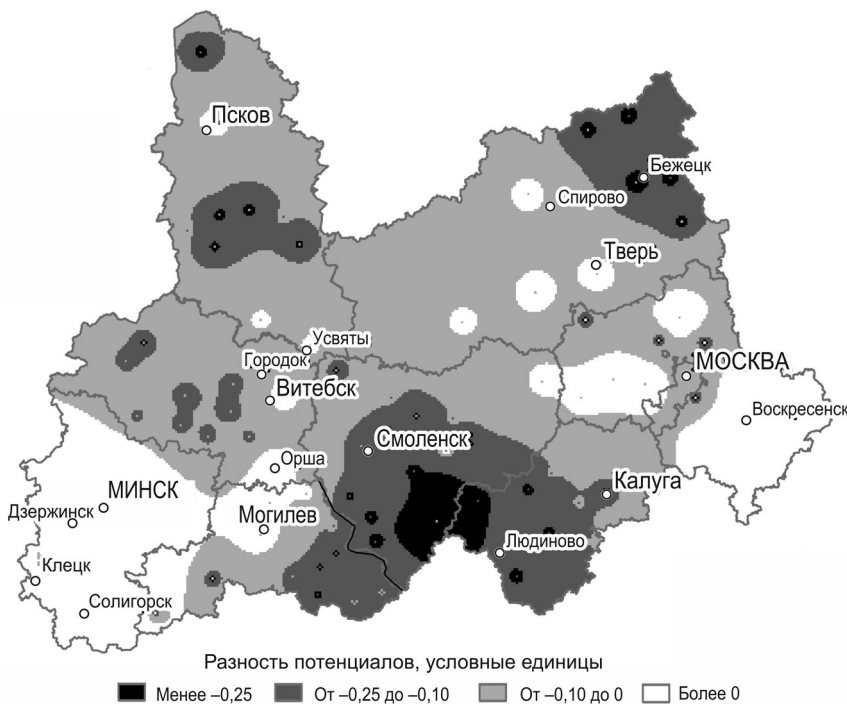

Рис. 4. Интерполированные значения комплексного показателя уровня развития сельского хозяйства в межстоличном пространстве и по профилю Клец–Москва в 2017–2019 гг., условных единиц.

Источник: составлено авторами по данным: [27; 28].

На рисунке 5 отражена динамика развития сельского хозяйства на протяжении всего рассматриваемого периода. Белый цвет на карте означает положительную разность потенциальных полей развития сельского хозяйства. В пределах изучаемой территории более быстрыми относительными темпами развивалось сельскохозяйственное производство в пределах двух пристоличных агломераций – Минской и Московской. При этом происходил процесс деградации сельскохозяйственного производства в периферийных

частях приграничья – на северо-западе Тверской области, в центральной части Псковской области и на стыке Смоленской и Калужской областей. Эти территории продолжают испытывать эффект «двойной периферийности», преодолеть влияние которого может только направленная диффузия инвестиций и сельскохозяйственных инноваций из центров развития сельского хозяйства. В этих частях рассматриваемой территории отсутствует эффект влияния города, в данном случае малого города, на концентрацию сельского хозяйства.

Рис. 5. Разность потенциальных полей Индекса развития сельского хозяйства в пределах межстоличного пространства за период 2017–2021 и 2009–2012 гг.

Источник: составлено авторами по данным: [27; 28].

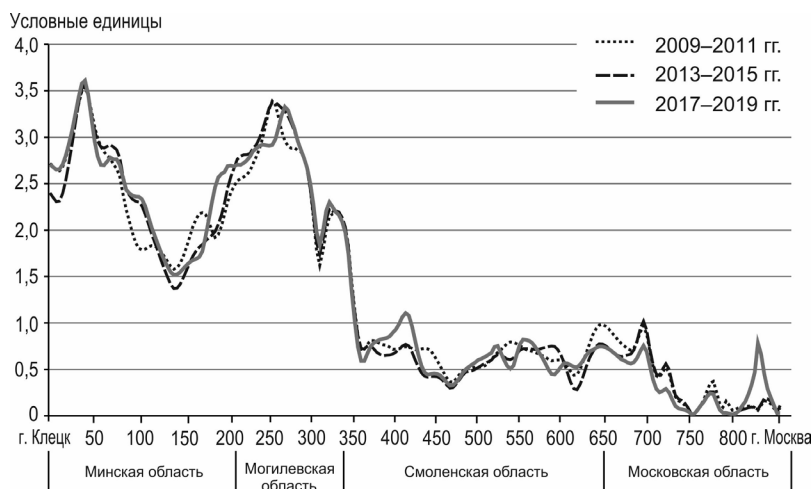
При сопоставлении профилей за различные временные отрезки становится заметна более выраженная флуктуация в уровне развития сельского хозяйства, обусловленная моноотраслевой специализацией (рис. 6).

Карты потенциалов и профилирование показывают значимость некоторых городов в развитии сельского хозяйства в этой части нечерноземной зоны. Города продолжают оставаться центрами этого развития. В какой-то степени «фокусность» города приводит к формированию «концентрических окруж-

ностей» специализации. При существующей интенсивности сельского хозяйства можно говорить о похожести современных колец специализации сельского хозяйства на кольца в модели И. фон Тюнена.

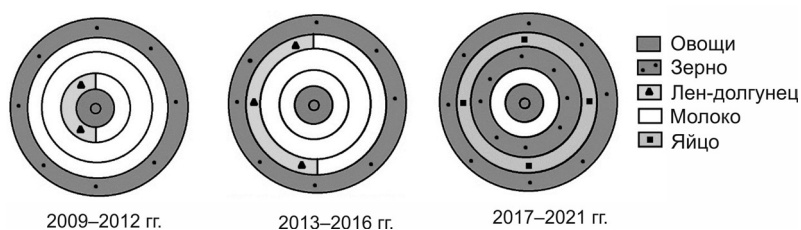
Наиболее близко к тюненовской модели оказывается распределение поясов сельскохозяйственной специализации вокруг городов с населением от 100 тыс. чел. и выше (рис. 7). Для других городских населенных пунктов пригородная специализация становится сильно размытой. В районах «двойной

Рис. 6. Сравнительная характеристика сельскохозяйственных профилей межстоличного пространства за различные временные отрезки.

Источник: составлено авторами по данным: [27; 28].

Рис. 7. Ведущая сельскохозяйственная специализация муниципалитетов межстоличного пространства при удалении от крупных городов в схематичном виде.

Источник: составлено авторами.

периферийности» малый город сливается с сельской местностью, поэтому отражается только фоновая специализация сельского хозяйства (агроклиматический и почвенный потенциал + депопуляция населения).

В ходе исследования было выявлено, что вокруг городов с населением от 100 тыс. чел. и выше при удалении от центра высокоинтенсивное пригородное овощеводство сменяется скотоводством молочного направления и затем менее интенсивным площадным зерновым хозяйством. На протяжении рассматриваемого периода специализация сельского хозяйства также менялась – зерновые и овощеводческие хозяйства вытесняли хозяйства молочного и мясного направления.

Выводы. Сельское хозяйство приграничных регионов Российской Федерации и Республики Беларусь контрастно по уровню своего развития. Использование гравитационной модели в исследовании сельского

хозяйства приграничных территорий позволило сделать одних из основополагающих выводов – более высокие показатели сельскохозяйственного производства наблюдаются в пределах белорусского сектора. Верифицировать эти данные позволило построение профиля вдоль транспортного инфраструктурного коридора Минск – Москва.

Существенная разность потенциалов сельскохозяйственной освоенности территории Белоруссии и России в пределах рассматриваемого ареала обуславливает необходимость диффузии сельскохозяйственных технологий с белорусской стороны на российскую, что возможно при сближении экономик Союзного Государства.

Основанная на фундаментальных разработках физической географии методика профилирования была успешно адаптирована под поставленные в рамках исследования задачи. Расчет потенциала полей и профилирование, проводившиеся за различные

временные отрезки, позволил выявить различающиеся для двух стран процессы трансформации сельского хозяйства в межстоличном пространстве за последние 10 лет: процессы «аглополизации» в Белоруссии и запаздывание в интенсификации сельскохозяйственного производства в России. Кроме того, профилирование позволило выделить территории с опережающим развитием сельского хозяйства – Оршанско-Могилевский и Клецко-Солигорский агрокластеры в пределах белорусских регионов. Помимо выявления территорий с более развитым сельским хозяйством, профилирование позволило визуализировать существующий фоновый разрыв в развитии агропроизводства между белорусскими и российскими приграничными регионами. По некоторым товарным категориям, входящим в состав индекса развития сельского хозяйства, который лежит в основе сельскохозяйственного «псевдорельефа» для профилирования, разрыв в уровне производства был кратным.

Гравитационные модели являются важным дополнением в изучении сельского хозяйства приграничных территорий. В пределах российского сектора уровень развития сельского хозяйства ниже, чем в пределах белорусского сектора, но модели помогли оценить масштаб данного явления вне привязки к замкнутым административным границам и расширить изучаемый объект за пределы линий профиля. Так, благодаря моделям удалось отследить догоняющее развитие сельского хозяйства

в пределах российских приграничных регионов. Кроме того, гравитационные модели позволили выявить разное влияние городов на развитие сельского хозяйства окружающих территорий.

Наличие отдельных фокусных точек (городов) в развитии сельского хозяйства потребовало дополнительного анализа влияния городов на сельское хозяйство. При этом наиболее четко это влияние проявляется именно в пределах центр-периферийных отношений крупных городов, тогда как малые городские населенные пункты «растворяются» в пространстве невыраженного сельскохозяйственного производства.

Расчет специализации на основе «квazi-тюненовских колец» проиллюстрировал изменение специализации сельскохозяйственного производства при удалении от крупных городов, а в динамике дал четкую приуроченность молочно-овощной специализации к городам в начальный период исследования и постепенное замещение ее менее интенсивным зерновым хозяйством при сохранении тепличной отрасли. При этом общее распределение зон специализации соответствовало теоретическому.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-27-00357 «Малый город в приграничных с Белоруссией регионах России: новая миссия и функции в эпоху неоиндустриальных трансформаций»; <https://rscf.ru/project/23-27-00357/>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беручашвили Н.Л., Жучкова В.К. Методы комплексных физико-географических исследований. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. 320 с.
2. Блохин В.Н. Проблемы и перспективы развития сельских территорий российско-белорусского приграничья // Россия: тенденции и перспективы развития. 2015. № 10 (3). С. 491–496.
3. Гусенок М.И. Территориальные особенности развития сельского хозяйства в районах Витебской области // Весці БДПУ. Серыя 3. Фізіка. Матэматыка. Інфарматыка. Біялогія. Геаграфія. 2017. № 1. С. 40–45.
4. Даньшин А.И. Сельское хозяйство Смоленской области в межъядерном пространстве Минской и Московской агломераций // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика 2021: Сб. науч. статей VII Всеросс. научн. конф. с междунар. участием (Смоленск, 15–17 октября 2021 г.). Смоленск: Смол. гос. ун-т, 2021. С. 251–258.
5. Даньшин А.И., Радикевич А.В. Метод экономико-географического профилирования сельского хозяйства для территорий с контрастными показателями развития // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Науки о Земле. 2022. Т. 67. № 1. С. 97–113.
6. Дьяконов К.Н., Касимов Н.С., Тикунов В.С. Современные методы географических исследований. М.: Просвещение, 1996. 207 с.
7. Евтеев О.А., Салищев К.А. Социально-экономические карты в комплексных региональных атласах. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. 168 с.
8. Земцов С.П. Инновационный потенциал регионов России: дисс. ... канд. геогр. наук: 25.00.24 / МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2013. 233 с.

9. Катровский А.П., Ридевский Г.В. Сельское хозяйство российско-белорусского приграничья: тенденции развития и трансформация отраслевой и территориальной структуры // Региональные исследования. 2017. № 4. С. 105–115.
10. Киселев С.В., Ромашкин Р.А. Развитие сельского хозяйства в Евразийском экономическом союзе: достижения, вызовы и перспективы // АПК: экономика, управление. 2020. № 1. С. 74–90.
11. Козловская Л.В. Социально-экономическая география Беларуси. Курс лекций. Ч. 1. Условия и факторы социально-экономического развития и территориальной организации хозяйства Беларуси. Мн: БГУ, 2002. 108 с.
12. Медведков Ю.В. Экономгеографическая изученность районов капиталистического мира. Вып. 2: Применение математики в экономической географии. М.: ВИНТИ, 1965. 162 с.
13. Морачевская К.А. и др. Адаптация молочной отрасли регионов российско-белорусского приграничья к политическим и экономическим изменениям 2010-х годов // Региональные исследования. 2017. № 4. С. 115–125.
14. Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. М.: Новое издательство, 2003. С. 24–45.
15. Путешествие из Петербурга в Москву: 222 года спустя. Кн. 1: Два столетия российской истории между Москвой и Санкт-Петербургом. Сост. и научн. ред. Т.Г. Нефедова, А.И. Трейвиш. М.: ЛЕНАНД, 2015. 240 с.
16. Путешествие из Петербурга в Москву: 222 года спустя. Кн. 2: Путешествие из Петербурга в Москву в XXI веке (по итогам экспедиции 2013 года). Сост. и научн. ред. Т.Г. Нефедова, К.В. Аверкиева. М.: ЛЕНАНД, 2015. 346 с.
17. Синицын Н.А. Районирование российско-белорусского пограничья с использованием метода демографического потенциала // Региональные исследования. 2021. № 2. С. 32–47.
18. Тюнен И. Изолированное государство. М.: Экономическая жизнь, 1926. 340 с.
19. Jones B. Assessment of a gravity-based approach to constructing future spatial population scenarios // Journal of Population Research. 2014. № 31 (1). P. 71–95.
20. Middleton N., Gunnell D., Frankel S., Whitley E., Dorling D. Urban–rural differences in suicide trends in young adults: England and Wales, 1981–1998 // Social Science & Medicine. 2003. № 57 (7). P. 1183–1194.
21. Reilly W.J. Methods for the study of retail relationships // University of Texas bulletin. 1929. № 2944. P. 7–50.
22. Rich D.C. Potential Models in Human Geography. Norwich: University of East Anglia Publ., 1980. 38 p.
23. Stewart J.Q. Demographic gravitation: evidence and applications // Sociometry. 1948. Vol. 11. № 1/2. P. 31–58.
24. Stewart J.Q. An inverse distance variation for certain social influences // Science. 1941. Vol. 93. P. 89–90.
25. Wartz W.A. New map of the surface of population potentials for the United States, 1960 // Geographical Review. 1964. Vol. 54. № 2. P. 170–184.
26. Wejnert B. Integrating models of diffusion of innovations: A conceptual framework // Annual Review of Sociology. 2002. Vol. 28. № 1. С. 297–326.
27. Портал статистического комитета республики Беларусь [Электр. ресурс]. URL: <http://dataportal.belstat.gov.by/Indicators/Constructor?key=140464> (дата обращения 11.08.2023).
28. Портал Федеральной службы государственной статистики [Электр. ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения 11.08.2023).

Статья поступила в редакцию журнала 9 сентября 2023 г.

Об авторах:

Даньшин Александр Иванович – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва; старший научный сотрудник Смоленского государственного университета, г. Смоленск.

Радикевич Андрей Витальевич – аспирант кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва.

Для цитирования:

Даньшин А.И., Радикевич А.В. Комплексная оценка развития сельского хозяйства российско-белорусского приграничья // Региональные исследования. 2023. № 4. С. 66–79.

DOI: 10.5922/1994-5280-2023-4-6

Comprehensive assessment of agricultural development in the Russia-Belarus border region

A.I. Danshin^{1,2*}, A.V. Radikevich^{1**}

¹Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Moscow, Russia

²Smolensk State University, Faculty of Natural Geography, Smolensk, Russia

*e-mail: alivda@yandex.ru

**e-mail: radikevich1998@mail.ru

The main goal of this work is to search for new approaches to the study of agriculture in territories within which there are contrasts in the level of agricultural development in particular and the level of socio-economic development in general. The work uses methods of gravitational fields and economic-geographical profiling along the conventional line Minsk - Moscow, and also tests for the current state of agriculture the approach to assessing the agricultural specialization of territories, first proposed by I. von Thünen. The level of agricultural development, assessed using these methods, is presented in ten-year dynamics. The use of these methods made it possible to identify both poles of agricultural growth and depressed areas that lag behind in terms of the level of agricultural development and require the use of special instruments of institutional and socio-economic policy to support the agricultural industry. As a result of applying profiling techniques and building potential models within the Republic of Belarus, it was possible to identify two poles of agricultural growth, as well as assess the level of gap in agricultural indicators when crossing the border. It has been established that in recent years, within the Russian sector of the border area, there has been an accelerated development of agriculture, due to the policy of import substitution in key agricultural sectors. At the same time, the agriculture of the border region, in general, being on the periphery of the countries, underrealizes the potential of the geographical location between the two largest sales markets of the Union State and currently needs more intensive development. Another conclusion is the correspondence of the agricultural specialization of the regions of Mezhsapital to the one identified in the works of J. von Thünen according to theoretical ideas about the specialization of agricultural production at a distance from large cities.

Keywords: agriculture, profiling, Union State, border territories, depressed regions, gravitational model.

Funding: the study was supported by the grant of the Russian National Fund № 23-27-00357 «A small town in the Russian regions bordering Belarus: a new mission and functions in the era of neo-industrial transformations»; <https://rscf.ru/project/23-27-00357/>.

Received 09.09.2023

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ КРУПНЫХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ НА РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В РЕГИОНАХ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

© 2023 г. К.В. Демидова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
географический факультет, Москва, Россия
e-mail: metsan_henki@mail.ru*

В статье соотносится динамика инвестиций в муниципальных образованиях Красноярского края, Иркутской области, Республики Хакасия, где реализуются крупные инвестиционные проекты, и изменение зависимости их экономики от производственного сектора в ходе реализации инвестиционных проектов. Показано, что они обусловлены стадией реализации проекта, его типом и уровнем изначальной экономической базы муниципалитета. Проекты начинают влиять на показатель зависимости экономики муниципалитетов от производственного сектора начиная с инвестиционной фазы, когда активизируется деятельность в области строительства, транспорта, ремонта. На этапе снижения потока инвестиций он может уже не снижаться в связи с запуском предприятий. Влияние проекта заметнее для менее освоенных территорий, что связывается с эффектом «низкой» базы, а для городских округов эффект «размывается» или отражается на третичном секторе. В случае проектов модернизации и реконструкции действующих мощностей эффект во время инвестиционной фазы может быть негативным, поскольку реализация проектов сопряжена с временным выводом из эксплуатации части оборудования. Но после окончания инвестиционной фазы он является наибольшим для экономики с уровнем «высокой» базы, и более комплексным, отражаясь на сформировавшейся за время функционирования предприятия системе обслуживающих отраслей.

Ключевые слова: экономические эффекты, муниципальные образования, инвестиционные проекты, промышленное производство, Восточная Сибирь.

DOI: 10.5922/1994-5280-2023-4-7

Введение и постановка проблемы. Реализация крупных проектов является одним из значимых инструментов регионального развития. Через механизм мультипликатора они могут задействовать целый ряд как отраслей местного значения, так и отраслей специализации региона. Процесс инвестирования, а вслед за ним – и этапы влияния проекта на территорию, не являются равномерными и подразделяются на прединвестиционную, инвестиционную и эксплуатационную фазы. Так, эффекты и задействованные отрасли различаются для инвестиционной фазы, в ходе которой ведётся строительство или реконструкция предприятия, и для фазы после выхода проекта в промышленную эксплуатацию.

Проявление эффектов может сильно различаться в зависимости от масштаба и диверсифицированности экономики муниципального образования (далее – МО). Так, например, экономика малоосвоенных районов Крайнего Севера может не получить эффекта по ряду отраслей, сопряжённых с реализацией проекта, ввиду их неразвито-

сти на этой территории. В то же время проект может стать фактором становления той или иной отрасли для этих районов. Для крупных промышленных центров (как городов, так и районов) существует возможность вовлечения в проект большего числа отраслей, причем эти отрасли могут быть связаны с производством продукции более высокого передела, но в то же время влияние проекта может оказаться «незаметным» для территории ввиду большого количества функционирующих на ней промышленных и непромышленных акторов.

В последние два десятилетия на территории Восточной Сибири реализовано большое количество крупных (более 1 млрд руб.) инвестиционных проектов, прежде всего направленных на эксплуатацию местных природных ресурсов. Среди них, например, освоение Куломбинского и Юрубчено-Тохомского нефтегазовых месторождений, Ванкорской группы нефтегазовых месторождений, строительство Богучанской ГЭС и Богучанского алюминиевого завода и др. в Красно-

ярском крае; разработка Верхнечонского, Ярактинского, Марковского и Даниловского нефтегазовых месторождений, строительство Тайшетского алюминиевого завода в Иркутской области и др.

В данном исследовании предлагается оценить влияние крупных инвестиционных проектов на развитие производственного комплекса МО, в которых они осуществляются, через определение изменения уровня зависимости экономики указанных МО от отраслей данного сектора на разных стадиях реализации проектов. В рамках исследования рассматриваются три региона Восточной Сибири: Красноярский край, Иркутская область, Республика Хакасия.

Обзор ранее выполненных исследований. К настоящему моменту существует большое количество исследований экономистов, оценивающих эффекты от реализации проектов. Преимущественно они базируются на использовании межотраслевого баланса. Изначально исследования посвящались расчёту мультипликатора от проектов на макроэкономическом уровне. Так, например, в конце 1990-х гг. коллектив под руководством А. Арбатова впервые рассчитал для России мультипликатор нефтегазовых проектов [14]. А. Конопляник оценивал макроэкономические эффекты от реализации проектов с соглашениями о разделе продукции [5].

На основе модели «Затраты–выпуск» в мире и России создан ряд моделей, оценивающих региональные экономические эффекты и прогнозирующих социально-экономические изменения. Среди зарубежных

моделей необходимо выделить RIMS и RIMS II (Regional Industrial Multiplier System – метод оценки региональных мультипликаторов), IMPLAN (Impact Analysis for Planning – анализ влияния для планирования), REMI (Regional Economic Impact Model – региональная модель экономического воздействия). Их краткое сравнение приведено в таблице 1 [13; 15; 16; 17].

В России также существуют подобные модели. Их создание связано с именами А.Г. Аганбегяна и А.Г. Гранберга [2] и Институтом экономики и организации промышленного производства СО РАН (ИЭОПП СО РАН). Изначально создаётся оптимизационная межрегиональная межотраслевая модель (ОМММ), которая впоследствии получает большое развитие и дорабатывается. Она служит ядром, лежащим в основе проекта СИРЕНА (синтез региональных и народнохозяйственных решений), который получил развитие в 1980-е гг. и используется для определения приоритетов региональной социально-экономической политики [10].

К настоящему времени созданы отраслевые (то есть между базовым рассматриваемым сектором и связанными с ним отраслями) региональные модели. Среди них особенно развиты модели для топливно-энергетического комплекса (ТЭК). Например, модельные комплексы СИБАРП (система балансовых расчётов на перспективу); ИМПАКТ – комплекс, созданный в Институте систем энергетики имени Л.А. Мелентьева, рассматривающий развитие ТЭК и влияющие на него факторы, а также динамику прямых затрат сектора и затрат в сопряжённых

Таблица 1. Сравнение некоторых особенностей моделей RIMS II, IMPLAN, REMI

Модель	Эффекты (мультипликаторы)	Источники данных	Переход на региональный уровень
RIMS II	Объём выпуска. Доходы. Занятость. Добавленная стоимость.	Таблицы национальных счетов Затраты-выпуск	Коэффициенты расположения отрасли
IMPLAN	Объём выпуска. Занятость. Доход работников. Добавленная стоимость.	Как таблицы затраты-выпуск, так и отраслевая статистика на уровне страны и штатов (данные министерств и ведомств)	Коэффициент отношения добавленной стоимости к общему объёму производства
REMI	Объём выпуска. Занятость. Доход работников. Добавленная стоимость. Объём налоговых поступлений.	Как таблицы затраты-выпуск, так и отраслевая статистика на уровне страны и штатов (данные министерств и ведомств)	Корректировка на рассчитываемые региональные показатели трудоёмкости и совокупной факторной производительности

Источник: составлено автором.

с ним секторами; и некоторые другие [12]. Одной из последних моделей, разработанных для прогнозирования социально-экономического развития нефтегазового региона, является модель Oil&Socio-2 [9].

Кроме того, есть опыт по «регионализации» таблиц «Затраты–выпуск», то есть построения усечённых таблиц для регионов России, реализованный в работах Ю. Пономарёва и Д. Евдокимова [6; 7].

Оценка эффектов и определение обуславливающих их факторов также активно осуществляется эконометрическими методами. Примером могут послужить работы С.П. Земцова с соавторами [3; 8], где оценивается влияние появления новых предприятий на занятость, определяются факторы динамики занятости в малом и среднем бизнесе в регионах России и др.

Однако несмотря на то, что экономические модели стремятся к расчёту и прогнозу эффектов для конкретных территорий и способны лучше оценить косвенные и индуцированные эффекты, они не предоставляют информации на внутрирегиональном уровне, концентрируясь на уровне регионов. Эконометрические же методы требуют большого объёма статистического материала, который на внутрирегиональном уровне ограничен. Таким образом, рассмотрение влияния реализации крупных проектов на экономику непосредственно тех муниципальных районов и городов, где они реализуются, затрагивается в исследованиях редко.

Материалы и методика исследования.

Для определения уровня возможного влияния проектов на каждый конкретный муниципалитет определялась степень зависимости его экономики от производственного сектора до, в процессе и после реализации проектов. По уровню изначальной зависимости МО разделены на четыре группы: высокий, повышенный, средний и слабый. Зависимость рассматривалась на внутрирегиональном уровне, то есть расчёты для каждого МО производились относительно других МО того же региона.

Поскольку данные по объёму отгруженной продукции на муниципальном уровне доступны только с 2014 г., когда эффекты от реализации проектов уже начались для большинства рассматриваемых МО, используется только два показателя, характеризующих уровень развития промышленности:

1. Отношение выручки организаций муниципалитета в «производственных» ВЭД к выручке организаций торговли (коды ВЭД 45-47 ОКВЭД-2); источником выступает База данных «СПАРК-Интерфакс».

2. Отношение занятых в производственных отраслях к занятым в сфере «Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование»; источник данных – База данных муниципальных образований Росстата.

Необходимо пояснить различия в знаменателях показателей. Соотношение с торговлей связано с тем предположением автора, что уровень выручки в торговле является индикатором промышленной «развитости» МО, то есть доля торговли выше там, где меньше промышленных предприятий или они развиты слабо и не оказывают значимого влияния на экономику. В случае занятости оценка производилась в другом аспекте: по предположению автора, большая доля занятых в государственном управлении является индикатором отсутствия других мест приложения труда на территории. Аналогична ситуация и с сектором торговли, но в данном случае сделана попытка через данные показатели оценить две разные сферы, кроме того, если бы в обоих случаях использовалась, например, торговля, то фактически её значение бы «удваивалось».

Название «производственные» ВЭД в данном случае условно, поскольку сюда включается не только непосредственно промышленность, но и те отрасли реального сектора, которые могут быть наиболее активно задействованы в ходе реализации проектов – транспорт, телекоммуникации, инженерное проектирование и др.¹ По этим же группам отраслей определялась специализация муниципальных образований.

¹ К «производственным» ВЭД отнесены коды 2–74, за исключением ВЭД 3 (рыболовство), 12 (производство табачных изделий), 32 (производство прочих готовых изделий), 45–47 (торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов); 53 (деятельность почтовой связи и курьерская деятельность), 55–56 (деятельность гостиниц и предприятий общественного питания), 58 (деятельность издательская), 59 (производство кинофильмов, видеофильмов и телевизионных программ, издание звукозаписей и нот), 60 (деятельность в области телевизионного и радиовещания), 64–66 (деятельность финансовая и страховая), 68 (деятельность по операциям с недвижимым имуществом), 69 (деятельность в области права и бухгалтерского учета), 73 (деятельность рекламная и исследование конъюнктуры рынка). Те производственные отрасли, которые не вошли в анализ, в большей степени связаны с третичной сферой или их доля в общей рассматриваемой выручке так мала, что не оказывает значимого влияния на результат.

Федеральная служба государственной статистики (Росстат) на таком низком территориальном уровне данных по отраслям в такой детальности не предоставляет, в связи с чем к производственным ВЭД относятся разделы С – «Добыча полезных ископаемых», D – «Обрабатывающие производства», E – «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды», F – «Строительство», I – «Транспорт и связь» до 2016 г. включительно и аналогичным группам, за исключением разделения раздела E на два «Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха» и «Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений» с 2017 г.

Методически определение уровня зависимости экономики от производственного сектора осуществлялось следующим образом:

1. Каждый из показателей нормировался методом линейного масштабирования.

2. Нормированные значения показателей складывались.

3. Рассчитывалось отношение суммированного показателя (индекса) к среднему значению: при его величине более 2 экономика МО считается сильно зависимой от производственного сектора, от 1 до 2 – уровень зависимости относится к повышенному, от 0,25 до 1 – среднему и менее 0,25 – слабому.

Нормирование и расчёт среднего происходили только в рамках рассматриваемого региона. При рассмотрении динамики процесса учитывались административно-территориальные преобразования, осуществлявшиеся на территории регионов.

Выбор граничных значений для групп осуществлялся не по статистическому, а по логическому принципу. Превышение значения индекса для МО более, чем в два раза в сравнении со средним по всем муниципалитетам региона говорит об исключительной значимости производственного сектора для данного МО и маркирует наличие в нём либо крупного предприятия, либо деятельность крупной компании, масштаб деятельности которых «перекрывает» собой сферу торговли и государственный сектор. Другой вариант – слабое социально-экономическое развитие, низкий уровень освоенности территории, где начинает действовать крупное предприятие/компания.

Значения индекса от 1 до 2 характеризуют повышенную зависимость от производственного сектора, но при этом большей развитостью третичного и государственного сектора. Это часто могут быть промышленные города или более освоенные районы, сравнительно более близкие и транспортно-доступные к МО, где проживает основная доля населения региона.

Значение индекса от 0,25 до 1 – это муниципалитеты, в которых преимущественно слабо развита промышленность и большую значимость играет торговля и государственный сектор по причине отсутствия здесь крупных промышленных игроков. В них промышленность может быть представлена «обслуживающими» отраслями – пищевая, полиграфическая, строительство и т.д. Другой вариант – это сравнительно крупные городские агломерации и региональные центры, где развитие и влияние «непромышленных» секторов сопоставимо с уровнем действующих крупных предприятий. В связи с этим влияние производственного сектора в них может «размываться» на фоне деятельности большого количества разных акторов.

Значение индекса менее 0,25 маркирует слабоосвоенные территории или районы со слаборазвитой промышленностью и специализацией на других секторах, например, сельском хозяйстве.

Для оценки изменений в уровне зависимости экономики от производственного сектора МО в ходе реализации проектов при нормировании показателей в качестве базовых максимальных и минимальных показателей рассматривались значения за 2011 г. Этот год взят в качестве базового по причине, что к этому периоду уже были в значительной степени преодолены последствия кризисов 2008–2009 гг. и при этом для большинства МО ещё не стали в полной мере отражаться эффекты от реализуемых проектов.

Для оценки динамики рассчитывалось скользящее среднее показателей по трёхлетним отрезкам: 2009–2011, 2010–2012 гг. и т.д.

Полученные результаты.

Краткая характеристика муниципальных образований каждой группы.

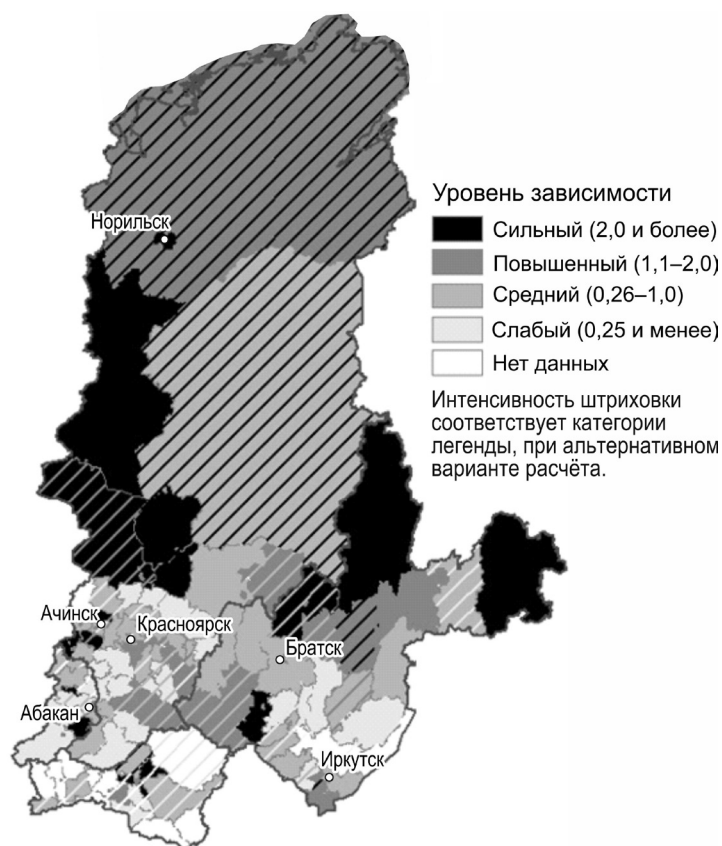
Полученное распределение МО по уровню зависимости их экономики от производственного сектора в 2011 г. представлено

на рисунке 1. МО с высоким уровнем зависимости – это преимущественно два типа территорий:

Среднеудалённые от регионального центра (более трёх часов) и удалённые (более 10 часов) районы с низкой плотностью населения (до 5 чел./км² без учёта городов). Это преимущественно сырьевые районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности, например, Северо-Енисейский, Туруханский, Мотыгинский районы в Красноярском крае; Усть-Илимский, Бодайбинский районы в Иркутской области и др.;

Промышленные нестоличные города, например, Норильск, Сорск, Саяногорск.

В качестве МО с повышенной зависимостью экономики от производственного сектора выделяются города и районы со сравнительно менее высокорентабельными промышленными отраслями. В случае районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей это территории с лесной и деревообрабатывающей промышленностью, добычей железной руды, угля. В случае городов помимо указанных отраслей проявляется металлургия (как чёрная, так и

Рис. 1. Уровень зависимости экономики муниципальных образований от производственного сектора в 2011 г.

Примечание: штриховкой выделены муниципальные образования, по которым распределение при общем расчёте различается от распределения при региональном расчёте².

² На картосхеме представлено два варианта расчётов: первый – на внутрирегиональном уровне, то есть за 1 принималось максимальное значение для муниципальных образований внутри региона (Красноярский край, Иркутская область и др.), за 0 – соответственно минимальное значение в муниципальных образованиях региона; второй – межрегиональный, когда за 1 принимается максимальное значение для муниципальных образований из всех рассматриваемых регионов (в данном случае Красноярский край, Иркутская область, Республики Хакасия и Тыва), за 0 – минимальное значение среди всех МО рассматриваемых регионов.

цветная), крупные электростанции, машиностроение. Например, города Ачинск, Лесосибирск, Боготол, Братск, Усть-Илимск, Абаза; Кежемский, Берёзовский районы в Красноярском крае, Киренский район в Иркутской области. В Иркутской области – также граничащие с Иркутском – Шелеховский, Ангарский городские округа.

МО со средней и слабой степенью зависимости экономики от производственного сектора находятся преимущественно в более освоенных территориях, что выражается как в более близком расположении их центров к региональной столице, так и в более высокой средней плотности населения территории. Зачастую это зоны, благоприятные для ведения товарного сельского хозяйства.

Среднюю зависимость от производственного сектора имеют крупные транспортные узлы, например, Емельяновский район, г. Канск в Красноярском крае, Тайшетский район в Иркутской области; сельскохозяйственные центры, например, Ужурский, Минусинский районы Красноярского края. Но в целом для них характерен широкий набор отраслей – лесозаготовка и деревообработка, добыча угля и стройматериалов, предприятия строительного комплекса и др.

МО со слабой зависимостью экономики от производственного сектора характеризуются наименее рентабельными, в сравнении с другими отраслями, пищевыми, текстильными производствами, лесозаготовками, транспортной деятельностью и специализацией на ВЭД «Забор, очистка и распределение воды, Сбор и обработка сточных вод, ...», что является маркером отсутствия на этих территориях других значимых производств.

Распределение инвестиций по муниципальным образованиям.

Структура инвестиций по типам МО представлена далее в таблицах 2 и 3. Значимая доля МО с высокой зависимостью экономики от производственного сектора обусловлена большим количеством проектов по реконструкции и расширению мощностей действующих предприятий. Примерами являются Большеулуйский район (реконструкция и модернизация Ачинского НПЗ) Красноярского края, г. Саяногорск в Республике Хакасия (восстановление Саяно-Шушенской ГЭС, модернизация действующего производства «РУСАЛа») и др. В части районов реализация крупных проектов началась раньше периода, по которому доступна статистика, в результате чего имеется наведённый эффект, как в случае Туруханского и Катангского районов (освоение Ванкорской группы месторождений и Верхне-чонского месторождения соответственно), в данном случае это территории нового промышленного освоения.

Для МО с повышенным уровнем зависимости от производственного сектора преимущественно характерны проекты в области реконструкции действующих предприятий или строительству новых, причем новые предприятия могут либо расширять действующие производства, как например, в Ангарске (модернизация нефтехимического производства АНХК), либо быть абсолютно новыми и создавать новые специализации для территорий, например, в Кежемском районе (строительство Богучанской ГЭС).

Для районов со средней зависимостью экономики от производственного сектора нельзя выделить чёткого направления проектов, но если отделить региональные центры,

Таблица 2. Соотношение инвестиций и типов проектов для разных типов муниципальных образований

Уровень зависимости экономики МО от производственного сектора	Средняя доля муниципалитетов группы от инвестиций региона	Типы проектов (преобладающее число)
Высокий	30	Реконструкция/модернизация/расширение мощностей
Повышенный	16	Строительство нового предприятия, реконструкция
Средний	38	Строительство нового предприятия, освоение (новые месторождения)
Слабый	0	–

Источник: составлено автором.

то для большинства рассматриваемых МО можно отметить, что проекты либо связаны со строительством новых предприятий, либо с разработкой новых месторождений.

Среди типов проектов с точки зрения их количества (но не объёма финансирования) соотношение направленности модернизации или расширения мощностей действующих предприятий к сырьевым освоённым проектам составляет примерно 50:50. Немногим меньше число проектов по строительству полностью новых предприятий. Таким образом, нельзя говорить о преобладании какого-либо из них.

Структура инвестиций в разрезе МО по уровню зависимости экономики от производственного сектора различается для каждого рассматриваемого региона (табл. 3). В случае Красноярского края основная доля проектов приходится на МО с высокой зависимостью экономики от производственного сектора и связана с расширением деятельности уже функционирующих там добывающих предприятий (исключение – уже упомянутый Туруханский район). Около 30% инвестиций уходят в МО со средним уровнем зависимости от производственного сектора и связаны либо с освоением – разработкой месторождений в случае Эвенкии, либо со строительством новых предприятий – Богучанский район с одноимённым алюминиевым заводом.

В Иркутской области основная доля инвестиций концентрируется в МО с повышенным уровнем зависимости от производственного сектора и связана с расширением или модернизацией действующих производств – Братск, Ангарск. Исключение – Усть-Кутский район с разработкой месторождений и строительством предприятия.

В Республике Хакасия большая часть инвестиций характерна для МО со средним уровнем зависимости от производственного сектора, прежде всего эта группа преобладает за счёт Абакана, концентрирующего 38%

инвестиций региона, но кроме того, в неё попадают активно развивающиеся в регионе МО с «угольной» специализацией – Черногорск, где ведёт свою деятельность «СУЭК-Хакасия», и Алтайский район, где только начинают осваиваться угольные разрезы.

Динамика инвестиций и зависимости экономики муниципальных образований от производственного сектора за период 2009–2020 гг.

Динамика двух показателей – инвестиций в основной капитал и балла, характеризующего степень зависимости экономики от производственного сектора, обобщенно выглядит следующим образом: рост инвестиций в основной капитал влечёт за собой рост балла зависимости экономики от производственного сектора с определённым лагом или без него (зависит от типа проекта и его отрасли) – так характеризуется инвестиционная фаза проекта. В этот момент растёт выручка и занятость в подрядных организациях в сфере строительства, транспорта, инженерном проектировании, производстве оборудования и др.

Вслед за снижением инвестиций происходит и снижение балла, демонстрируя завершение инвестиционной фазы реализации проекта, что выражается в сокращении активности строительной и транспортной сфер. Новый рост после указанного снижения происходит спустя год или более длительный период, за это время происходит запуск предприятия/обновлённого оборудования, вывод на полную мощность, что отражается на объёмах отгрузки, выручке, занятости. Крупный проект может реализовываться этапами, в результате чего балл может расти при временном снижении инвестиций и дальнейшем их росте, это может означать, что первый этап проекта запущен, и далее параллельно осуществляется реализация последующих этапов.

Таблица 3. Распределение инвестиций в разрезе типов экономик муниципальных образований по регионам

Регион	Уровень зависимости экономики муниципального образования от производственного сектора		
	Высокий	Повышенный	Средний
Красноярский край	45	8	30
Иркутская область	18	38	28
Республика Хакасия	29	0	57

Источник: составлено автором.

Таким образом, динамика балла и инвестиций должна быть сходной, и с определённой задержкой коэффициенты корреляции между ними должны быть достаточно близкими. Если этого не происходит, значит статистический ряд не полностью затрагивает период реализации проекта, либо проект реализуется этапами. Далее представлены основные наблюдаемые для рассматриваемых МО типы динамики и соответствующие ей коэффициенты корреляции.

Вариант 1 – стадия роста инвестиционных вложений (первая часть инвестиционной фазы; см. табл. 4; рис. 2.а, 2.б). В качестве примера можно выделить Эвенкию в Красноярском крае, где за рассматриваемый период происходит первая и активная фаза реализации проектов разработки нефтегазоконденсатных месторождений Юрубчено-Тохомской группы и Куюмбинского нефтегазового месторождения. Вторым примером может послужить Алтайский район Хакасии, где в 2010-х гг. начинается освоение Бейского каменноугольного месторождения. С 2012 г. начинается разработка разреза «Аршановский», параллельно ведётся работа по освоению разреза «Майрыхский».

Вариант 2 (рис. 2.в) – завершение инвестиционной фазы и запуск предприятия. Пример – Кежемский район Красноярского края. Балл зависимости экономики от производственного сектора снизился – в первой половине 2010-х гг. завершалось строительство Богучанской ГЭС в рамках совместного проекта Богучанского энерго-металлургического объединения (БЭМО) ПАО «Рус-Гидро» и ОК «РУСАЛ». В 2012–2013 гг. начинается ввод агрегатов, а вывод ГЭС на проектную мощность осуществлён в 2015 г.,

после чего можно наблюдать рост рассматриваемого балла.

Вариант 3 (рис. 2.г) – поэтапная реализация проекта. Пример – Богучанский район со строительством Богучанского алюминиевого завода, первая очередь производства которого запущена в 2016 г. (вторая – 2019 г.).

Вариант 4 (рис. 2.д) – полный инвестиционный цикл. В рамках ограничений во временном промежутке в данном исследовании примерами могут стать МО, в которых реализовывались не освоенческие проекты, а проекты в сфере модернизации/реконструкции фондов. На рисунке 2.д приведён график для Большеулуйского района, где в 2011–2013 гг. происходила реконструкция и модернизация Ачинского НПЗ. Затем балл начинает расти, что связано со строительно-ремонтной деятельностью, затем его снижение связано в том числе и с временной приостановкой деятельности отдельного оборудования. После завершения процесса балл снова имеет тенденцию к росту и в перспективе должен достичь более высокого уровня.

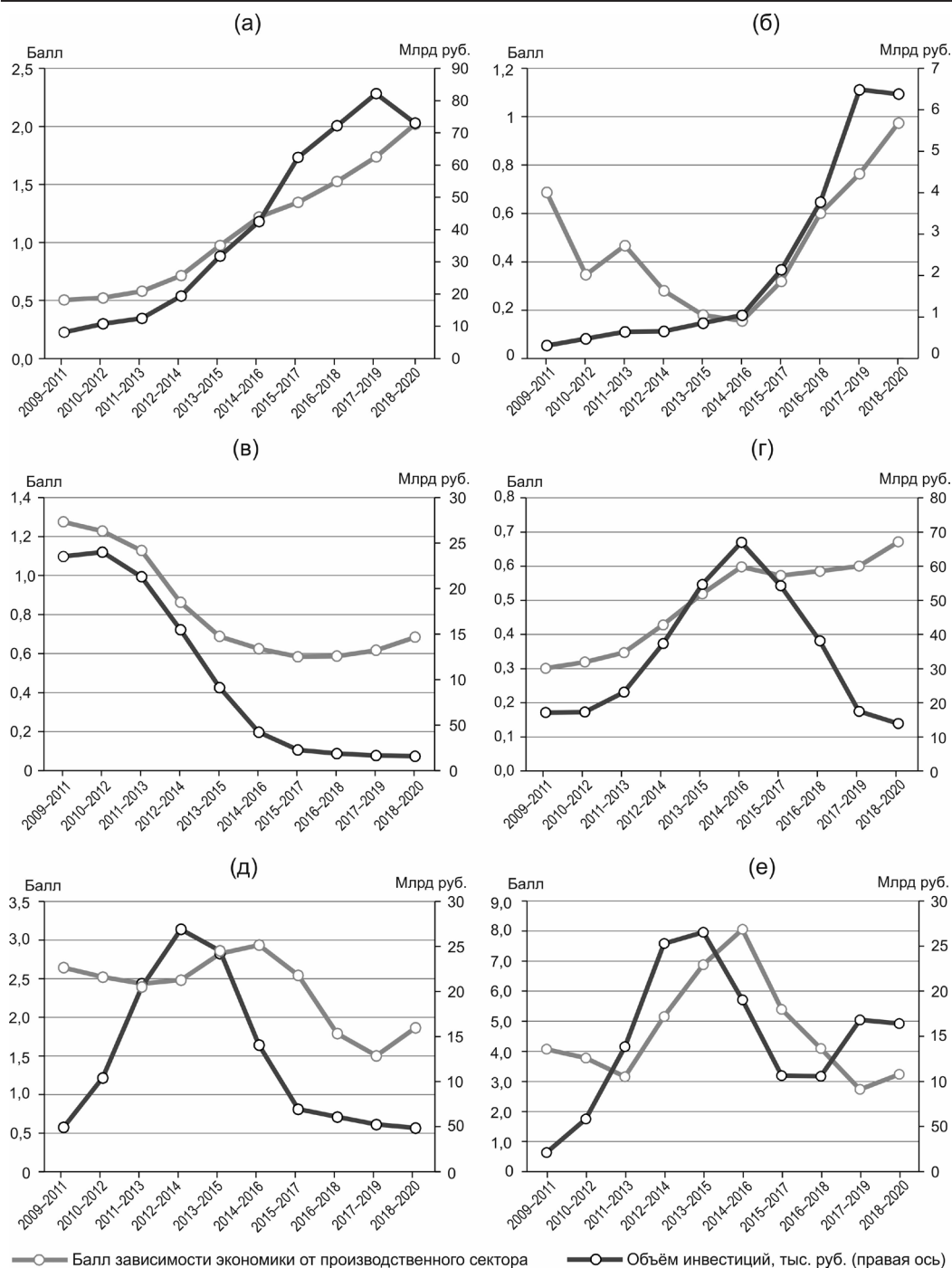
Вариант 5 (рис. 2.е) – серия проектов по реконструкции и расширению производства показана на примере Шарыповского муниципального округа, где в период 2010–2015 гг. осуществлялись модернизация Берёзовской ГРЭС, а также строительство третьего энергоблока, запущенного в 2015 г. Этот пример специфичен по причине пожара на одном из котлов третьего энергоблока, случившийся после его запуска в 2016 г., в результате чего с 2017 г. ведётся восстановление данного котла. Так, можно наблюдать снижение балла, связанного со строительством, инвестиционной фазой, но при этом рост балла в связи с запуском третьего энергоблока не успевает произойти и далее снова заметен

Таблица 4. Коэффициенты корреляции инвестиций в основной капитал и балла, характеризующего уровень зависимости экономики муниципальных образований Красноярского края и Республики Хакасия от производственного сектора

Муниципальное образование	Коэффициент корреляции	Коэффициент корреляции с лагом на 1 период
Эвенкийский муниципальный район	0,97	0,98
Алтайский муниципальный район	0,75	0,91
Кежемский муниципальный район	0,97	0,87
Богучанский муниципальный район	0,35	0,53
Шарыповский муниципальный округ	0,46	0,82

Примечание: период расчёта зависит от периода реализации проекта в каждом конкретном муниципальном образовании.

Источник: составлено автором.

Рис. 2. Характерные типы динамики инвестиций в основной капитал и балла, характеризующего уровень зависимости экономики муниципальных образований от производственного сектора.

- а) Фаза роста инвестиционных вложений, Эвенкийский муниципальный район Красноярского края.
 б) Фаза роста инвестиционных вложений, Алтайский муниципальный район Республики Хакасия.
 в) Фаза снижения инвестиционных вложений (завершение инвестиционной фазы) и запуска предприятия, Кежемский муниципальный район Красноярского края.
 г) Завершение одного из этапов проекта с запуском первой очереди, Богучанский муниципальный район Красноярского края.
 д) Полный инвестиционный цикл для проекта в сфере реконструкции, Большеулуйский муниципальный район Красноярского края.
 е) Серия проектов по реконструкции и расширению производства, Шарыповский муниципальный округ Красноярского края.

Источник: составлено автором.

рост инвестиций и вслед за ним балла, который связан уже с ремонтом.

Для обобщения периоды реализации всех проектов на рассматриваемой территории были приведены к формату единого времени и годы были заменены условной нумерацией от 0, когда начинается инвестиционная фаза, и далее все годы подряд. Это позволяет сопоставить динамику инвестиций и балла, характеризующего зависимость экономики от производственного сектора, для всех рассматриваемых МО. К сожалению, на данном этапе не удалось полностью разделить этапы реализуемых подряд или одновременно проектов, связанных с реконструкцией/модернизацией фондов, что находит своё отражение на графиках далее, где часть проектов накладывается друг на друга, но в расчётах, представленных в таблице 5, данное ограничение было учтено и особенности динамики показаны более точно.

Можно проследить следующие особенности динамики инвестиций и уровня зависимости экономики от производственного сектора (см. табл. 5; рис. 3, 4). В целом, динамика инвестиций в основной капитал для всех типов проектов схожая – постепенно темпы их роста снижаются и сменяются небольшим сокращением, после завершения инвестиционной фазы темпы снижения потока инвестиций увеличиваются.

Фаза роста инвестиций в основной капитал для освоённых проектов в среднем длится 5–6 лет, при этом они характеризуются наибольшими темпами прироста ин-

вестиций. Как в случае освоения новых месторождений, так и в случае строительства новых предприятий темпы роста сходные и сравнительно высокие, поскольку в данном случае необходимо обустройство площадок, строительство зданий и сооружений, транспортировка и установка дорогостоящего оборудования. После завершения инвестиционной фазы можно наблюдать обновлённый рост инвестиций, однако это уже другие, в десятки раз меньшие, абсолютные величины и связаны они в основном с запуском на полную мощность, обслуживанием, расширением запущенных предприятий.

Проекты, связанные с реконструкцией/модернизацией или расширением действующих мощностей, характеризуются меньшими темпами роста инвестиций в основной капитал, но период с положительной динамикой может быть более долгим. Это можно объяснить тем, что предприятия могут осуществлять серию краткосрочных проектов, в результате чего объём инвестиций практически на протяжении всего времени характеризуется серией небольших пиков. В осреднённом виде получается практически полное отсутствие фазы снижения инвестиций. Инвестирование зачастую происходит параллельно с функционированием предприятий и не требует вложений такого масштаба, как это происходит в случае строительства нового предприятия или освоения.

Отдельно выделены региональные столицы, где одновременно реализуется большое количество разнонаправленных проектов,

Рис. 3. Динамика инвестиций в основной капитал для разных типов проектов, % к предыдущему году.

Источник: расчёты автора по данным Росстата.

Рис. 4. Динамика балла, характеризующего зависимость экономики муниципальных образований от производственного сектора в ходе реализации проектов разных типов, % к предыдущему году.

Источник: расчёты автора по данным СПАРК-Интерфакс.

и выделить влияние каждого конкретного проекта затруднительно.

Балл, характеризующий зависимость экономики МО от производственного сектора, в динамике практически не достигает уровня ниже 100% к предыдущему году (см. рис. 4), то есть на протяжении реализации проектов он преимущественно растёт с разными темпами. Наибольшие темпы роста связаны с фазой роста инвестиций, что происходит прежде всего за счёт строительства и транспортировки, далее происходит замедление вплоть до остановки положительной динамики, связанное с завершением этапа строительства и обустройства. Новое ускорение связано с запуском и постепенным выходом на полную мощность предприятий, что можно наблюдать на рисунке 4 для проектов, связанных с их строительством, и проектов, связанных с модернизацией или расширением действующих производств. Для проектов в сфере освоения новых месторождений можно наблюдать финальную фазу, когда эффект завершается и балл остаётся на одном уровне. В этот период начинается сравнительно стабильная добыча на новом обустроенном месторождении.

Таблица 5 далее позволяет проанализировать особенности динамики балла для МО с разной степенью зависимости экономики от производственного сектора. В целом, для освоенческих проектов «распределение»

эффекта соответствует имеющейся экономической «базе»: чем она ниже, тем темпы роста балла на стадии активизации инвестирования больше. Это обеспечивается за счёт строительства и транспортировки и сопровождается формированием этих отраслей на данной территории. Аналогична динамика после запуска предприятия/ начала добычи, но балл уже меняется за счёт начала отгрузки продукции.

Эффект для проектов в сфере добычи полезных ископаемых существенно выше, чем для проектов в сфере строительства новых предприятий, что связано, помимо более низкой рентабельности этих производств, и с тем, что запуск предприятий на полную мощность происходит более медленными темпами и эффект проявится в более поздний период. Однако строительство новых предприятий зачастую происходит в более освоенных зонах, в ходе строительства чаще привлекаются местные предприятия, что, например, происходило в случае строительства Богучанской ГЭС. Кроме того, для строительства таких крупных предприятий на территории района могут создаваться специализированные организации, в ведении которых находятся проектирование и контроль строительства. Например, в Богучанском районе значимый вклад в динамику балла вносила деятельность компании АО «Организатор строительства Богучанского алюминиевого завода».

Таблица 5. Динамика изменения потока инвестиций в основной капитал и балла, характеризующего степень зависимости экономики муниципальных образований от производственного сектора в муниципалитетах Красноярского края, Иркутской области и Республики Хакасия

Фаза проекта	Тип проекта	Длительность фазы, лет	Средние темпы роста/снижения инвестиций, %	Средние темпы роста/снижения балла, характеризующего степень зависимости экономики от производственного сектора, %			Коды ВЭД, за счёт которых менялся балл
				1	2	3	
Рост инвестиционных вложений	Освоение (новые месторождения)	5–6	49	3	34	52	41–43 (строительство) 49–51 (деятельность транспорта)
	Освоение (новые предприятия)	5–6	44	–	–	15	52 (Складское хозяйство и вспомогательная транспортная деятельность) + при наличии в МО, где ведётся строительство новых предприятий: 16 (обработка древесины...) 23 (производство прочей неметаллической минеральной продукции)
	Модернизация/реконструкция/расширение действующих предприятий	3–4	29	10	-9	–	5–9 (добыча полезных ископаемых, снижение занятости, выручки в отрасли специализации, но рост в добыче стройматериалов) 23 (производство прочей неметаллической минеральной продукции) 33 (ремонт и монтаж машин и оборудования) 41–43 (строительство) 49–51 (деятельность транспорта)
Завершение инвестиционной фазы	Освоение (новые месторождения)	3–4	-26	3	36	10	52 (складское хозяйство и вспомогательная транспортная деятельность) ВЭД специализации проекта
	Освоение (новые предприятия)	3–4	-24	–	–	3	ВЭД специализации проекта
	Модернизация/реконструкция/расширение действующих предприятий	1–3	-48	-5	-4	–	ВЭД специализации проекта
Затрагиваемый период после запуска предприятия/ начала добычи	Освоение (новые месторождения)	–	-35	6	10	65	ВЭД специализации проекта 49–51 (деятельность транспорта)
	Освоение (новые предприятия)	–	-29	–	–	10	ВЭД специализации проекта 49–51 (деятельность транспорта)
	Модернизация/реконструкция/расширение действующих предприятий	–	-12	15	1	–	ВЭД специализации проекта

Примечания:

- 1) Степени зависимости экономики от производственного сектора пронумерованы по порядку 1. Высокий; 2. Повышенный; 3. Средний.
- 2) Данные рассчитаны по ограниченному промежутку времени, поэтому в каждом случае учитывались проекты, где рассматриваемая фаза присутствует. Из-за этого возникает возможная неточность в указании длительности завершения инвестиционных фаз проектов, так как частично они могут ещё не завершиться.
- 3) Прочерк стоит в случае, когда нельзя указать время окончания фазы или в случае отсутствия явления.

Источник: расчёты автора.

В случае проектов, связанных с модернизацией/реконструкцией или расширением действующих фондов, динамика является менее позитивной – почти во всех случаях в ходе инвестиционной фазы можно наблюдать снижение балла, поскольку происходящие изменения зачастую напрямую связаны с действующими производствами и временным выводом части фондов из функционирования. Однако на этапе роста инвестиций балл также растёт, что связано с активизацией таких видов деятельности, как ремонт и хранение. За время функционирования предприятий вокруг него формируется система подрядных организаций, в результате чего, эффект в ходе реализации проекта может быть численно меньшим, но более комплексным, поскольку проект влияет на большее число уже сформированных обслуживающих отраслей. Помимо уже упомянутых сфер, это в том числе инженерные изыскания, технический анализ и исследования (ВЭД 71).

В то же время эффект после реализации проекта для МО с высокой зависимостью экономики от производственного сектора является значительным и превышает показатели для освоенческих проектов почти во всех случаях.

Выводы. За прошедшие 15 лет в Восточной Сибири ведётся активное освоение районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей как с точки зрения начала разработки новых месторождений полезных ископаемых, так и с точки зрения строительства новых производственных мощностей. В более южных и промышленно освоенных в советский период районах и городах активно ведутся проекты в сфере реконструкции и модернизации действующих предприятий.

К настоящему времени создано большое количество экономических моделей, оценивающих мультипликативные эффекты от реализации инвестиционных проектов. Однако они рассматривают регион целиком без внутренней дифференциации.

Разработанная методика ориентирована на определение влияния инвестиционных проектов на внутрирегиональном уровне на примере изменения уровня зависимости экономики муниципалитетов их реализации от производственного сектора. Его определение происходит через балльную оценку, включающую в себя показатели занятости и выручки.

Взаимосвязь динамики инвестиций в основной капитал и балльной оценки уровня зависимости экономики от производственного сектора зависит от ряда причин, основными среди которых являются рассматриваемая стадия реализации проекта, его направленность (модернизация/освоение), отрасль, в которой он осуществляется, а также от начального уровня значимости производственного сектора для экономики муниципалитета, в которой реализуется проект.

Фаза инвестирования дает положительный эффект с точки зрения роста значимости производственного сектора экономики преимущественно для проектов в сфере освоения. При этом после роста балла его аналогичного снижения вопреки теоретическим ожиданиям в среднем не наблюдается, поскольку для большинства случаев эффект от строительства сменяется запуском первых этапов проектов при продолжении инвестиционного цикла. После окончания инвестирования происходит запуск предприятий на полную мощность и рост балла снова активизируется.

Эффекты от освоенческих проектов в среднем выше, поскольку они связаны со становлением новых отраслей на территории и строительством с нуля. Однако, во всех случаях эффект зависит от уровня экономической «базы». Если для освоенческих проектов наибольший рост балла наблюдается в МО со средним уровнем зависимости экономики от производственного сектора, то в проектах реконструкции/модернизации или расширения фондов напротив, в МО с сильной зависимостью экономики от производства. Кроме того, в этом случае задействовано больше отраслей, потому что в ходе деятельности предприятий вырастает система обслуживающих подрядных предприятий, чего нет в случае освоенческих проектов. Поэтому можно сказать, что влияние в случае модернизационных проектов на экономику является более комплексным, хотя масштаб этого влияния и не соотносится с проектами, в ходе которых строятся новые предприятия.

Таким образом, наиболее заметны эффекты для наиболее слабоосвоенных муниципалитетов (районов Крайнего Севера) рассматриваемых регионов – осуществляются проекты, связанные с освоением полезных ископаемых. Однако вахтовое освоение

в дальнейшем может свести его к минимуму ввиду отсутствия формирования на этой территории обслуживающих отраслей. Территория Приангарья более освоенная и реализуемые на ней проекты могут дать потенциально больший эффект для этой территории в будущем, что будет связано не только с их обслуживанием, но также и с выступлением этих районов как баз освоения добывающих проектов Крайнего Севера. Выгодное экономико-географическое положение будет приводить к более активному инфраструктур-

ному освоению этой территории, что можно наблюдать уже сегодня на примере моста через р. Енисей в районе п. Высокогорский, а также формированию здесь обслуживающих отраслей, прежде всего – ремонта.

Финансирование. Работа выполнена в рамках НИР ГЗ МГУ НИЛ регионального анализа и политической географии №121051400064-0 «Агломерационные эффекты в развитии территориальных социально-экономических систем».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бакланов П.Я.* Пространственное развитие региона: основные принципы и подходы к анализу и оценкам // Социально-экономическая география. Вестн. Ассоц. рос. географов-обществоведов. 2017. № 6. С. 4–12.
2. *Гранберг А.Г.* Основы региональной экономики. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 492 с.
3. *Земцов С.П., Царева Ю.В., Салимова Д.Р., Баринова В.А.* Занятость в малом и среднем бизнесе в России: в поисках факторов роста // Вопросы экономики. 2021. № 12. С. 66–93.
4. *Изотов Д.А.* Новая экономическая география: границы возможностей // Пространственная экономика. 2013. № 3. С. 124–160.
5. *Конопляник А.А.* Анализ эффекта от реализации нефтегазовых проектов СРП в России для бюджетов разных уровней // Нефтяное хозяйство. 2000. № 10. С. 24–30.
6. *Пономарёв Ю.Ю., Евдокимов Д.Ю.* Построение усеченных таблиц «Затраты–выпуск» для регионов России с использованием коэффициентов локализации // Проблемы прогнозирования. 2021. № 6 (189). С. 43–58.
7. *Пономарёв Ю.Ю., Евдокимов Д.Ю.* Оценка расширенных мультипликативных социально-экономических эффектов на основе модели межотраслевого баланса // Экон. развитие России. 2020. Т. 27. № 7. С. 30–45.
8. *Салимова Д.Р., Царева Ю.В., Земцов С.П.* Влияют ли новые предприятия на рост занятости в регионах России: кратко- и среднесрочные эффекты // Вопросы экономики. 2023. № 3. С. 102–125.
9. *Семькина И.О.* Оценка региональных социально-экономических эффектов при реализации нефтегазовых проектов Восточной Сибири: автореф. дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Ин-т экономики и организации пром. пр-ва СО РАН. Новосибирск, 2013. 24 с.
10. *Суслицын С.А.* Проект СИРЕНА: от концепции до технологии // Регион: экономика и социология. 2017. № 4. С. 25–61.
11. *Чистяков П.А., Ромашина А.А., Петросян А.Н., Шевчук Е.И., Бабурин В.Л.* Центры экономического роста Российской Федерации на муниципальном уровне // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2020. № 4. С. 58–68.
12. *Шмат В.В.* Оценка влияния нефтегазового сектора на социально-экономическое развитие Ханты-Мансийского автономного округа: дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Ин-т экономики и организации пром. пр-ва СО РАН. Новосибирск. 2001. 183 с.
13. Industry Leontief Production Functions in IMPLAN. [Электр. ресурс] // IMPLAN Support: URL: <https://support.implan.com/hc/en-us/articles/360035967274-Sector-Production-Functions-in-IMPLAN> (дата обращения: 11.05.2022).
14. *Finken R.D., Arbatov A.A., Moukhin A.V. et al.* Regional impact of project spending // Oil & Gas Executive. 1998. № 1. P. 38–44.
15. *Friedmann J.* Regional planning and nation-building: An agenda for international research // Economic Development and Cultural Change. 1967. Vol. 16. № 1. P. 119–129.
16. *Lynch T. et al.* Analyzing the Economic Impact of Transportation Projects Using RIMS II, IMPLAN and REMI. Florida: Florida State University, 2000. 32 p.
17. RIMS II: An Essential Tool for Regional Developers and Planners [Электр. ресурс] // RIMS II User Guide: URL: https://www.bea.gov/sites/default/files/methodologies/RIMSII_User_Guide.pdf (дата обращения: 15.04.2022).

Статья поступила в редакцию журнала 1 мая 2023 г.

Об авторе:

Демидова Ксения Викторовна – аспирантка кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. г. Москва

Для цитирования:

Демидова К.В. Оценка влияния крупных инвестиционных проектов на развитие экономики муниципальных образований в регионах Восточной Сибири // Региональные исследования. 2023. № 4. С. 80–94.

DOI: 10.5922/1994-5280-2023-4-7

Assessment of large-scale investment projects impact on economic development of municipal economies in Eastern Siberia

K.V. Demidova

*Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Moscow, Russia
e-mail: metsan_henki@mail.ru*

The article correlates the dynamics of investment in the municipalities of Krasnoyarsk Krai, Irkutsk Oblast, and the Republic of Khakassia, where large investment projects are implemented, and the dynamics of their economy's dependence on the production sector during the implementation of investment projects. It is shown that the dynamics is determined by the phase of project implementation, its type and the level of the initial economic base of the municipality. Projects begin to influence the level of dependence of municipal economies on the production sector starting from the investment phase, when activities in the field of construction, transport, repair are activated. At the investment phase, the level of economic dependence may no longer be reduced due to the start-up of enterprises. The impact of the project is more noticeable for less developed areas, which is associated with a "low" base effect, while for urban districts the effect is "diluted" or more strongly reflected in the tertiary sector. In the case of projects for modernization and reconstruction of existing plants, the effect during the investment phase can be negative, as the implementation of projects involves the suspension of some equipment, but after the end of the investment phase it is the greatest for the economy with a "high" base, and more complex, reflecting on the system of service industries formed during the operation of the enterprise.

Keywords: economic effects, municipalities, investment projects, industrial production, Eastern Siberia.

Funding: the study was prepared within the framework of the research work of the Lomonosov Moscow State University Research Laboratory of Regional Analysis and Political Geography № 121051400064-0 «Agglomeration effects in the development of territorial socio-economic systems».

Received 01.05.2023

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА

УДК 338.48

ТУРИСТСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН: ДЕСТИНАЦИИ И ТЕНДЕНЦИИ

© 2023 г. С.В. Кондратьева

*Институт экономики Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск, Россия
e-mail: svkorka@mail.ru*

На основе официальных данных выездного организованного туризма предложен авторский подход к исследованию туристских предпочтений российских граждан в страновом разрезе. Цель исследования – выявление туристских предпочтений россиян за период 2004–2021 гг. и их изменение под влиянием вызовов современности. Исследование базируется на анализе массива статистических данных организованного туризма за период 2004–2021 гг. в разрезе федеральных округов и регионов РФ. В исследовании применены методы экономического анализа, общенаучные, а также географические и статистические методы; рассчитаны медианные показатели. Исследование позволило сформировать общее представление об основных направлениях отдыха российских граждан и тенденциях их развития, а также о динамике туристских предпочтений россиян под влиянием экономических, геополитических и иных факторов. Выявлено, что в динамике внутреннего и международного турпотоков имеются существенные различия: внутренний туризм характеризуется устойчивой линией тренда, международный – значительными колебаниями, вызванными влиянием вызовов современности. Среди федеральных округов Северо-Западный является лидером по интенсивности как внутреннего, так и международного туризма в 2019 г. и 2021 г. Противоположную позицию занимает Северо-Кавказский округ. Южный – единственный округ, где наблюдалось преобладание показателя интенсивности внутреннего туризма над международным туризмом. Определено 14 дестинаций в туристских предпочтениях россиян в страновом разрезе за период 2004–2021 гг. Показано, как вызовы современности и многообразие действующих факторов отражаются на динамике, объемах и долях принимающими дестинациями российских организованных туристов. Полученные результаты позволяют сформировать общее представление об основных направлениях отдыха и тенденциях их развития, а также динамике туристских предпочтений россиян в страновом разрезе. Практическое применение предложенного подхода позволит расширить возможные варианты принимаемых управленческих решений.

Ключевые слова: туристские предпочтения, российские граждане, выездной организованный туризм, туристский поток, международный туризм, внутренний туризм.

DOI: 10.5922/1994-5280-2023-4-8

Введение и постановка проблемы. Изучение досуга и отдыха представляется значимым направлением современных исследований, учитывая, с одной стороны, необходимость поддержания и восстановления физических и эмоциональных сил населения, воспроизводство человеческого капитала, а, с другой – внимание к туристской сфере деятельности со стороны федеральных и региональных властей, в том числе с позиции вызываемого этой сферой деятельности социально-экономического эффекта. Какие туристские дестинации вы-

бирают российские граждане, совершая организованные туристские поездки? Можно ли выделить общие направления и тенденции туристского выбора россиян? Как повлияли вызовы современности на их туристские предпочтения? Поиску ответов на эти вопросы посвящено настоящее исследование, целью которого является выявление туристских предпочтений российских граждан за период 2004–2021 гг. и их изменение под влиянием вызовов современности на основе официальных статистических данных организованного туризма.

Обзор ранее выполненных исследований. Изучение туристских предпочтений является одним из ключевых направлений российских и зарубежных исследований ученых экономической, географической, социологической, политологической и иных направлений науки. Спектр изучаемых вопросов и применяемых подходов к выявлению закономерностей и специфики исследуемых явлений достаточно широк.

Особое место в ряду таких работ занимают исследования, фокусирующиеся на значимости туристско-рекреационной деятельности в качестве фактора восстановления физических и эмоциональных сил, воспроизводстве человеческого капитала, а также актуализирующие проблематику доступности туризма и отдыха. Так, анализ российских регионов по экономическим возможностям организации туризма и отдыха на основе расчета интегрального индикатора уровня платежеспособного спроса населения показывает значительную межрегиональную дифференциацию субъектов РФ. Среди 85 российских регионов (по состоянию на 2021 г.) население лишь 17 субъектов РФ обладает высокими и выше среднего экономическими возможностями в организации отдыха и в выборе дестинаций, позволяя данные регионы рассматривать «в качестве доноров туристов для других российских регионов и собственной территории, стимулируя развитие внутреннего туризма в России, а также потенциальными потребителями услуг зарубежных туристских дестинаций» [14, с. 119]. При этом доминирующая часть российских регионов (68%) относится к группам низкого и ниже среднего уровня возможностей населения в организации отдыха и туризма [14]. Исследователи подчеркивают влияние макроэкономических процессов на доходы населения и уровень его благосостояния, определяя и структуру расходов на услуги туризма и отдыха [22], что выводит экономический фактор в категорию решающих в процессе выбора дестинаций и осуществления туристской поездки.

Исследования динамики, структуры и факторов развития выездного организованного туризма, более или менее детально анализирующие туристские предпочтения россиян в страновом разрезе в определенный период времени [1; 2; 5; 10; 12; 21], демонстрируют одновременно стабильность одних

и динамичность других процессов под влиянием вызовов современности. Так, исследование выездного международного туризма в страны Европейского Союза выявляет, что туристский поток эластичен к доходу россиян и курсу евро, характеризуясь выраженной сезонностью [9].

Отдельного внимания заслуживают работы, раскрывающие проблематику туризма в качестве инструмента «жесткой силы» [3, с. 53–61]. Так, исследователи анализируют влияние обстоятельств 2014 г. на развитие выездного туризма в РФ, закрытие популярных среди россиян курортных направлений (Египет и Турция), что в 2016 г. привело к переориентации многих туристских компаний на внутренний туризм и выразилось в росте расходов путешественников по РФ [13; 16], способствовало «появлению новых лидеров, в успехах которых четко проявилось разделение «турецко-египетского пирога»» [5, с. 228]. Учитывая высокую чувствительность сферы туризма и гостеприимства, внимания заслуживает исследование событий категории «черный лебедь», оказавших существенное влияние на объемы и структуру российского рынка выездного туризма в период 2014–2018 гг. [8].

Другой вызов современности – пандемии COVID-19, оказавший крайне негативное влияние на функционирование туристского рынка [4], отражен в возрастающем числе работ, демонстрирующих, одновременно, и положительный эффект в развитии внутреннего туризма, когда впервые за многие годы произошел существенный рост внутреннего туристского потока [15], в том числе благодаря стимулирующему действию программы «туристического кэшбэка» [20]. Вместе с тем, исследователи указывают, что ключевым фактором сдерживания международного выездного туризма являются не боязнь эпидемиологической обстановки в мире, а закрытие стран и отсутствие авиасообщения, что подтверждается данными 2020 г. и период снятия ряда антиковидных ограничений и открытием границ ОАЭ и Турции [6].

Отдельное место среди научных поисков по проблематике выездного туризма, включая как международный, так и внутренний поток, занимают региональные исследования, раскрывающие различные аспекты функционирования, специфику и ограничения [7; 17–19].

Вместе с тем, несмотря на множественность научных наработок, посвященных анализу туристских предпочтений российских граждан в страновом разрезе, исследования динамики, объемов и структуры выездного туристского потока, разрозненность в пространственном и временном аспекте затрудняют комплексность восприятия исследуемой проблематики. Настоящее исследование направлено на восполнение имеющегося научного пробела, позволяет сформировать общее представление об основных направлениях отдыха и тенденциях развития туристских предпочтений российских граждан за период 2004–2021 гг., а также об их динамике под влиянием вызовов современности.

Материалы и методика исследования.

Предложенный подход к исследованию туристских предпочтений российских граждан базируется на анализе обширного массива статистических данных организованного туризма за период 2004–2021 гг. в разрезе федеральных округов и регионов РФ. Исследование позволило сформировать общее представление об основных направлениях отдыха и тенденциях их развития, а также динамике туристских предпочтений россиян под влиянием вызовов современности. Под последними понимаются сдерживающие туристские потоки факторы экономического, геополитического, медико-биологического, транспортно-логистического и иного характера, материализующихся в динамике объемов и доли принимающими дестинациями российских организованных туристов.

Для достижения поставленной цели по выявлению туристских предпочтений российских граждан за период 2004–2021 гг. в работе проанализированы следующие показатели:

- динамика организованного туризма россиян в разрезе международного и внутреннего туризма за период 2004–2021 гг., чел.;
- интенсивность организованного туризма по федеральным округам (ФО) и субъектам РФ в разрезе международного и внутреннего туризма в 2019 г. и 2021 г., чел./тыс. чел.;
- структура организованного турпотока за рубеж в 2019 г. и 2021 г., %.

В работе учтен исключительно организованный туристский поток, представленный

в разрезе 85 российских регионов и позволяющий в полной мере сопоставить туристские предпочтения россиян за исследуемый период 2004–2021 гг. Под организованным туристским потоком понимается число граждан РФ, отправленных в туры российскими туристскими компаниями. Таким образом, в исследовании учтено два туристских потока: международный (за рубеж) и внутренний (по РФ). В этой связи интенсивность туризма рассчитана для этих двух организованных туристских потоков как частное числа отправленных в туры российских граждан к численности населения конкретных субъектов РФ, что позволяет сопоставить российские регионы с позиции туристских возможностей и предпочтений населения российских регионов.

$$I_j = \frac{T_j}{A_j},$$

где I_j – интенсивность организованного туризма j региона, чел. / 1 тыс. чел.; T_j – число отправленных в туры (за рубеж или по РФ) российских граждан j региона, чел.; A_j – численность местного населения j региона, тыс. чел.

Следует указать ограничения для проводимого исследования: использование данных исключительно организованного туризма (без учета самостоятельного турпотока российских граждан), что обуславливается наличием и достоверностью статистических данных в региональном разрезе.

В исследовании применены методы экономического анализа, общенаучные (сопоставления, сравнения, обобщения, индукции и дедукции), а также географические и статистические. В работе рассчитаны медианные показатели.

Результаты исследования.

Динамика организованного турпотока граждан РФ за период 2004–2021 гг.

Потребности и возможности организации туризма и отдыха российских граждан фиксируется в объемах организованного туристского потока за рубеж и по России (рис. 1). Наблюдаемая за период 2004–2021 гг. динамика количественных показателей позволяет выявить тенденцию роста как международного, так и внутреннего туризма, при этом:

Рис. 1. Динамика организованного туризма граждан РФ за период 2004–2021 гг., чел.
Источник: составлено автором.

- динамика международного выездного туризма подвержена значительному влиянию геополитических, медико-биологических и иных факторов (спады турпотока в 2014–2016 гг. и в 2020 г.), преодоление которых проявляется в стремлении восстановления показателей в последующие годы;
- рост внутреннего туризма достаточно стабилен и описывается линией тренда ($R^2 = 0,8893$); заметное усиление объемов внутреннего туризма наблюдается с 2014 г.

Максимальная диспропорция выездного международного и внутреннего туризма (расхождение 6,05 млн чел.) наблюдалась в 2013 г., а с 2014 г., когда фиксировалась тенденция схождения объемов туристских потоков, материализовавшаяся в преобладании в 2020–2021 гг. объемов внутреннего туризма над международным туризмом (более 1,5 млн чел.). Возможность преодоления продолжительной тенденции предпочтения россиянами зарубежных дестинаций организованным турам по РФ во многом появилась благодаря санкционным, транспортно-логистическим и организационным ограничениям, формируемых вызовами современности. Кроме того, следует обозначить положительную роль программы стимулирования внутреннего туризма через «туристический кэшбэк», реализуемой с периода ограничения новой коронавирусной инфекции.

Достаточно показательными для исследования представляется допандемийный 2019 г., когда произошло практически полное восстановление международного выездного организованного потока за рубеж после его резкого сокращения в 2014–2016 гг. при одновременном стабильном росте спроса на внутренний туризм, а также уже пандемийного 2021 г.

Исследовательский интерес представляет проблематика направлений и объемов организованных туристских потоков в разрезе федеральных округов и российских регионов, а также изменение структуры выездного организованного туризма под влиянием вызовов современности.

Интенсивность организованного туризма по федеральным округам: 2019 г. и 2021 г.

Расчет показателей интенсивности внутреннего и международного туризма показателен и представлен в таблице 1. Если обрушение международного туризма наблюдалось по всем федеральным округам РФ (особенно, в Дальневосточном ФО, где спад составил 6,2 раза), то половина федеральных округов демонстрирует рост показателя по внутреннему туризму (Уральский, Сибирский, Дальневосточный и Северо-Кавказский ФО).

Лидирующую позицию по интенсивности как внутреннего, так и международного

Таблица 1. Интенсивность организованного туризма по федеральным округам за 2019 г. и 2021 г., медиана

№	Федеральный округ	Внутренний туризм		Международный туризм	
		2019 г.	2021 г.	2019 г.	2021 г.
1	Центральный	15,0	13,6	18,9	12,0
2	Северо-Западный	28,3	27,8	39,0	17,1
3	Южный	27,8	14,7	13,6	5,9
4	Северо-Кавказский	2,2	3,0	3,9	1,2
5	Приволжский	18,6	14,5	23,5	15,2
6	Уральский	16,2	16,7	37,6	20,3
7	Сибирский	10,1	15,2	20,8	8,9
8	Дальневосточный	5,1	6,5	44,3	7,1
по РФ в целом		17,1	14,0	22,2	11,6

Источник: рассчитано и составлено автором.

туризма и в 2019 г., и в 2021 г. занимал Северо-Западный ФО, население которого является самым активным потребителем организованного туризма в РФ. Противоположную позицию занимает Северо-Кавказский ФО, характеризующийся самыми низкими показателями интенсивности как международного, так и внутреннего туризма в исследуемые года.

Федеральные округа не однородны по выбору населением туристских направлений, подразумевая обобщенно российскую и зарубежную дестинации. Так, половина федеральных округов характеризуется изменением диспропорции туристских потоков с преобладания международного на внутренний туризм (Северо-Западный, Сибирский, Центральный и Северо-Кавказский ФО); другая половина федеральных округов сохранила имеющиеся туристские предпочтения в выборе дестинаций, проявляющиеся в предпочтении россиянами международного туризма в сравнении с внутренним туризмом (Уральский, Приволжский, и Дальневосточный ФО). Южный ФО – единственный в РФ с преобладанием показателя интенсивности внутреннего над международным туризмом.

Вместе с тем следует указать наблюдаемую неоднородность российских регионов в пределах всех федеральных округов.

Региональные диспропорции организованного туризма (2019 г. и 2021 г.).

Анализ показателей интенсивности организованного внутреннего и международного туризма показывает, что население доминирующего числа российских регионов (54, или 63,5%) в 2019 г. выбирало зарубежные

дестинации (рис. 2.). При этом превышение показателя интенсивности выездного международного туризма над внутренним туризмом у ряда субъектов РФ составляло несколько раз (особенно это характерно для регионов Дальневосточного ФО). Для усиления наглядности на графике добавлены пунктирные линии и не представлены три субъекта РФ в силу предельных значений рассматриваемых показателей: два города федерального значения – Москва и Севастополь, а также Республика Карелия. Так, у двух последних регионов превышение объемов внутреннего туризма над международным составляло, соответственно, 14,3 раза и 3 раза, Москва демонстрирует противоположную пропорцию, равную 2,5 раза.

Ограничения пандемии COVID-19 привнесли кардинальные изменения в динамику и объемы трансграничной туристской мобильности, прекратив по ряду туристских направлений возможности организованного отдыха россиян за рубежом. Наряду с этим, реализуемая программа поддержки внутреннего туризма явилась одним из стимулов активизации организованных туристских поездок по стране, что наглядно представлено на рисунке 3. Так, в 2021 г. население значительного числа российских регионов (58, или 65,2% субъектов РФ) выбирало отдых внутри государства, предпочитая его поездкам за рубеж.

Для усиления наглядности распределения российских регионов по интенсивности организованного туризма в 2021 г. на графике не представлены три города федерального значения, характеризующиеся предельными значениями показателя внутреннего туризма

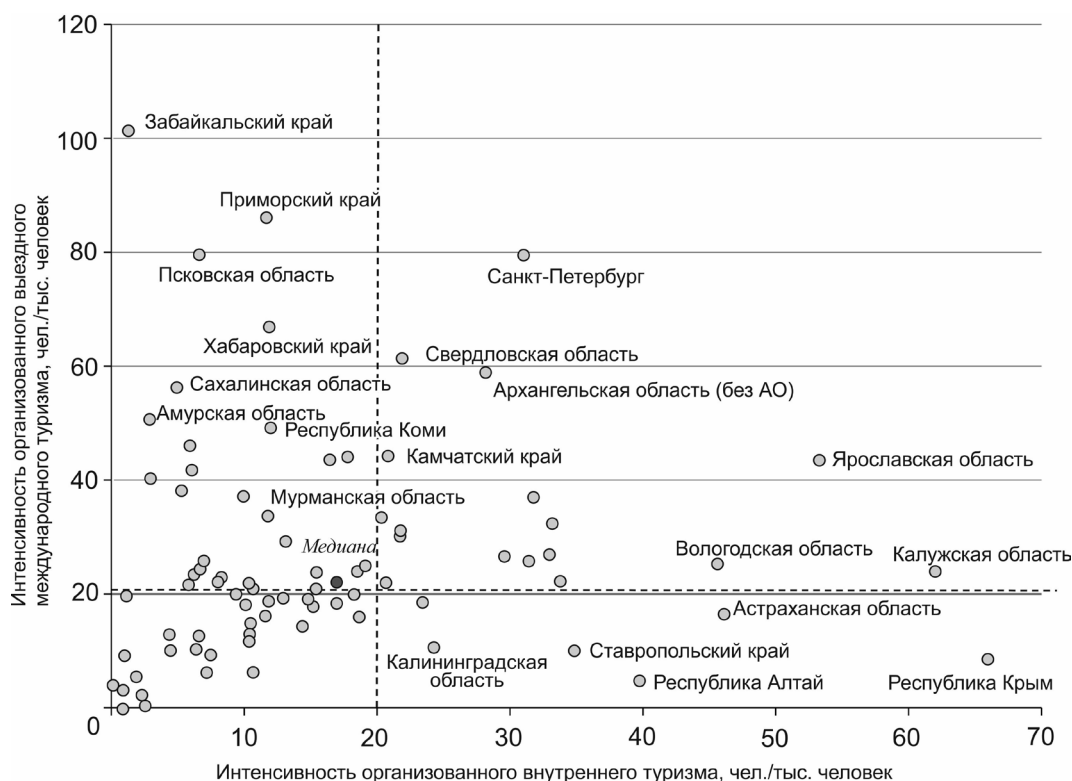

Рис. 2. Распределение российских регионов по интенсивности организованного туризма в 2019 г., чел./1 тыс. чел. (медиана по РФ обозначена курсивом).

Источник: рассчитано и составлено автором.

(125–269 чел. / 1 тыс. чел.). Если у городов Севастополь и Санкт-Петербург разрыв показателей интенсивности внутреннего и международного туризма значителен (соответственно, 39 раз и 2,4 раза), то г. Москва характеризуется сопоставимостью значений показателей: 197,4 и 194,7 чел. / 1 тыс. чел. местного населения.

При наблюдаемой тенденции переноса выбора отдыха с международных направлений на туры по РФ почти трети российских регионов (24, или 28,2%) удалось сохранить превалирование показателя интенсивности международного туризма над внутренним.

Анализ регионов по интенсивности показателей внутреннего и международного туризма в сопоставлении с медианными значениями выявляет, что в 2019 г. лишь у трети субъектов РФ (23 или 27%) наблюдалось превышение данных показателей над медианными значениями по РФ, в 2021 г. число таких регионов увеличилось (27 или 32%). При этом 25, или 29,4% субъектов РФ сохранили свои высокие / выше

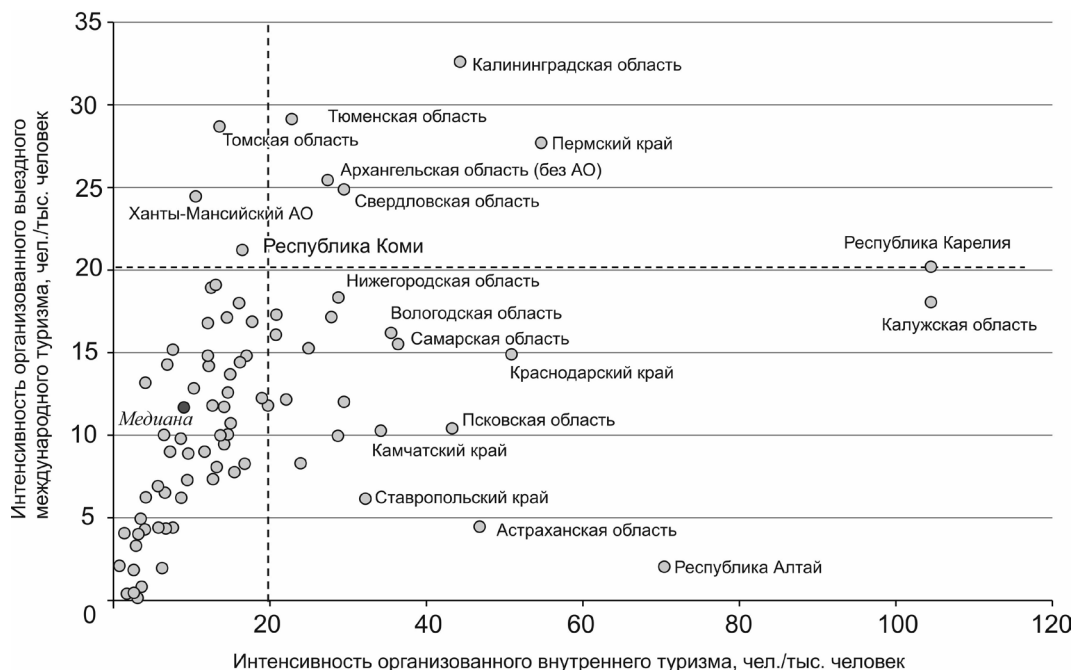
среднего позиции по организованному отдыху, подразумевая как внутренний туризм, так и международный.

Вместе с тем следует акцентировать внимание, что для большинства субъектов РФ произошло значительное сокращение расчетного показателя.

География туристских предпочтений граждан РФ.

Исследование выбора туристских направлений гражданами РФ для организованного отдыха (рис. 4.) выявляет достаточно ограниченный список основных стран мира, насчитывающий порядка 14 государств. В качестве основных стран в данном исследовании рассматриваются государства, принявшие более 1% выездного организованного туристского потока россиян в 2019 г. или в 2021 г. (соответственно, более 118,3 тыс. чел. и 104,6 тыс. чел.).

Среди туристских направлений, предпочтённых российскими организованными туристами в 2019 г. (рис. 4.), выделяется

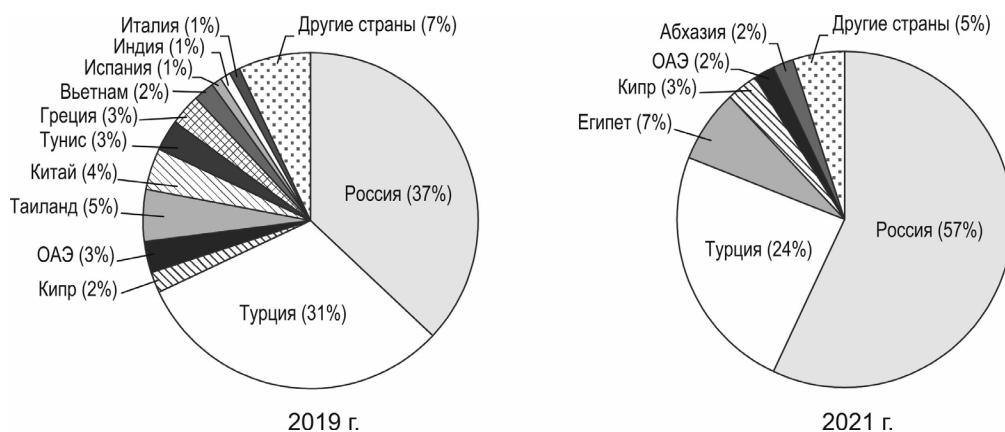

Рис. 3. Распределение российских регионов по интенсивности организованного туризма в 2021 г., чел. / 1 тыс. чел. (медиана по РФ обозначена курсивом).
Источник: рассчитано и составлено автором.

Российская Федерация и страны Средиземноморья в лидерстве с Турецкой Республикой.

Распределение туристских предпочтений россиян в страновом разрезе в 2021 г. (рис. 4.) также подтверждает усиление популярности организованного внутреннего туризма и спада выездного международного туризма (63% в 2019 г. и 43% в 2021 г.).

Влияние разнообразных факторов материализуется в структуре туристских предпочтений организованных российских туристов и их изменение под влиянием вызовов современности: усиление доли одних направлений (например, РФ, Египет) и резкое сокращение роли других (например, Таиланд) в структуре выездного организованного туризма. Наблюдаемые тенденции выявля-

Рис. 4. Структура туристских предпочтений российских граждан по выбору направлений в 2019 г. и 2021 г. в страновом разрезе, % (организованный туризм).
Источник: рассчитано и составлено автором.

ют многообразие действующих как стимулирующих, так и сдерживающих факторов экономического, геополитического, медико-биологического, транспортно-логистического и иного характера, материализующихся в динамике объемов и доли принимающими дестинациями российских организованных туристов.

Выводы. На основе предложенного подхода, базирующегося на данных официальной статистики организованного туризма за период 2004–2021 гг., выявлены туристские предпочтения российских граждан в выборе туристских дестинаций и их изменение под влиянием вызовов современности.

Так, несмотря на рост количественных показателей выездного организованного туризма россиян за исследуемый период, внутренний туризм характеризуется устойчивой линией тренда, и, наоборот, международный туризм подвержен значительным колебаниям. Усиливающаяся роль внутреннего туризма, подкрепляемая, с одной стороны, лимитирующим воздействием разнонаправленных факторов, ограничивающих выбор россиянами зарубежных дестинаций, а, с другой – стимулирующим действием программ туристического «кэшбэка» материализовалась в 2021 г. в предпочтении россиянами в качестве места отдыха российской дестинации. Таким образом, произошло изменение пропорций выездного организованного туризма с преобладания международного в допандемийный 2019 г. (54 субъекта РФ или 63,5%) на превалирование внутреннего туризма в 2021 г. (58 регионов или 65,2%).

В разрезе федеральных округов лидирующую позицию по интенсивности как внутреннего, так и международного туризма в 2019 г. и 2021 г. занимает Северо-Западный ФО, противоположную – Северо-Кавказский ФО. Южный ФО является единственным округом в РФ с преобладанием показателя интенсивности внутреннего туризма над международным туризмом.

Исследование туристских предпочтений российских граждан в страновом разрезе для проведения организованного отдыха за период 2004–2021 гг. выявляет достаточно ограниченный список 14 основных государств с лидирующими позициями РФ. Многообразие действующих как стимулирующих, так и сдерживающих факторов экономического, геополитического, медико-биологического, транспортно-логистического и иного характера, материализуется в динамике объемов и доли принимающими дестинациями российских организованных туристов. Так, анализ структуры организованного туризма обнаруживает разнонаправленные тенденции. Кроме того, наблюдается усиление позиций одних государств в качестве принимающих дестинаций (РФ, Турецкая Республика, Египет), так и тенденции ослабления других (Таиланд, Греция, Испания, Италия); ОАЭ демонстрируют пример ее удержания. Выявление действия каждого отдельного фактора или некоторой их совокупности требует более детального анализа как в пространственном (страновом, региональном), так и во временном разрезе, что остается за рамками настоящего исследования.

Дальнейшее исследование будет направлено на поиск и анализ факторов притягательности выделенных принимающих дестинаций для российских граждан, сопоставление доступности организации туризма и отдыха для населения российских регионов, а также динамики организованного туризма с учетом фактора сезонности, социально-экономических, демографических и иных характеристик. Детальный анализ в страновом разрезе позволит сформулировать рекомендации по регулированию потоков организованного туризма (динамика турпотоков, международное сотрудничество, визовый режим).

Финансирование. Исследование проведено в рамках выполнения государственного задания Карельского научного центра РАН.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александрова А.Ю.* География туристских потоков в Российской Федерации: статистика, тренды, проблемы // Наука. Инновации. Технологии. 2017. № 1. С. 95–108.
2. *Александрова Е.Н., Маровгулов В.Н.* Основные изменения в потоках международного туризма в России на современном этапе // Экономика устойчивого развития. 2016. № 4 (28). С. 13–16.

3. *Александрова А.Ю., Шипугина М.В.* Международный туризм как геополитическая сила. М.; Берлин: Директ-Медиа. 2020. 98 с. DOI 10.23681/597731.
4. Виды туризма и география турпотоков в зеркале пандемии COVID-19. Под ред. А.Г. Манакова. Псков: Псковский гос. ун-т, 2022. 214 с.
5. *Деточенко Л.В., Лобанова Н.А.* Ретроспективный анализ места стран Зарубежной Азии как принимающей базы для российских туристов в условиях меняющейся геополитической ситуации современности // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2018. № 5 (128). С. 224–231
6. *Деточенко Л.В., Фесенко В.В.* Анализ и географические особенности международного выездного туризма жителей России в период пандемии коронавируса 2020–2021 годов // Вестн. Удмурт. ун-а. Сер. Биология. Науки о Земле. 2022. № 32(2). С. 205–215.
7. *Жулина М.А., Кицис В.М.* География туристских потоков Республики Мордовия // Регионоведение. 2021. № 29 (4). С. 866–885. DOI: 10.15507/2413-1407.117.029.202104.866-885.
8. *Журдан Г.И., Левин Л.А.* «Чёрные лебеди» рынка выездного туризма: анализ последствий и возможностей // Научный вестн. МГИИТ. 2019. № 1 (57). С. 8–17.
9. *Зюляев Н.А.* Анализ взаимных туристских потоков между Россией и странами Евросоюза // Сервис в России и за рубежом. 2019. № 13 (3). С. 48–63. DOI: 10.24411/1995-042X-2019-10304.
10. *Климова Т.Б., Вишневецкая Е.В., Аноприева Е.В.* Структура и динамика турпотоков: тенденции и определяющие факторы // Сервис в России и за рубежом. 2017. № 11 (5). С. 6–18. DOI: 10.22412/1995-042X-11-5-1.
11. *Лукин Е.В., Леонидова Е.Г., Сидоров М.А.* Стимулирование внутреннего спроса как фактора экономического роста (на примере сферы внутреннего туризма) // Экон. и соц. перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. № 11 (4). С. 125–143. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.8.
12. *Манаков А. Г., Иванов И.А.* Динамика туристского обмена России с соседними странами Северной Европы в 2004–2018 гг. // Псковский регионоведческий журнал. 2019. № 3 (39). С. 128–144. [Электронный ресурс]. URL: <http://ras.jes.su/region/s221979310011951-9-1> (дата обращения: 10.09.2023).
13. *Миленина А.Н., Семка Ю.В., Покровский Н.В.* Проблемы развития и организации выездного туризма // Экономическая среда. 2019. № 2 (28). С.50–54.
14. *Морошкина М.В., Кондратьева С.В.* Доступность туризма и отдыха для населения России: экономический аспект // Регион: экономика и социология. 2022. № 3 (115). С. 105–125. DOI: 10.15372/REG20220305.
15. *Рубцова Н.В., Солодухин К.С.* Внутренний и выездной туризм в России: состояние и прогноз развития в условиях пандемии COVID-19 // Экономика, предпринимательство и право, 2022. № 12 (1). С. 301–314. DOI: 10.18334/ep.12.1.114074.
16. *Рындач М.А.* Анализ туристских предпочтений международного и внутреннего туризма РФ // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 8 (7). С. 90–98.
17. *Сазыкин А.М., Широкова А.В.* Развитие международного туризма в Приморском крае: китайское направление // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 1 (60). С. 108–119.
18. *Турченко Е.С.* Основные направления и динамика выездного и въездного туризма в Псковской области // Региональные исследования. 2015. № 3 (49). С. 144–153.
19. *Харитоновна Н.В., Лимпинская А.А.* Состояние и перспективы выездного туризма в Пермском крае // Географический вестник. 2016. № 2 (37). С. 139–147. DOI: 10.17072/2079-7877-2016-2-139-147.
20. *Шпилько С.П., Степуренко О.А.* Субсидии в виде кешбэка как форма поддержки спроса в сфере внутреннего туризма // Вестн. PMAT. 2020. № 4. С. 24–30.
21. *Furmanov K, Balaeva O., Predvoditeleva M.* Tourism flows from the Russian Federation to the European Union // Anatolia. 2012. № 23 (1). P. 17–31. DOI: 10.1080/13032917.2011.653629.
22. *Zubarevich N.V., Safronov S.G.* People and money: Incomes, consumption, and financial behavior of the population of Russian regions in 2000–2017 // Regional Research of Russia. 2019. № 9 (4). P. 359–369. DOI: 10.1134/S2079970519040129.

Статья поступила в редакцию журнала 27 июля 2023 г.

Об авторе:

Кондратьева Светлана Викторовна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела региональной экономической политики Института экономики Карельского научного центра Российской академии наук, г. Петрозаводск.

Для цитирования:

Кондратьева С.В. Туристские предпочтения российских граждан: дестинации и тенденции // Региональные исследования. 2023. № 4. С. 95–104.

DOI: 10.5922/1994-5280-2023-4-8

Travel preferences of Russian citizens: destinations and trends

S.V. Kondrateva

*Institute of Economics Karelian Research Centre
of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russia
e-mail: svkorka@mail.ru*

The purpose of the study is to identify the tourist preferences of Russians for the period 2004–2021 and their change under the influence of modern challenges. The study is based on the analysis of an array of statistical data on organized tourism for the period 2004–2021 in the context of federal districts and regions of the Russian Federation. The study used methods of economic analysis, general scientific, as well as geographical and statistical methods; median values were calculated. The study made it possible to form a general idea of the main vacation destinations of Russian citizens and their development trends, as well as the dynamics of tourist preferences of Russians under the influence of economic, geopolitical and other factors. It has been revealed that there are significant differences in the dynamics of domestic and international tourist flows: domestic tourism is characterized by a stable trend line, international tourism – by significant fluctuations caused by the influence of modern challenges. Among the federal districts, the North-Western is the leader in terms of intensity of both domestic and international tourism in 2019 and 2021. The North Caucasus District occupies the opposite position. Southern is the only district where there was a predominance of the intensity of domestic tourism over international tourism. 14 destinations were identified in the tourist preferences of Russians by country for the period 2004–2021. It is shown how the challenges of our time and the variety of operating factors are reflected in the dynamics, volumes and shares of Russian organized tourists receiving destinations. The results obtained allow us to form a general idea of the main areas of recreation and trends in their development, as well as the dynamics of tourist preferences of Russians at a country level. The practical application of the proposed approach will expand the possible options for management decisions.

Keywords: travel preferences, Russian citizens, outbound organized tourism, tourist flow, international tourism, domestic tourism.

Funding: the study was prepared within the framework of the state assignment of the Karelian research Center of the Russian academy of Sciences.

Received 27.07 .2023

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ» В 2023 ГОДУ**

Абдуллаев А.М., Землянский Д.Ю., Медведникова Д.М., Чуженькова В.А. Особенности применения кредитных инструментов «инфраструктурного меню» и их возможное влияние на бюджетную ситуацию в регионах России. № 1. С. 42–55.

Агирречу А.А. Г.М. Лаппо и Московский университет. № 2. С. 12–24.

Адамайтис С.А. Оценка возможностей и ограничений развития коммунальной инфраструктуры на принципах государственно-частного партнерства в регионах России. № 2. С. 39–50.

Акулёнок С.В. Социальный капитал в зарубежной Европе: территориальная дифференциация и влияние на социально-экономическое развитие регионов и стран. № 1. С. 86–97.

Антипова Е.А., Ян Лю Систематизация научных взглядов в Китае на изучение урбанизации. № 2. С. 79–89.

Антонов Е.В., Битюкова В.Р. Подходы к оценке антропогенного воздействия в муниципальных образованиях (на примере Байкальской природной территории). № 2. С. 51–65.

Бабкин Р.А. Обзор отечественных подходов к оценке маятниковой трудовой миграции. № 3. С. 52–64.

Бабурин В.Л. Оценка участия экономических районов России в международном разделении труда. № 3. С. 37–51.

Бакланов П.Я., Мошков А.В. Территориальные производственно-экономические структуры: типы и их отношения в региональном развитии. № 3. С. 4–17.

Балабан М.О., см. Кириллов П.Л.

Балабейкина О.А., Коробущенко В.Ю., Мартынов В.Л. Оценка уровня урбанизированности территории Финляндии. № 3. С. 81–91.

Битюкова В.Р., см. Антонов Е.В.

Боос В.О., Шубина В.И., Куценко Е.С. Регионы России в фокусе индекса качества креативных политик. № 4. С. 53–65.

Газарьян Г.С., Гречко Е.А. Формирование современных цепочек добавленной стоимости в производстве одежды: географические аспекты. № 4. С. 4–17.

Гао Л., см. Кириллов П.Л.

Гречко Е.А., см. Газарьян Г.С.

Даньшин А.И., Радикевич А.В. Комплексная оценка развития сельского хозяйства российско-белорусского приграничья. № 4. С. 66–79.

Демидова К.В. Оценка влияния крупных инвестиционных проектов на развитие экономики муниципальных образований в регионах Восточной Сибири. № 4. С. 80–94.

Дружинин А.Г. Талассоцентрированность приморских территорий России: селитебное и хозяйственное измерение. № 4. С. 18–28.

Дунец А.Н., см. Кобызев Н.С.

Землянский Д.Ю., см. Абдуллаев А.М.

Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Налогово-бюджетная дифференциация регионов России: масштабы и динамика. № 1. С. 31–41.

Илларионова О.А., см. Климанова О.А.

Кириллов П.Л., Махрова А.Г., Балабан М.О., Гао Л. Сжимающиеся города в России в постсоветский период. № 1. С. 4–18.

Климанов В.В., см. Климанова О.А.

Климанова О.А., Илларионова О.А., Климанов В.В. Природные туристские аттракторы в регионах России: методика анализа и пространственное распределение. № 2. С. 66–78.

Кобызев Н.С., Дунец А.Н. Дифференциация туристских центров Алтая при формировании сети маршрутов. № 3. С. 92–103.

Колонка главного редактора. № 2. С. 4.

Кондратьева С.В. Туристские предпочтения российских граждан: дестинации и тенденции. № 4. С. 95–104.

Коробущенко В.Ю., см. Балабейкина О.А.

Кузнецова О.В. Новые закономерности в современной динамике социально-экономического развития регионов России. № 1. С. 19–30.

Кузнецова О.В. Приграничная торговля как объект исследований и государственного регулирования. № 3. С. 18–26.

Куценко Е.С., см. Боос В.О.

Лаппо Г.М. Методика исследования региональных систем городских поселений. № 2. С. 5–11.

Лапишина Е.М. Рынок загородной недвижимости Санкт-Петербурга и Ленинградской области во время пандемии COVID-19. № 1. С. 98–108.

Любичанковский А.В. География ментальности как этологическая география: предметно-объектный анализ. № 3. С. 27–36.

Лялина А.В. Внутрирегиональная миграция как фактор динамики численности населения муниципальных образований Калининградской области. № 3. С. 65–80.

Максименко Д.Д. Актуальные факторы размещения высокотехнологичных производств в России. № 4. С. 29–40.

Мартынов В.Л., см. Балабейкина О.А.

Махрова А.Г., см. Кириллов П.Л.

Медведникова Д.М., см. Абдуллаев А.М.

Мошков А.В., см. Бакланов П.Я.

Радикевич А.В., см. Даньшин А.И.

Романов М.С., Скачков В.С. Оценка перспектив развития мировых финансовых центров Латинской Америки. № 1. С. 74–85.

Сафронов С.Г., см. Зубаревич Н.В.

Синцеров Л.М. Вопросы транснационализации мирового хозяйства и сдвиги в географии прямых иностранных инвестиций в 1970–2020 гг. № 4. С. 41–52.

Скачков В.С., см. Романов М.С.

Страхов К.А. Территориальная дифференциация и районирование города в исследованиях советской географии (1920–1980-е гг.). № 2. С. 90–100.

Супрунчук И.П., см. Ткачева Т.А.

Тархов С.А. Территориальная структура сети аэропортов Индии. № 2. С. 25–38.

Ткачева Т.А., Супрунчук И.П. Социально-медийное пространство Северного Кавказа: структура и внутрорегиональные особенности. № 1. С. 56–73.

Чуженькова В.А., см. Абдуллаев А.М.

Шубина В.И., см. Боос В.О.

Ян Лю, см. Антипова Е.А.

